

Цветочки
Александра
Меня

Подлинные истории о жизни доброго пастыря,
собранные *Юрием Пастернаком*

Мемуары (АСТ)

**Цветочки Александра
Меня. Подлинные истории
о жизни доброго пастыря**

«АСТ»

2017

УДК 281.93(092) Мень А.
ББК 86.372 Мень А.

Цветочки Александра Мень. Подлинные истории о жизни доброго пастыря / «АСТ», 2017 — (Мемуары (АСТ))

ISBN 978-5-17-102342-3

Отец Александр Мень (1935–1990) – протоиерей, богослов, проповедник, автор множества книг о религии. Он был не просто священником, а в каком-то смысле духовным отцом целого поколения. На его проповеди в подмосковном храме собирались люди со всех концов огромной страны, многие приезжали из-за рубежа. Название книги, составленной Юрием Пастернаком, отсылает к «Цветочкам Франциска Ассизского» – средневековому своду народных преданий о наивном и мудром основателе ордена нищенствующих монахов. Открытость отца Александра, его обаяние, харизма, внутренняя сила, а главное – умение и готовность найти общий язык с каждым, независимо от образования и общественного положения, – всё это продолжает восхищать и притягивать людей даже после его мученической кончины. В книге собраны воспоминания тех, кто лично знал отца Александра. Среди авторов – писатели Александр Солженицын, Фазиль Искандер и Людмила Улицкая, филологи Сергей Аверинцев и Вячеслав В. Иванов, актёр Сергей Юрский, бард и диссидент Александр Галич, дирижёр Владимир Спиваков, режиссёр и сценарист Андрей Смирнов и многие другие.

УДК 281.93(092) Мень А.
ББК 86.372 Мень А.

ISBN 978-5-17-102342-3

, 2017

© ACT, 2017

Содержание

От составителя	7
Вступительное слово протоиерея Александра Борисова	10
Pro et contra	12
Детство	22
Отрочество	33
Юность	37
Штрихи к портрету	43
Встреча	49
В храме	68
На исповеди	74
В домике при церкви	83
Община	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Цветочки Александра Меня. Подлинные истории о жизни доброго пастыря

Составитель *Юрий Пастернак*

Предисловие *прот. Александра Борисова*

Художник *Владимир Мачинский*

Макет *Антон Ходаковского*

Фото на переплёт любезно предоставлено *Ранетом Матказиным*.

В книгу вошли фотографии В. Андреева, С. Бессмертного, В. Данкова, А. Ефимова, С. Илюшенко, А. Лихачёва, О. Обуховой, С. Руковой, В. Сычёва, а также из семейного архива А. Меня.

От составителя

*Приятны завершённые труды.
Гомер*

Книга эта начиналась в Крыму, летом 2010 года. Я писал воспоминания о моём духовном отце Александре Мене и отчётливо помню, как спустилась откуда-то сверху (возможно, с крымских гор), пришла и поселилась во мне эта новая идея: собрать под одной обложкой весёлые и лёгкие шутки батюшки, его яркие и остроумные замечания, блистательные афоризмы, острые и зачастую неожиданные слова, сказанные по тому или иному поводу: на исповеди или в малой группе, в домашней обстановке или просто в беседе, по пути на станцию или в электричке... Сказанное отцом Александром нередко поворачивало жизнь человека, придавая его духовному пути новое евангельское направление, определённый и ясный вектор движения и развития. Это его свойство так определяет священник Александр Борисов: «...иногда в спешке, на ходу, отец Александр мог сказать что-то очень важное, – но дело в том, что он обладал столь быстрой реакцией, что даже на ходу брошенная фраза была, как правило, неслучайной; его слова оказывались очень точными и правильными. Это касалось и пастырских советов, и суждений по самым разным вопросам и проблемам».

Поначалу идея книги была выражена в заглавии «Отец Александр сказал...» С этого я и начал. Но, погружаясь в чтение воспоминаний о нём, понял, что в книгу просятся не только слова, им произнесённые, но и потрясающие истории, участие отца Александра в которых становилось катализатором, преобразующим реальные жизненные сюжеты в поучительные притчи, исполненные высокого смысла. Мне показалось также важным отобразить в книге явления и происшествия таинственные, мистические: исцеления по его молитвам, его удивительные прозорливость и пророческий дар, внезапные перемены событий, спасительные для участвующих в них людей, наконец, свидетельства о мысленном общении с батюшкой уже после его мученической кончины, и о чудесной его помощи тем, кто молитвенно обращается к нему в трудные минуты жизни. Мне попадались подобные книги о преп. Серафиме Саровском, прав. Иоанне Кронштадтском, преп. Серафиме Вырицком, о свт. Луке Войно-Ясенецком и др. И вот, на мой взгляд, настало время и отца Александра Меня...

Вскоре я прочитал изданную в 2007 году в «Издательстве Францисканцев» книгу «Цветочки Иоанна Павла II», названную так по аналогии со знаменитыми «Цветочками Святого Франциска Ассизского» («I Fioretti di San Francesco»), и подумал, что наша книга могла бы называться «Цветочки Александра Меня». Перечитав заново «Цветочки Франциска», я обнаружил, что некоторые «главки-цветочки» не такие уж маленькие, и тогда мой первоначальный замысел претерпел некоторые изменения. Я понял, что не следует ограничиваться короткими рассказами, тем более что такого рода материал посыпался на меня как из рога изобилия.

В течение шести с лишним лет я прочёл практически все опубликованные воспоминания об отце Александре. С карандашом в руке перечитал фундаментальные работы Ива Амана, Владимира Илюшенко, Зои Маслениковой, Александра Зорина, Андрея Ерёмкина, протоиерея Димитрия Предеина, а также множество мемуаров, написанных духовными детьми отца Александра. Среди них – воспоминания о. Владимира Зелинского, Владимира Леви, Владимира Файнберга, Олега Степурко, Сергея Бычкова, Андрея Бессмертного-Анзиминова, Михаила Завалова, Софии Руковой, Марианны Веховой, Григория Зобина, Светланы Домбровской, Нины Фортунатовой, Андрея Таврова (Суздальцева), Натальи Трауберг, Людмилы Улицкой, Тамары Жирмунской, Ариадны Ардашниковой, Лиона Измайлова и других. Что-то я вычитывал из журналов «Континент», «Христианос», «Истина и жизнь», «Вышгород», из церковных журналов и приходских газет прошлых лет. Заходя в книжные магазины, я перелисты-

вал мемуарную литературу и иногда находил несколько строчек об отце Александре у самых неожиданных авторов, таких, например, как скрипач Владимир Спиваков, композитор Николай Каретников, литературовед Майя Каганская, княгиня Надежда Волконская...

Особую благодарность я испытываю к Владимиру Ерохину, издателю и редактору журнала «Приходские вести», в каждом номере которого можно было прочесть что-то абсолютно новое и уникальное об отце Александре Мене. Интересные воспоминания я нашёл на сайте, посвящённом отцу Александру. Иной раз любопытные материалы я находил в самых неожиданных углах всемирной паутины. Кое-что перепало мне из новостной ленты Фейсбука. Что-то я печатал «с голоса», с кассет и дисков, из документальных фильмов о батюшке, из выступлений на вечерах памяти. Совершенно особое место в книге занимают эксклюзивные материалы, добытые мною с помощью диктофона. Некоторые духовные чада отца записывали свои воспоминания и присылали мне на электронную почту. Кое-кто из знавших близко отца Александра обещали что-нибудь написать, но так и не довели дела до конца. Иногда у меня хватало терпения и настойчивости, и в результате появлялись на свет такие шедевры, как воспоминания Владимира Юликова, Марии Борисовой, Мариам Менё – племянницы и Елены Менё – дочери отца Александра...

Итак, «процесс пошёл» и стал разрастаться. И книга, составленная из «цветочков», постепенно становилась ароматным «лугом духовным», на котором расцвели самые разнообразные цветы: от простых полевых ромашек до лилий саронских, окружённых душистым разнотравьем, принесённым сюда от четырёх ветров, со всего света, со всех континентов. Взять для примера хотя бы историю исцеления венесуэльского священника Карлоса Торреса от рака по молитвам отца Александра!

Иные истории оказывались слишком длинными, и их приходилось резать по живому, а то и вовсе от них отказываться. Объём книги продолжал расти, и постепенно менялась концепция проекта, приходило ясное понимание: образ отца Александра должен сложиться из впечатлений и воспоминаний тех, кто его видел, слышал, вникал, размышлял. То есть – отец Александр глазами других.

Было большое искушение взять в книгу что-нибудь из сказанного им на выступлениях, лекциях или написанное в статьях и книгах, во множестве писем, и опубликованных, и хранящихся у адресатов. Сколько прекрасных мыслей и отточенных формулировок! Но нет. Эти книги можно прочесть самостоятельно и лекции послушать на дисках. А в «Цветочках» должно быть только то, что появлялось в результате личного общения батюшки с теми, кто оказывался рядом.

В 2015 году мы отмечали две даты: 80 лет со дня рождения отца Александра и 25 лет, как его не стало. Меня не может не радовать то обстоятельство, что интерес к личности и наследию отца Александра не угасает, но, напротив, возрастает. Состоялась презентация многотомного собрания его сочинений, готовящегося Издательством Московской Патриархии. В ноябре 2014 года в Музее русской иконы с успехом прошла выставка «Отец Александр Менё – художник». На Первом канале был показан новый документальный фильм «Александр Менё. “Я всё успел...”» В московском издательстве «Центр книги Рудомино» вышел тираж «На пороге бессмертия» – книги воспоминаний, свидетельств о последней встрече с отцом Александром. В рамках традиционного Вечера памяти в Библиотеке иностранной литературы состоялась презентация монографии прот. Димитрия Предеина «Протоиерей Александр Менё как выдающийся православный катехизатор и миссионер второй половины XX века». Книги батюшки изданы миллионными тиражами на четырнадцати языках мира, и сотрудники Фонда имени Александра Меня, руководимого Павлом Вольфовичем Менем, братом отца Александра, готовят к печати новые книги, принадлежащие перу батюшки.

О. Александр Борисов сказал однажды: «Собираемые по крохам подлинные картинки из жизни настоящих живых святых неизменно свидетельствуют прежде всего об окружавшей их

атмосфере радости и счастья». Мне в жизни невероятно повезло: в течение семи лет Александр Мень был моим духовным отцом, и я испытал на себе мощную силу гравитационного поля Новой Деревни и животворящего благодатного потока, пронизывающего маленькую деревянную церковь Сретения Господня с голубым куполом, воспетым Александром Галичем.

Благодарю всех авторов нашей книги и наследников тех, кто уже ушёл в Вечность, за великодушное разрешение опубликовать фрагменты их воспоминаний. Эта книга стала результатом соборной деятельности, стала нашим общим делом, совершённым в любви к Богу, к отцу Александру Мению и друг к другу.

Благодарю и фотографов, любезно предоставивших фотографии отца Александра из разных периодов его жизни. Вот их имена: Ранет Матказин (его фотография украшает обложку книги), Виктор Андреев, Сергей Бессмертный, Виктор Данков, Александр Ефимов, Сергей Илюшенко, Андрей Лихачёв, Ольга Обухова, София Рукова, Владимир Сычёв.

Особую благодарность я выражаю Ирине Языковой, чьи советы и предложения радикально улучшили и структуру книги, и отдельные главы, и конкретные тексты, отбором и редактированием которых мы с Ириной занимались около двух лет.

Горячее участие в редактировании и улучшении текста принял Сергей Бычков, сделавший ряд существенных и важных замечаний и поправок.

Я приношу сердечную благодарность Павлу Мению, брату отца Александра, сопредседателю Фонда Александра Меня, за постоянную помощь и участие в подготовке книги, особенно на финальной стадии.

Огромное спасибо Людмиле Улицкой, благосклонно прочитавшей рукопись и показавшей её Елене Шубиной, принявшей судьбоносное для книги решение, благодаря чему книга выходит в лучшем российском издательстве. Хочется также поблагодарить блестящих профессионалов, работавших над книгой: литературного редактора Галину Беляеву, выпускающего редактора Анну Колесникову и старательную и ответственную Веронику Дмитриеву.

Отец Александр так говорил писателю Марку Поповскому, работавшему над книгой об архиепископе Луке Войно-Ясенецком: «Главное, чтобы до людей дошла правда о владыке. Ведь история его жизни может изменить и жизнь многих читателей». Я надеюсь, что эта книга об отце Александре Мене совершит свою работу в мире и Церкви и поможет хотя бы одному человеку отыскать дорогу к Храму и встретить в своей жизни Христа.

Юрий Пастернак

Вступительное слово протоиерея Александра Борисова

Первый вопрос, который почти наверняка возникнет у читателя, взявшего в руки этот однотомник: есть ли необходимость писать и издавать ещё одну книгу о человеке, о котором и так уже много написано? Этот вопрос, естественно, возник и у меня, когда мой друг и прихожанин Юрий Пастернак, замечательный музыкант и композитор, попросил написать предисловие к книге об отце Александре Мене, над которой он работал не один год. Внимательно читая эту новую книгу, я всё больше понимал, что ответ на вопрос заключается в самом ее названии – «Цветочки Александра Меня»: у знающей публики это сразу же ассоциируется с «Цветочками Святого Франциска Ассизского».

Однако речь ни в коем случае не идёт о сопоставлении двух характеров. Как и у всех выдающихся служителей Церкви, общее для них одно – огромная любовь к нашему Учителю и Господу.

Свидетельства о жизни замечательных служителей Христа для нас важны по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, они говорят нам о тех плодах, которые принесло христианство, несмотря на все грехи, заблуждения и пороки, о чём мы со скорбью и сожалением узнаём из истории Церкви. Во-вторых, в неизбежные для всякого человека минуты уныния и сомнений такие служители оказываются для нас незаменимой опорой и поддержкой. Если уж такой умный и образованный человек избрал именно христианство как путь своей жизни и служения, то, несомненно, заслуживают полного доверия слова Иисуса: «Я есть Путь, Истина и Жизнь».

Решение главы Русской православной церкви, Святейшего Патриарха Кирилла, об издании собрания сочинений Александра Меня говорит о его глубоком понимании огромного значения личности и трудов отца Александра для нашей Церкви.

Следует заметить, что довольно распространённое, как говорится, неоднозначное отношение к отцу Александру Меню не разделялось (за редким исключением) священноначалием нашей Церкви. Патриарх Пимен, как мне известно из церковных кругов, говорил о нём как об умнейшем из наших священников.

Святейший Патриарх Алексий подчёркивал, что в трудах отца Александра Меня не было ничего, что противоречило бы сути Священного Писания. Он же продолжал: «А если и есть суждения, не разделяемые всей полнотой Церкви, то они относятся к тому, о чём говорил апостол Павел: “надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные” (1 Кор. 11:19)».

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в конце восьмидесятых благословлял все выступления отца Александра в самых разных светских аудиториях, в том числе и во Дворце спорта и на телевидении. Благодаря этим выступлениям тысячи людей смогли услышать о христианстве и Церкви, когда это, наконец, стало «можно». Митрополит Ювеналий сам отпевал отца Александра 11 сентября 1990 года, в день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. С тех пор владыка Ювеналий ни разу не пропустил 9 сентября, всегда совершая Божественную Литургию в Сретенском храме в Новой Деревне и панихиду на месте его убиения в Семхозе.

Читатель наверняка в какой-то мере знаком с трудами отца Александра Меня, в которых автор рассказывает об истории религиозных поисков человечества, об истории и сущности библейского откровения. На сайте www.alexandermen.ru каждый может найти не только тексты этих книг, но и аудио- и видеозаписи его лекций, выступлений в самых разных аудиториях.

Но в предлагаемой книге читатель узнает об отце Александре Мене прежде всего как о пастыре, православном священнике. Причём, в отличие от других книг, все эти материалы подаются не с позиции одного человека, автора воспоминаний, а являются свидетельствами

очень и очень многих людей. Одни из них знали отца Александра по многу лет, другие встречались, быть может, лишь несколько раз в жизни. Таким образом, у этой книги не один, а очень много авторов. И все они говорят о том, каким был отец Александр в повседневной жизни. Тридцать лет удивительной жизни, целиком заполненной богослужением, созданием многочисленных книг, духовным окормлением сотен и тысяч людей (исповеди, крещения, причащение больных на дому, соборования, отпевания). При всём этом все авторы говорят о пастыре неизменно радостном, глубоком, внимательном к каждому человеку и, одновременно, об очень простом, весёлом, всегда полном сил и энергии, несущем на себе проблемы и скорби всех своих пасомых. Это был великий пример подлинного христианина, спасённого благодатью Христовой и щедро дарующего эту благодать каждому, кто был готов её принять.

Должен сразу предупредить читателя, что чтение этой книги, при всей кажущейся её простоте, не будет лёгким. Дело в том, что многие содержащиеся в ней мысли и свидетельства требуют внимания и времени для их оценки и осознания. Поэтому, быть может, следует читать её понемногу, чтобы прочитанное успело быть понятым и отложиться в памяти.

Книга замечательным образом передаёт эффект присутствия отца Александра Меня не только во время чтения, но и какое-то время после. Думаю, что при знакомстве с жизнью, пастырскими трудами и заботами отца Александра, при всё большем и большем узнавании его каждый сможет извлечь для себя множество очень важных уроков. Духовная трезвость, дисциплина, внимательность к себе и любовь к ближним, постоянное соотнесение себя с духовным планом бытия, любовь к Богу и к Сыну Его Иисусу Христу, слушание наставлений Святого Духа, – лишь краткий перечень тех даров, которыми обладал отец Александр Мень.

Протоиерей Александр Борисов

Pro et contra

Всегда ненавидят безумные мудрых, неучи – учёных, скверные – нескверных, а испорченные – хороших.

Иоанн Дамаскин

Сергей Аверинцев

Когда в свои школьные и студенческие годы Алик Мень неуклонно пополнял своё религиозное образование, – за этим стоял такой подвиг верности, о котором трудно составить себе понятие современному юноше, щеголяющему знанием Отцов Церкви, Владимира Соловьёва¹, отца Павла Флоренского. И хочется спросить: где были тогда нынешние судьи недостаточно строгого православия отца Александра – на комсомольских ли собраниях или ещё на пионерских сборах?

Юрий Андропов

Из «Закрытого письма» в ЦК КПСС

Группа прокатолически настроенных священников, возглавляемая А. Менем (Московская область), в своих богословских трудах протаскивает идею, что идеалом церковной жизни может являться только католичество. Указанные труды, нелегально вывозимые за границу, издаются католическим издательством «Жизнь с Богом» (Бельгия) и направляются затем для распространения в СССР.^[1]

Андрей Анзимилов

«Как относится высшая иерархия к отцу Александру?» – спросил я как-то у Анатолия Васильевича Ведерникова², многолетнего работника патриархийных «верхов». «Очень уважают, а многие так и просто любят, – последовал ответ. – Хотя есть и яростные противники. Но в целом подавляющее большинство тайно гордится, понимая, что никто сейчас в нашей Церкви не способен адекватно миссионерствовать в столь тяжёлой и внутренне изломанной среде, как советская интеллигенция».

Мария Батова

В 1989 году я организовывала встречу с отцом Александром в своём музыкальном училище. Время тогда было особое, отличное от теперешнего. Хорошо сказал об этом незабвенный Сергей Сергеевич Аверинцев: «То взаимопонимание между верующими, воспитанное десятилетиями гонений и утеснений, ушло: люди, некогда чуть ли не со слезами радости узнававшие друг друга в храмах советского времени – “А, ты тоже!” – нынче смотрят друг на друга мрачно и видят друг в друге врагов веры». Вот это «а, ты тоже!» – слава Богу, довелось застать, хотя тревожные звоночки уже начинались.

Одна из преподавательниц, принадлежавшая к числу недоброжелателей отца Александра, увещевала студентов на эту встречу не ходить: «Ведь там по кагэбэшнику на каждом ряду будет сидеть, а потом в кабинет директора по одному будут вызывать от Христа отрекаться». Некоторые послушали её и не пошли на встречу. Но всё равно был полный зал – в основном студенты, о Церкви в большинстве своём не думавшие.

¹ Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) – русский религиозный мыслитель, мистик, поэт, публицист.

² Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) – церковный деятель, литератор, инспектор Московской духовной академии, ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии».

Отец Александр посвятил первые сорок минут рассказу о христианстве. Поразительно, как он умел сказать главное о Христе и в десятиминутном разговоре, и в часовом, и в цикле лекций... Из зала прислали записку: «Как Церковь относится к проблемам секса?» Зал расхохотался. Отец Александр, смеясь вместе со всеми, сказал: *«Да, конечно, секс – это великое дело. Но...»* Далее он рассказал о христианском браке, о верности, о любви, о рождении и воспитании детей, о семье как образе Церкви. Никто больше не смеялся, не хихикал, слушали спокойно и внимательно. Но потом те, кто на лекцию не пошёл, потому что припугнули, передавали: «Вы слышали?! Этот ваш Мень сказал, что секс – это великое дело! Какой кошмар!»

От той встречи у меня осталась драгоценная реликвия – афиша. На ней – портрет и слова: «Протоиерей Александр Мень». К слову «протоиерей» кто-то приписал сверху букву «в», получилось – «протоиеврей». Бегали в деканат, замазывали «штрихом». С тех самых пор я заметила, что довольно часто, я бы сказала, в большинстве случаев, стиль критики в адрес отца Александра недалеко ушёл от этой выходки. В этом стиле сочинена анонимная брошюрка несуществующего прот. Сергия Антиминсова, в этом стиле продолжают травить отца Александра и на некоторых интернет-форумах.

Священник Александр Борисов

Нам часто приходится слышать: «Враги отца Александра просчитались, – они его убили, а его дело живёт, и т. д.». Я не разделяю такого оптимистического взгляда, и вот почему. В каком-то смысле они не просчитались. Цель – заставить его замолчать, в определённой степени, конечно, была достигнута. Мы прекрасно понимаем: если бы отец Александр продолжал жить, продолжал быть между нами, продолжал своё служение, издавал свои книги (в сущности, ведь он не увидел ни одной книги, которая была бы напечатана здесь, в России, – всё было напечатано уже после его смерти), конечно, и ситуация в стране и в Церкви была бы во многом иной.

Сергей Бычков

В середине семидесятых отец Александр стал заметной фигурой в интеллектуальной жизни Москвы. Тогда он служил в Новой Деревне, близ Пушкино. К нему приезжали самые различные люди, и всем он уделял время, с каждым беседовал. Его личность по-прежнему вызывала самые различные суждения и оценки. Мне не раз приходилось слышать как порицания, так и положительные оценки его деятельности. После одного такого разговора в 1975 году я написал шутивное стихотворение, с которым пришёл к нему:

Вчера Шиманов рассмешил до колик:
Он закричал вдруг: «Мень – католик!»
От смеха корчась, я сказал ему: «Фантаст!
Мень – тайный исихаст».
Бороздинов же возразил: «Я слышал от людей,
Мень – тайный иудей!»
Левитин, покраснев, как вываренный рак,
Вскричал: «То сеет слухи враг!
За Менем помысла не числится худого:
Он плоть от плоти Соловьёва!»
Так кто же Мень? Священник православный!
И всех российских бед виновник главный!

Отец Александр внимательно прочитал стихотворение и неожиданно прокомментировал его: *«Всё здесь верно. Я действительно могу сказать о себе, что я – католик. Только в первоначальном значении этого слова. Потому что “кафоликос” означает в переводе на русский*

– “вселенский”. С детских лет я приучен к “Иисусовой молитве”. Я воспитывался “катакомбными” священниками и доньне привержен “умной молитве”. Так что к исихазму³ имею прямое отношение. Не отрицаю слов священника Владимира Бороздинова: я действительно по происхождению иудей. Вспомните, как сказал Христос о Нафанаиле: “Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства”. То, что Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин причислил меня к ученикам Владимира Соловьёва, так я этого никогда не скрывал. На самом деле его философская система оказала на меня огромное влияние. Свой семитомник я создавал, продолжая его замысел. Это он задумал рассказать о духовной эволюции человечества. Что же касается последнего, то есть и такое мнение!»

Александр Вадимов (Цветков)

...В зале Географического общества началась советско-американская конференция «Человеческое достоинство в еврейской и христианской традициях». 28 июня батюшка должен был делать доклад «Человек в библейской аксиологии». <...> Но вместо внушительного научного сообщения (текст которого, восемь машинописных страниц, был написан отцом Александром и заранее передан организаторам) мы услышали проповедь – о фанатизме. Остановившись на том, что такая конференция была бы невозможна для людей нетерпимых и неспособных выслушать обладателя взглядов, отличных от собственных, протоиерей попыток, выразительным жестом как бы рисуя на лбу различные символы: «И не столь важно, что начертано вот здесь у фанатика: пентаграмма или гексаграмма, крест или свастика. Важно, что этот человек, прикрываясь даже очень хорошей идеей, способен стрелять, резать, загонять себе подобных в тюрьмы и концентрационные лагеря...»

В перерыве отца Александра окружили американские раввины и начали наперебой задавать вопросы: сколько у него прихожан, сколько среди них евреев, сколько евреев лично он обратил в христианство, сколько евреев-священников в СССР? Батюшка отвечал, что не занимается подобной статистикой и никогда не спрашивает желающего принять крещение о его национальности. Посыпались вопросы личного характера: к какой национальности принадлежит его жена, какую веру исповедуют его дети... Чувствовалось, что этот допрос утомил отца Александра, хотя отвечал он с большим достоинством и юмором.

На следующий день один из раввинов сказал в своём выступлении: «Александр Меня принял крещение, чтобы иметь возможность записать своих детей украинцами». И, кажется, он же: «Мы уважаем отца Меня как учёного и богослова, но он для нас не еврей». Вот так! Для ортодоксов от православия – иудейский агент, для самих иудеев, и даже довольно терпимых, – даже не еврей.^[2]

Надежда Волконская

Как-то раз моя подруга Лиза предложила поехать на уик-энд в Псков, где находится древний монастырь, славящийся духовностью монахов. Лиза решила, что я обязательно должна встретиться со старцем. Следующий день, воскресенье, приходился ровно на сороковой день после смерти отца Александра. Я была счастлива, что оказалась в этих святых местах в такой день.

Множество посетителей ожидало возле кельи отца Андриана. Конечно, у него не хватило бы времени встретиться со всеми желающими. Время шло. Он, обводя взглядом толпу, выбирал того, с кем хотел бы побеседовать. Жребий пал на меня. Очень взволнованная, я поделилась с ним своей тревогой, вызванной смертью отца Александра. Ответ разразился надо мной как раскат грома среди ясного неба: «Отец Александр? Мне его не жаль, он получил то, что заслужил. Во-первых, он еврей. Ты, по крайней мере, не еврейка? И потом, ты знаешь, он ведь

³ Исихазм – практика непрерывной безмолвной молитвы.

был за католиков. Католики – это дьявол. Приходи завтра утром, я покажу тебе статью в газете, где он, кстати, пишет “о Сыне человеческом”. Действительно, Бог его наказал, он получил то, что заслужил!»

Буквально оглушённая, я не знала, что отвечать. Расстроенная, я ушла, не сказав ни слова. Когда я сообщила об этой беседе моей подруге Лизе, она несколько не была этим шокирована. Хотя её муж тоже был евреем. После этого печального опыта я поняла, насколько грозными могут быть силы зла. Они действуют в рядах тех, кто считает себя христианами и чей долг – вести за собой других людей. Именно они должны были бы подавать пример безоговорочной любви! В этом монастыре я вдруг почувствовала себя совершенно чужой. Как будто я находилась там во времена инквизиции. Это место сделалось для меня зловещим. Оно утратило всю свою привлекательность.

Священник Владимир Зелинский

«Он ушёл вовремя, – пишет известный диакон. – Вовремя означает: в то время, когда кончилась та эпоха, в которой он был своим. И ещё он ушёл вовремя, чтобы не быть втянутым в политику...» «Вовремя ушёл», – это почти что сказать, если без эвфемизмов, что дьявол удачно поспел на свидание с историей, топор наточил, концы спрятал, миссию выполнил. А заодно и место освободил в общественном внимании. И столь богато оркестрованная память столь начитанного автора не утрудилась подыскать иного слова?^[3]

Григорий Зобин

3 апреля 1989 года мы с мамой поехали в Грецию. Перед отъездом побывали у батюшки – исповедались, причастились, взяли благословение на дорогу. «*Смотрите, Гриша, возвращайтесь, а то ещё останетесь там на Афоне*», – смеясь, говорил мне отец Александр. Батюшка попросил нас тогда привезти из Греции фотографию профессора богословия А. Хаступиса⁴. Она была ему нужна для Библиологического словаря, над которым отец в то время работал... С профессором мы встретились в Афинах. Имя отца Александра было ему хорошо известно. Он передал нам фотографию для батюшки и подписал ему свою книгу. Когда мы всё это привезли отцу Александру, он несказанно обрадовался. Впоследствии, во время одной из встреч, он ещё раз поблагодарил нас с мамой за фотографию и книгу. «*Вы мне очень помогли, – сказал тогда батюшка. – Я должен был подтвердить своё мнение высказыванием православного богослова, а Хаступис как раз утверждает то же самое, что и я. Ведь все наши ортодоксы считают меня еретиком и постоянно стараются в чём-то уличить*». Он держался великолепно, но в словах сквозили боль, усталость и одиночество. Он действительно был одинок в том океане злобы, который затоплял и Церковь. У него было множество друзей, духовных детей, тех, кто любил его и помогал ему изо всех сил. Но в самом высшем смысле отец Александр был одинок. Это было одиночество великого человека, который опередил время...

Разговаривая однажды с одним из православных неофитов, я услышал от него, что, оказывается, отец Александр – масон. Тогда ещё это слово произносилось без приставки «жидо-». Впрочем, она подразумевалась всегда. Особенно если дело касалось батюшки. На недоумённый вопрос, на каком основании он сделал столь далеко идущие выводы, мой собеседник ответил: его духовник сказал, что-де отец Александр разрешает своим духовным детям курить, а главное – о ужас! – посылает православных общаться с католиками. «Если бы даже и так, то что из этого?» – спросил я. Нужно было видеть выражение его лица! «Да что ты! – воскликнул он. – Ведь католики – еретики. Они безблагодатны. Благодать только у нас».

⁴ Афанасиос Хаступис (р. 1921) – греческий православный библиист.

Подобных встреч впоследствии хватало. Продолжается то, на что сетовал апостол Павел: «Я понимаю то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов» (1 Кор. 1:12). И не только между различными исповеданиями, но и внутри самого Православия, между общинами, где возникают эти маленькие «культики» – то, чего батюшка по отношению к себе терпеть не мог. *«Я не хочу, чтобы то, что мы делаем, вырождалось в “меньство”, — сказал он однажды, — это должно быть христианством».* Он признавал культ лишь одной личности – Иисуса Христа.

Александр Зорин

Мой друг поэт Игорь Калугин приехал с чемоданом книг в Оптину Пустынь. Кто только не работает в наше время коробейниками, поэты в том числе, тем более если товар – книги. Игумен монастыря благословил его, не заглянув в чемодан, и направил к священнику, заведующему книжной торговлей. Когда товар был выложен на стол и обнаружили три книги отца Александра, священник объявил: «Складывай всё обратно и проваливай как можно быстрее, пока тебя отсюда не вынесли ногами вперёд».

Лион Измайлов

В 1983 году мы были с женой в санатории в Карловых Варах, и подружился я с архимандритом Владимиром (впоследствии епископом Русской православной церкви). Человек он деловой и деятельный – отреставрировал собор Петра и Павла, построенный, кстати, в конце прошлого века. Он служил в Чехословакии несколько лет. Сам из Молдавии, потом – монах Троице-Сергиевой лавры. В Карловы Вары на отдых приезжали разные высокопоставленные и светские, и церковные начальники. Владыка их принимал. Был на виду. Я уж и не помню, как мы с ним познакомились, но подружился. И в гости я к нему ходил в особняк рядом с храмом, и в другие города на машине ездили. Однажды я его спросил, не знает ли он отца Александра Меня.

– Знаю, – говорит, – он там вроде церковь еврейскую создает.

– Как это так? – Я просто опешил от такого поворота. Владыка объяснил: сам он лично отца Александра не знает, но слышал, что тот собирает в православной церкви крещёных евреев.

– А дальше что?

– А далее, наверное, отделяться будут.

Абсурд, конечно. Но слух этот кто-то распространял упорно. Основанием для такой сплетни служило, видно, то, что к отцу Александру тянулась интеллигенция, среди которой были, конечно же, и евреи... Кому-то это было не по душе. Вот и интриговали, и настраивали верующих против отца Александра. Сам владыка ничего против отца Александра не имел и даже уважал его как богослова, но слухи эти и до него дошли.

Потом, когда я рассказал обо всем этом отцу Александру, он сказал: *«Про еврейскую церковь, это, конечно, специально кто-то слухи распространяет».*

Николай Каретников

Отец Александр последовательно и серьёзно занимался проповедью единства христиан. Иерархия, в особенности её правое крыло, никак не могла с этим примириться. «Крещённых Менем перекрещивать надо!» – кричал мне однажды один из таких священников (после гибели отца Александра я видел его выступление на телевидении – он славил убиенного на все лады). Отца обвиняли в том, что он «продался» католикам или жидовствующим. Как будто Христос у нас не один! Как будто основа веры у всех христиан не едина!

Митрополит Калужский и Боровский Климент

...Если говорить о его служении, то он оставил о себе память как о человеке, который много трудился на ниве Христовой, свидетельствуя окружающим его советским современникам о любви Бога к своему творению.

Действительно, отца Александра критиковали за чрезмерное увлечение инославным богословием, за некоторые толкования Священного Писания, которые не были в русле свято-отеческой традиции. Его биографы отмечают, с одной стороны, его широкую эрудицию, любовь к истории, литературе, философии и научному знанию, с другой стороны – указывают на недостаточность его богословского образования. В семинарии и духовной академии отец Александр учился заочно. Но Церковь всегда допускала излагать человеку его богословское мнение по какому-либо вопросу. Мнения отца Александра также могут быть изложены и, соответственно, обсуждаемы православным обществом. Не все одинаково принимают их, но это не означает, что его труды не должны быть издаваемы. Полемика может продолжаться.

Священник Георгий Кочетков

Мы познакомились с отцом Александром ещё в середине семидесятых годов и много раз общались, начиная со встречи у отца Аркадия Шатова (ныне епископа Пантелеимона). Во второй половине восьмидесятых мы виделись регулярно: каждый месяц он меня приглашал к себе в гости вместе с другими священнослужителями, которые, как считал отец Александр, разделяли его взгляды или хотя бы были близки к ним – ведь никто не был обязан соглашаться во всём. И я, может быть, не полностью разделял позицию отца Александра, и поэтому у нас всегда были интересные дискуссии. Но главным основанием для наших встреч было единство по фундаментальным вопросам нашей церковной жизни, и именно это единство даёт мне основание говорить, что между нами были не просто добрые дружественные отношения, но что-то безусловно большее. Причём, собирая этот круг общения, отец Александр был сдержанным и деликатным – он прекрасно понимал, что люди в Церкви настолько разные, что если сейчас начать что-то формулировать, то можно нарваться и на непонимание, и на открытые разногласия, которых и без того было много в церковной среде. Он умело обходил эти разногласия. С ним можно было спорить, и он всегда благородно выслушивал оппонентов, достойно отвечал им. Он был человеком, который многое видел наперёд. Именно потому я, вспоминая, как выступал отец Александр, как он собирал Церковь, преисполнен к нему восхищения и уважения.

Зинаида Миркина

Однажды мы с Григорием Соломоновичем были в храме при Третьяковской галерее. Я заглянула в киоск религиозной литературы и спросила – нет ли книг Александра Меня? «Нет», – ответила мне продавщица очень резко. «И что, и не бывает?» – спросила я, глядя ей в глаза. «Да, не бывает». – «Запрещено?» – наступала я. «Может быть», – ответила она замкнуто и зло.

Ещё хуже было в другом киоске, в подземном переходе станции метро «Калужская». На подобный вопрос продавщица мне ответила: «Да не бывает у нас этих книг. Топор зря не падает». Именно так.

Священник Филипп Парфёнов

Один священник из Подмосковья мне рассказал, как в его благочинии пытались реализовать нынешнюю установку священноначалия на духовную цензуру литературы, продающейся в приходских лавках. Благочинный просмотрел все приходы в его округе, и в результате оказалось, что, с одной стороны, были изъяты сомнительные книги о всяких старцах на грани «оккультного в Православии», а с другой, почему-то убрали книгу уважаемого прот. Валерияна Кречетова, где он поставил в пример мусульман нерадивым современным православным,

и также были изъяты книги отца Александра Меня там, где они продавались. Я изумился: «Так вроде митрополит Ювеналий всегда благоволил к отцу Александру! И покровительствовал ему при жизни, и панихиды о нём ежегодно служит». На что последовал такой ответ: «Ну, Ювеналий и епархия... Так это ж две совершенно разные вещи!»^[4]

Юрий Пастернак

Однажды в феврале 1988 года мы с Ильёй Корбом поехали на литургию в храм Воскресения Словущего, что в Брюсовом переулке. В этом храме тогда служили известные священники Геннадий Огрызков, Артемий Владимиров и Владимир Ригин. Я оказался на исповеди у о. Владимира. Между нами состоялся такой диалог:

– Вы откуда, из какого храма?

– Я из Сретенского храма в Новой Деревне. Мой духовник – отец Александр Мень.

– Вы из Новой Деревни? Ну и ходите туда! Что вы сюда ходите?

– Да мне бы исповедаться...

– Нет, потом, потом, когда-нибудь... Я не допускаю вас к причастию.

Илье кое-как удалось причаститься. Я не знаю, что он говорил на исповеди, но о. Владимир Ригин допустил его к причастию, хотя и отчитал, как нашкодившего школьника. У креста неожиданно отец Владимир вручил ему просфору из алтаря. А я почувствовал себя изгоем в своей Церкви.

Священник Вячеслав Перевезенцев

В 94-м – я уже был священником – Великим постом мы с моим тестем, о. Владимиром Архиповым, поехали в Печоры. О. Владимир давно окормлялся у о. Иоанна (Крестьянкина) и сказал, что сможет устроить нашу встречу. Приехав в монастырь, мы узнали, что о. Иоанн болен и никого не принимает. Но о. Владимир сказал, что скоро будет праздник Сорока Севастийских мучеников, который о. Иоанн очень любит, и он наверняка будет в алтаре. Так и случилось. О. Иоанн не служил, но его привели в алтарь, и после службы нам удалось с ним побеседовать. Никогда не забуду того света, который от него исходил. Он был маленького роста, совсем седой, очень близорукий, но когда он на тебя смотрел сквозь свои огромные очки, создавалось впечатление, что он видит тебя насквозь и всё про тебя знает. Но самое сильное впечатление осталось от его улыбки, которая не сходила с лица, и от этого было чувство защищённости и тихой светлой радости, наполняющей сердце. Я поговорил с о. Иоанном совсем немного и, честно говоря, сейчас даже не помню, о чём его спрашивал.

В конце разговора к нам подошёл о. Владимир и задал вопрос, который его сильно волновал: как о. Иоанн относится к убиенному Александру Менью. Надо сказать, что вопрос этот был задан не просто так. Все мы помним, сколько клеветы, мерзких статей тогда ходило среди православных об отце Александре, в чём только его не обвиняли – еретик, жидомасон, сатанист и т. д. Как-то, приехав в Лавру, мы в книжной лавке увидели гнусную брошюру некоего прот. Антиминсова. О. Иоанн сказал, что он был лично хорошо знаком с отцом Александром и всегда считал его ревностным пастырем и проповедником Христовой Истины. «Можно ли читать его книги?» – «Конечно же, можно», – ответил о. Иоанн. Об Антиминсове мы его спрашивать не стали, тем более что никакого Антиминсова и не было, а была просто гнусная фальшивка и анонимка.

Мне всегда было так странно слышать вопрос, который часто ставили передо мной, зная, что я был лично с ним знаком: «Как Церковь относится к отцу Александру Менью?» Посудите сами, как может Церковь относиться к священнику, тридцать лет прослужившему в храмах Московской епархии Русской православной церкви, закончившему Московскую духовную академию и защитившему там диссертацию, награждённому почти всеми священническими наградами, написавшему десятки книг и издавшему их тогда, когда не то что писать, а даже

читать было опасно? Как Церковь может относиться к священнику, ставшему апостолом и добрым пастырем для сотен людей в стране победившего атеизма? Как Церковь может относиться к священнику, собиравшему, когда стало возможно открыто проповедовать Слово Божие, многочисленные аудитории и обратившему тысячи людей от безбожия к вере? И ведь он был тогда, в конце восьмидесятых, не просто одним из немногих, кто это делал, а единственным. И не только потому, что был одарённым проповедником (таких было среди его братьев немало), а потому, что готовился много лет к этой возможности – призывать людей ко Христу. «Горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9:16) – эти слова апостола Павла отец Александр безусловно мог сказать от себя. Как Церковь может относиться к священнику, который завершил свой земной путь как мученик, будучи коварно убит ранним воскресным утром по дороге в храм?

Да, несомненно, отец Александр был крупным библеистом. Может быть, не все знают, а я это слышал лично от отца Александра, т. к. был вместе с ним летом 1988 года в Ленинграде (он попросил меня помочь привезти в Ленинградскую духовную академию свой Библиологический словарь для защиты докторской диссертации), так вот, Словарь не был допущен к защите, несмотря на доброжелательное отношение Ленинградского митрополита Алексия, будущего патриарха, под предлогом, что такой труд не мог написать один человек...

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев)

Помню, когда меня назначили главным редактором «Журнала Московской Патриархии», первым заданием, данным мне лично патриархом, было – написать критическую статью на одно утверждение отца Александра Меня в печати. К Меню у меня отношение всегда было несколько настороженное. При всей своей образованности в своих работах он опирался в основном на западные источники. Впрочем, ничего «вредного» в его книгах нет. Мне всегда непонятно и неприятно другое. Каким образом книги Меня издавались на Западе массовыми тиражами и доставлялись к нам в то время, когда даже Библию почти невозможно было провезти через границу? И ещё, у него была определённая идея: создать еврейскую национальную церковь. В принципе в этом нет ничего плохого: если есть греческая или славянская национальная церковь, то почему не быть еврейской? Эти идеи развивались и распространялись в своё время в Париже, их, в частности, горячо поддерживала мать Мария (Скобцова). Но у отца Александра в этом был определённый перегиб. Однако о таких вещах нельзя судить категорически, всё строится как бы на полутонах.

Священник Димитрий Предеин

Главная сложность признания катехизических достижений отца Александра широкой церковной общественностью, на наш взгляд, состоит в неспособности отделить в нём колоссальную силу проповедника Евангелия от его спорных частных богословских мнений, притом неправильно понятых. Нельзя понять отца Александра Меня, если не почувствовать его душу. Но это возможно только при симпатии и любви к нему. Чтобы любить отца Александра, не обязательно было знать его лично. Но правда и то, что многие из тех, кто не знал его при жизни, за что-то его ненавидят. Как показывает практика, многие ненавидят не настоящего отца Александра Меня, а тот фантом, который сами создали из отрывочного чтения отдельных его цитат, в совокупности с просмотром фильма «Постовой сионизма» или чтением завистливо-колких и непристойно-ругательных материалов о нём. Такого рода ненависть легко уничтожается проверенным способом: более глубоким изучением произведений самого отца Александра.

Вета Рыскина

Ада Михайловна Тимофеева осталась навсегда преданной духовной дочерью отца Александра. Однажды Ада Михайловна рассказала, как зашла в один из московских храмов и, раз-

глядывая книги, спросила о каком-то труде отца Александра Меня. Женщина, стоявшая за свечным ящиком, резко ответила, что он был еретиком, книг его у них в храме нет и не будет, и стала предостерегать Аду Михайловну от интереса к произведениям «этого человека».

– А вы его знали? – спросила её Ада Михайловна.

– Нет, – удивлённо ответила женщина.

– А я знала, – тихо сказала Ада Михайловна и заплакала.

В этом эпизоде вся она – кроткая, милая, но непоколебимая в своей вере и преданности памяти духовного отца.

Андрей Тавров (Суздальцев)

Отец Глеб Якунин обратился ко мне с просьбой написать акафист, посвящённый отцу Александру Меню, к канонизации отца Александра, которую о. Глеб провёл на его могиле в Новой Деревне... Процедура была не очень официальной, я даже не помню, к какой тогда церкви принадлежал о. Глеб, нас было там человек двенадцать. Во время чтения молитв, утверждавших святость отца Александра Меня, к нам подъехал небольшой рычащий трактор, которому вдруг спешно понадобилось производить какие-то работы как раз на том участке пространства, на котором мы стояли, что вызвало невесёлые мысли о пародийном повторении методов «бульдозерной выставки», но уж очень всё было суетливо и комично со стороны церковного начальства, оборонявшегося от инициатив подозрительного священника, всем тут, конечно же, известного.

Наталья Трауберг

Разумеется, и мы чудом не дожили до того, как нас поголовно стали бы сажать. А Голгофа не исключается ни из какой жизни. Надо заметить, что просветительство, которым занимался отец Александр, тоже было своеобразным религиозным диссидентством. Претензии к нему предъявлялись со всех сторон: одни обвиняли его в том, что он мало борется с режимом и подсовывает народу «опиум»; другие – в том, что он как священник слишком нетрадиционен. И КГБ всю дорогу не оставлял его своим вниманием.^[5]

Людмила Улицкая

Отца Александра ненавидели церковные мракобесы и националисты. У него было трудное жизненное задание – быть евреем и православным священником в антисемитской, едва тронутой христианством стране. Он знал, до какой степени заражено идолопоклонством сегодняшнее Православие, и сделал бесконечно много для освобождения душ от языческого пленения. За это и ненавидели его мракобесы тайные и явные. За это и убили. Мне кажется, он был святой, Александр Мень.

Сергей Чапнин

Почему отец Александр Мень мог спокойно и последовательно противостоять советскому? Говоря о противостоянии, я не имею в виду диссидентство, какую-либо политическую или идеологическую борьбу. Речь идёт о том, чтобы не пускать советское внутрь себя, о духовном и нравственном противостоянии. Однако это высказывание верно высветило тенденцию: культурные и образованные члены Церкви находятся под подозрением, им не доверяют. Вера в соединении с разумом является самой серьёзной угрозой для тех, кто православной вере предпочитает обряды, мифы и православную идеологию. А таких сегодня, увы, большинство.

Александр Юликов

Когда праздновались дни рождения и именины отца Александра, в Семхозе бывало много народу. Помню, как-то сосчитал: там было одних священников человек десять. Сейчас кое-кто в Церкви пребывает в заблуждении, будто он был каким-то отщепенцем, но это

совсем не так. Когда те десять священников пели ему за столом «Многая лета» и величание Александру Невскому, в комнате стёкла дрожали. Эти священники тогда были ещё молоды – или ровесники отца Александра, или, может быть, несколько постарше, но их было много, и никаких разговоров о том, что сказанное или написанное отцом Александром противоречит учению Церкви, не возникало никогда. Это совершенно новое явление. На чём оно основано? Я думаю, что большинство его недоброжелателей и даже хулителей – люди совсем другого духа, пришедшие в Церковь после краха Советского Союза и понимающие православие очень искажённо. Когда Церковь была гонима, их там не было, и дух был совсем другой. А когда она обрела свободу, они вдруг появились и занялись поиском врагов, выдавая своё мнение за позицию всей Церкви.

Детство

Детство часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет.

Джон Рёскин

Вера Василевская

Зимой Леночка должна была родить. Тоня (Антонина Ивановна, подруга В. Василевской. – Ю.П.) приехала сказать нам, что если никто из нас не решается пока на крещение, то хорошо было бы сначала крестить ребёнка, который родится у Леночки. Мы обе с радостью приняли это предложение. Таким образом, вопрос о крещении Алика был решён задолго до его рождения по указанию и благословению о. Серафима⁵. Незадолго до родов Леночки я получила письмо, в котором мне поручалось передать ей, чтобы она была спокойна в предстоящих ей испытаниях, надеясь на милосердие Божие и Покров Божией Матери.

После рождения Алика о. Серафим прислал письмо, в котором давал Леночке указание о том, чтобы во время кормления ребёнка она непременно читала три раза «Отче наш», три раза «Богородицу» и один раз «Верую». Он считал необходимым начинать духовное воспитание с самого рождения.

Бабушка наша и другие родственники настаивали на совершении ветхозаветного обряда над ребёнком, но Леночка протестовала. Пришлось просить Тоню специально поехать к о. Серафиму спросить, как поступить. Ссылаясь на слова апостола Павла, о. Серафим благословил уступить в этом вопросе.

Крещение Алика и Леночки было назначено на 3 сентября 1935 года. Я поехала провожать их на вокзал. Странное чувство овладело мною: тревога и неизвестность сочетались с чувством радости от того, что должно совершиться. На вокзале я сказала Тоне: «Я ничего и никого не знаю, но во всём доверяюсь тебе». «Можешь быть спокойна, – ответила она, – но если хочешь, поезжай с нами». Этого я не могла сделать!.. После крещения сестра стала ещё чаще ходить в церковь, а я чаще по вечерам оставалась с Аликом. Он, казалось мне, всегда всё понимал. Иногда Алик снимал с себя крест, надевал на меня и улыбался.

Отец Серафим большое внимание уделял вопросам воспитания и часто давал мне различные советы. Я гуляла с Аликом, посвящая этому почти всё своё свободное время. Батюшка придавал этим прогулкам большое значение. «Не надо много говорить с ним. Если он будет задавать вопросы, надо ответить, но если он тихо играет, читайте Иисусову молитву, а если это будет трудно, то “Господи, помилуй”. Тогда душа его будет укрепляться». В качестве примера воспитательницы батюшка приводил няню Пушкина, Арину Родионовну. Занятая своим вязанием, она не оставляла молитвы, и он чувствовал это даже когда был уже взрослым и жил с ней в разлуке, что отразилось в его стихотворении «К няне».

Алик рос чутким ребёнком, и мы с Леночкой часто делились с ним своими переживаниями, забывая о его возрасте. Так, Леночка ещё в Малоярославце рассказала ему о своей беременности. Он по-своему пережил это известие и находился в состоянии напряжённого ожидания. Ребёнок, который ещё не родился, представлялся ему каким-то таинственным незнакомцем, упоминание о котором внушало ему страх. Когда для будущего ребёнка купили одеяло и другие вещи, Алик боялся зайти в комнату или обходил эти вещи на большом рас-

⁵ Архимандрит Серафим (в миру Сергей Михайлович Батюков, 1880–1942) – священник катакомбной церкви.

стоянии. Когда я рассказала обо всём этом батюшке, он был очень недоволен: «Не следовало заранее говорить ему ничего. Ожидание в течение полугода трудно и для взрослого, а не только для такого маленького ребёнка. Разве можно было держать его в таком напряжении? Только после того как ребёнок родился, надо было сказать Алику: “Бог послал тебе брата”, и у него было бы легко на душе».

Однажды Леночка попросила батюшку разрешить сводить сына в церковь, чтобы показать ему благолепие храма. Батюшка благословил, но Алик чувствовал себя там нехорошо. *«Поедем лучше к Дедушке»* (так он называл архимандрита Серафима. – Ю.П.) *или в Лосинку»,* – просил он. Когда об этом рассказали, батюшка сказал: «Если он чувствует это и разбирается, то и не надо водить его теперь в церковь».

До пяти лет Алик причащался совершенно спокойно, но к этому возрасту он почему-то начал сильно волноваться перед Причастием. Тогда батюшка решил, что настало время систематически знакомить его с содержанием Священного Писания, так как он уже в состоянии отнестись ко всему сознательно. Так как ни я, ни Леночка не решались взять это на себя, батюшка поручил это дело Марусе (Мария Витальевна Тепнина. – Ю.П.) – одному из самых близких нам людей, которая прекрасно справилась с этой задачей. Батюшка не разрешал водить Алика в театр или в кино до десятилетнего возраста. «Если вы хотите доставить ему удовольствие, лучше купите ему игрушку», – говорил он.

Батюшка выразил желание сам исповедовать Алика в первый раз, хотя тому не было ещё семи лет (он, очевидно, знал, что не доживёт до того времени, когда Алику исполнится семь). После своей первой исповеди Алик так передавал свои впечатления: *«Я чувствовал себя с Дедушкой так, как будто я был на небе у Бога, и в то же время он говорил со мной так просто, как мы между собой разговариваем».*

О. Пётр Шипков⁶ глубоко уважал матушку (схиигуменью Марию⁷. – Ю.П.). Незадолго до своего ареста он приехал к ней и со слезами просил принять его духовных детей, когда он будет далеко. «Уж моих-то вы примите», – говорил о. Пётр. Узнав о том, что Алик (тогда ещё школьник) сблизился с матушкой и проводит у неё каникулы, о. Пётр писал: «Я очень рад, что Алик познакомился с матушкой. Где бы он ни был, знакомство с человеком такого высокого устройства будет полезно ему на всю жизнь. Таких людей становится всё меньше, а может быть, больше их и совсем не будет».

Матушка очень любила всю семью Меней. Бывало, увидит Алика в окошко и кричит: «Девчонки! Открывайте скорее дверь! Наш отец архимандрит к нам бежит». Так она его шутиливо называла. Однажды она его спросила: «Кем ты хочешь быть?» Он быстро ответил: «Доктором? Нет. Инженером? Нет. Художником? Нет». Подумал и сказал: «Священником».

Марианна Вехова

Вера Яковлевна, двоюродная сестра Елены Семёновны Мень, очень мучилась проблемой, не будет ли её крещение предательством веры отцов и дедов – иудаизма. Вера Яковлевна любила Христа, но не решалась стать членом православной церкви.

Однажды Елена Семёновна с восьмимесячным Аликом на руках стояла в комнате, и вот входит Вера Яковлевна и начинает говорить о своих сомнениях. Вдруг Алик запрыгал на руках

⁶ Пётр Алексеевич Шипков (1888–1959) – настоятель храма св. мученика Никиты в Москве, секретарь патриарха Тихона, неоднократно репрессированный, священник катакомбной церкви.

⁷ Схиигуменья Мария (1879–1961) – настоятельница подпольного женского монастыря в Загорске.

у матери, засмеялся и стал дёргать крестик у неё на шее. Она поняла, что он не просто так его теребит, что у него какая-то цель и надо дать крестик ему в руки. Она сняла и дала ему крестик. Он расправил цепочку и потянулся к Вере. Она подошла ближе, он надел на неё крестик и радостно заулыбался.

– Ну вот, все сомнения разрешил! – сказала растроганная Вера. – Он меня благословил, и я слушаюсь.

Священник Виктор Григоренко

Как рано он начал рисовать? Что его интересовало? Есть рисунок, на котором в три или четыре года маленький Алик изобразил ехаристическую чашу. Что его сверстники рисовали? Наверняка это были танки, самолёты или ещё что-то подобное.

Монахиня Досифея (Елена Вержбловская)

Когда я в первый раз увидела его родных и его самого, ему было только восемь лет. Пришёл он вместе со своей мамой и тётей. Это был очень красивый мальчик. Я помню, как он присел на корточки в углу и смотрел на всё широко раскрытыми глазами, как будто вбирал в себя всю атмосферу этого маленького домика, всю таинственную и удивительную жизнь, которой он был пропитан. Впоследствии, когда подрос, он часто беседовал с матушкой, и так долго, что пожилые монахини удивлялись, как может матушка часами разговаривать с ребёнком.

Прасковья Иванова

Была дивная осень. Сентябрь 1935 года. Золотая такая, как писал Пушкин: «Очей очарованье...» Я жила в Загорске со своими тётушками Прасковьей Ивановной и Ксенией Ивановной. (Прасковья была монахиня Никодима, а Ксения – монахиня Сусанна). Это были родные сёстры моего отца Матвея Ивановича, который умер очень рано, когда мне было три месяца. Мама вышла замуж второй раз, а я осталась жить со своими родными тётками. Некоторое время, в раннем детстве, я жила с бабушкой. Меня несколько раз брали жить в мамину новую семью, но я убегала обратно и хотела жить только с тётей Пашей и тётей Ксенией. Мы жили на улице Пархоменко, 29, она и сейчас так называется. Вместе с нами тайно жил архимандрит Серафим (Батюков). И вот, однажды мне сказали, что завтра надо натаскать воды, так как будут крестины. Батюшка Серафим будет крестить молодую мать и младенца в один день.

Как это было? Вот как. Мне было семнадцать лет, и надо было сначала наносить сорок вёдер воды в кадку (чин такой был у нас). Воду надо было носить из ключа, с другой стороны оврага, перейдя через речку Гончура. Я сама сделала ступеньки в земле от самой калитки до речки. Весь день накануне крещения я носила воду. Кадка стояла внутри дома, её, пустую, перекатали в комнату батюшки.

Приехали Леночка с Аликом и Тоня (подруга Верочки Антонина Ивановна). Батюшка их очень ждал, волновался. Алика крестил первого. Двери в обе комнаты были открыты, все иконы смотрели на Алика, везде горели свечи и лампадки. Мы очень старались всё украсить по-праздничному ко дню крестин. Когда о. Серафим погружал Алика в воду, то появилось необыкновенное благоухание. Все замерли, потому что это не был запах ни цветов, ни сада, а какой-то другой, особенный (духами тогда никто из нас не пользовался). Отец Серафим помолился и сказал: «Великий человек будет».

После крещения Алика завернули и дали мне на руки, чтоб я гуляла с ним в саду, пока крестят Леночку. Крёстным отцом был сам батюшка Серафим, а крёстной матерью, кажется, Тоня, Антонина Ивановна. Я вышла в сад с Аликом на руках. У нас был сплошной забор, а по бокам простой штакетник, и через него было видно, что в саду делается. И я очень боялась, что меня увидят с ребёнком на руках и начнут спрашивать, откуда ребёнок, ведь у нас жили

только две мои тётушки и я (про отца Серафима никто не знал). Вот так, со страхом, я гуляла с Аликом по саду.

После крестин был простой обед и чай, пришло несколько человек, вместе со всеми нами было двенадцать человек. Леночка с Аликом в этот же день уехали, и Тоня тоже уехала с ними. Меня поразило необыкновенное лицо Леночки после крещения. Оно было как ангельское.

После крещения Леночка с Аликом часто к нам приезжали, но особенно часто стали бывать во время войны, когда о. Серафим благословил Леночку с детьми переехать из Москвы в Загорск. Батюшка сказал так: «Преподобный Сергей сохранит всех вас». Сначала они жили у моей старшей сестры Фаины, у неё муж погиб на фронте и тоже было двое детей. В это время Леночка имела возможность ходить к нам часто. Потом Леночка с детьми переехала на Кустарную улицу, где жила монахиня Мария.

Анна Корнилова

Итак, Леночка и Верочка, Алик и Павлик и отец мальчиков Владимир Григорьевич – дружное и тёплое семейство. Чтобы Павлик, тогда ещё совсем маленький, не потерялся и знал свой адрес, Алик придумал для него стихотворение:

*Вас запомнить очень просим:
Дом наш – номер тридцать восемь,
И четырнадцать – квартира,
В ней найдёте бригадира.*

Почему именно «бригадира», так навсегда и осталось загадкой. Как остался загадкой и «неудачник-мышелов». Когда, бывало, засидевшись у тёти Леночки, мы уходили домой с чёрного хода (в Москве в войну все ходили с чёрного хода), то Павлик из светлого пятна двери напутственно возглашал: «До свидания! Будь здоров, неудачник-мышелов».

Семейное предание сохранило историю о том, как прабабушка Алика, ещё задолго до его рождения, получила некое предзнаменование. Однажды, когда она тяжело заболела и рекомендации врачей не приносили никакого облегчения, ей посоветовали обратиться за помощью к отцу Иоанну Кронштадтскому. Тот, увидев пришедшую к нему женщину, сказал: «Я знаю, что вы некрещёная, но в потомстве вашем будет большой христианский праведник».

Здоровье о. Серафима Батюкова было сильно подорвано. Он заболел и, предчувствуя кончину, благословил Леночку, Верочку и Алика образом Богоматери «Всех скорбящих радости», а Павлика – «Нечаянной Радостью». Своё духовное руководство он завещал о. Петру Шипкову, о. Иераксу (Бочарову), о. Владимиру Криволицкому⁸. Умер о. Серафим 19 февраля 1942 года. Узнав, что «Дедушка» умер, Алик сказал: «Я так и знал, только это совсем не страшно, он ушёл в Царство Небесное». Похоронили о. Серафима тут же, в «катакомбах», под домом, в том месте, где находился Престол. Так это делали и первые христиане.

Маруся рассказывала, что ещё перед войной о. Иеракс (Бочаров) по благословению о. Серафима (Батюкова) скрывался на чердаке в доме у В.А. Корнеевой, в Лосинке, в течение восьми лет и тайно совершал богослужение. Как-то после литургии о. Иеракс взял на руки маленького Алика, который держал крест, и люди прикладывались к этому кресту в руках будущего преемника священников катакомбной церкви.

⁸ Иеромонах Иеракс (в миру Иван Матвеевич Бочаров, 1880–1959); Владимир Владимирович Криволицкий (1888–1956) – священники катакомбной церкви.

Однажды, когда Алик вёл себя неподобающим образом, ему сказали, что надо же себя уважать! Он задумался, а потом ответил: *«А я думал, что надо уважать других...»*^[6]

Роза Кунина-Гевенман

Расхождения во взглядах Леночки и её мужа Володи никогда не препятствовали их любви и привязанности друг к другу. Этот миролюбивый дух передался их детям – Алику и Павлику, его младшему брату. Никогда я не слышала об их ссорах. Чудная фотография маленьких мальчиков – Алик, обнимающий Павлика, – всегда встречала меня при входе в небольшую уютную комнату на Серпуховке, где долго жила Леночкина семья. Из круга пожилых Леночкиных друзей я впоследствии узнала о редкой в детском возрасте деликатности и доброте детей к старым людям. Подрастая, братья очень дружелюбно встречали детей, в том числе и моих двух сыновей, на родительской даче в Отдыхе. Их игры проходили весело, без всяких драк и шума. При случайных встречах с нашими сыновьями много-много позднее и Алик, и Павлик с удивительно добрым смехом вспоминали далёкие детские годы и их забавы в дачном посёлке.

Елена Семёновна Мень

Евангелие я читала постоянно, хотя и не ежедневно. Некоторые места действовали на меня с огромной силой. Но сильнее всего меня потрясали слова: «Кровь Его на нас и на детях наших!» Когда читала это место, я почти теряла сознание. Верочка (Вера Яковлевна Василевская. – Ю.П.) часто ездила ко мне и оберегала меня с особенной заботливостью. Нам всем казалось, что родится мальчик, и я заранее выбрала ему имя – Александр. А мама в письмах называла его Аликом задолго до рождения. Я ушла в декретный отпуск за полтора месяца до рождения ребёнка, а мама приехала в Москву за месяц до родов.

22 января 1935 года я родила моего первенца – Александра. Роды были тяжёлые, длительные, тянулись почти сутки. Но зато когда мне впервые принесли кормить крохотного, беспомощного младенца, я была счастлива. На ручке у него был браслетик с надписью: «Мень Елена Семёновна. Мальчик».

На десятый день я выписалась из родильного дома. За мной приехали Володя, мама и Верочка. С появлением моего первого сыночка у нас началась новая жизнь. Центром нашей семьи стал Алик.

В начале лета мы переехали на дачу в Томилино. Однажды к нам приехала Тоня и спросила, не хотела бы я крестить Алика. Я сказала, что очень хочу крестить его, но не знаю, как это сделать. Тоня вызвалась помочь мне в этом. Потом она спросила, не хотела бы и я креститься. Тут вдруг на меня напал какой-то страх, и я отказалась. «Значит, будем крестить одного Алика», – сказала Тоня. Она ещё немного побеседовала со мной и отправилась домой. Я пошла её провожать. На обратном пути сильный порыв мыслей и чувств охватил меня. С девятилетнего возраста я собиралась креститься. И вот прошло восемнадцать лет, и, когда передо мной этот вопрос встал вплотную, я испугалась, смалодушничала и отказалась. Почему? Как это могло произойти? Тут же я села писать Тоне покаянное письмо и, конечно, сказала, что с радостью приму крещение.

Через некоторое время Тоня снова ко мне приехала. Она показала моё письмо своему старцу (архимандрит Серафим. – Ю.П.), и он сказал, что как только мой муж уедет в отпуск, я могу сразу с Аликом и с Тоней к нему приехать. Володя 2 сентября должен был быть уже на Кавказе. На этот день я и назначила Тоне приехать в Москву, к Верочке, и сама с Аликом приехала туда из Томилино. Бабушка моя в этот день была особенно нежна со мной и долго меня обнимала и целовала перед отъездом. А Тоня в это время потихоньку мне говорит: «Прощайся, прощайся с бабушкой – другая приедешь». Эти слова болезненно прозвучали в моём сердце. Верочка ужасно волновалась, не зная, куда я еду с ребёнком, хотя о цели нашей поездки я ей говорила. Тоня предлагала ей ехать с нами, но Верочка не решалась. Я взяла с собой сумку с

пелёнками. Тоня купила по дороге две рыбки и пять булочек, и мы поехали на Северный вокзал. Сколько я ни спрашивала у Тони, куда мы едем, она не отвечала. И лишь выйдя из вагона, я поняла, что мы в Загорске. Я там была с экскурсией в 29-м году. Тоня взяла Алика на руки, а я взяла сумки. Тут меня охватило сильное волнение. Я знала, что иду к Тониному старцу, и знала, зачем иду. Я волновалась всё больше и больше. Сумки с пелёнками и булочками стали непомерно тяжёлыми. Тоня быстро шла с Аликом на руках. (Она потом мне призналась, что боялась, как бы я не передумала и не вернулась.)

Алик был спокоен и как бы предчувствовал всю значительность того, что должно было совершиться, хотя ему было только семь с половиной месяцев. Я стала задыхаться и умоляла Тоню остановиться. Но она всё летела вперед. Наконец я села на какую-то скамейку в полном изнеможении. Тоня села рядом со мной. «Ну, расскажи мне хоть, как он выглядит внешне», – сказала я. Ведь мне не приходилось даже беседовать со священниками. Тоня сказала, что у него седые волосы и голубые глаза. «Глаза эти как бы видят тебя насквозь», – добавила она.

Тут мы встали и пошли и вскоре дошли до его дома. Тоня позвонила, и нам открыла дверь женщина средних лет, очень приветливая, в монашеском одеянии. Она ввела нас в комнату, чистенькую, светлую, всю увешанную иконами. Там, по-видимому, нас ждали. Но самого батюшки не было, и он долго не появлялся. Я поняла, что он молится прежде чем нас принять. Наконец он вышел к нам. Тоня с Аликом подошла к нему под благословение, и я вслед за ними. Я по незнанию положила левую руку на правую. Батюшка это сразу заметил и переставил руки. Затем предложил: «Садитесь». Если бы он этого не сказал, я бы грохнулась на пол от волнения и напряжения. Некоторое время мы сидели молча. Наконец батюшка спросил меня: «Знаете ли вы русскую литературу?» Я удивилась этому вопросу, но, вспомнив «Братьев Карамазовых» и старца Зосиму, поняла, почему он меня об этом спросил. Задал мне ещё несколько житейских вопросов. Потом мы сели ужинать. Пища была постной, и батюшка подчеркнул, что это имеет непосредственное отношение к нашему крещению. Затем Алика взяла на руки женщина, которая открыла дверь. Алик был тих и спокоен, как бы понимая всю серьёзность происходящего. Батюшка увёл меня в другую комнату и просил рассказать всю мою жизнь. Я ему всё рассказала, как умела. Потом нас уложили спать. Алик спал крепко, а я не спала всю ночь и, как умела, молилась.

Утром, на рассвете, совершилось таинство крещения. Крещение было совершено через погружение. И каждый раз, когда батюшка погружал меня, я чувствовала, что умираю. Тоня была нашей восприемницей. Накануне о. Серафим показал мне три креста. Один, большой, серебряный, с надписью «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», предназначался для Верочки, второй, поменьше, золотой, для меня и третий, серебряный, с синей эмалью и распятием, со словами «Спаси и сохрани» – для Алика. Но моя душа вся потянулась к кресту с Распятием Спасителя. И вдруг батюшка по ошибке надевает этот крест на меня. Он увидел в этом волю Божию и так и оставил. Алику достался золотой крест. Я очень обрадовалась, что мне достался тот крест, который я хотела. Вслед за этим батюшка начал меня исповедовать за всю жизнь. Вскоре началась литургия. Пели вполголоса, чтоб не было слышно на улице. Крестная пела очень хорошо, с душой, хотя голос у неё был небольшой и несильный. Когда настал момент причащения, она поднесла Алика, а я подошла вслед за ней. В сердце у меня звучали слова: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нём». После окончания службы все подошли поздравить нас. Весь день я оставалась в белой вышитой крещальной рубашке (до полу и с широкими длинными рукавами), а сверху батюшка велел надеть белое маркизетовое платье без рукавов.

Интересно, что Владимир Григорьевич (муж Елены Семёновны, отец Алика. – Ю.П.), когда вернулся с Кавказа, привёз мне свой снимок на фоне пещеры Симона Кананита. Второго сентября, под день нашего крещения, он видел сон: идёт множество народа, а впереди несут как бы большое полотно, на котором изображён Христос.

Когда мы уезжали от батюшки, он истово благословил нас со словами: «Благословение Божие на вас». Ударение было на слово «Божие».

Летом мы жили в Тарасовке, на даче. Вдруг приезжает Тоня и говорит, что сейчас, временно, батюшка живёт у них в Болшеве и хочет нас видеть. Мы с Катей (одна из прихожанок катакомбной церкви. – Ю.П.) взяли маленькую тележку, посадили туда Алика и пошли пешком. Я была очень рада повидаться с батюшкой, особенно в Тонечкином доме. Алик с Катей были во дворе. Батюшка подвёл меня к окну и, указав на Алика, которому тогда было полтора года, сказал: «Он большим человеком будет». Позже он сказал мне: «В нём осуществляются все наши чаяния».

Я купила санки, чтобы на них возить дрова; Алик с Павликом были от них в восторге. Однажды Алик приходит ко мне с горящими глазами: *«Мама, знаешь, что произошло? Мы с Павликом катались с горы на санках. Являются ребята и отнимают у нас санки. Я помолился, и вдруг появились большие ребята, отняли у мальчишек санки и отдали мне»*. Я была рада, что он на опыте почувствовал силу молитвы.

Когда Алику исполнилось четыре года, я отдала его в дошкольную французскую группу. Дети легко воспринимают иностранный язык в раннем детстве, а я особенно любила французский язык, поэтому отдала его именно во французскую группу. Маленький коллектив был менее утомителен для нервной системы, чем большой. Алик пробыл в этой группе два года. Руководила ею приятная, интеллигентная женщина, детей было всего шесть человек. Алик выяснил, что трое детей было верующих, а трое – неверующих.

Однажды Алик обратился к неверующей девочке: *«Кто же, по-твоему, создал мир?»* «Природа», – ответила девочка. *«А что такое природа? Ёлки, курицы? Что же, они сами себя создали?»* Девочка стала в тупик. *«Нет, Бог сотворил всё, и Он управляет всем миром»*.

Руководительница очень любила Алика. «Никогда я не встречала такого талантливого ребёнка, – сказала она однажды, – он всегда будет душой общества». Её предсказания сбылись. Я понимала, что это дар Божий, и не позволяла себе гордиться им.

Алик очень рано научился читать. Ещё до войны моя подруга Маруся (Мария Витальевна Тепнина. – Ю.П.) показала ему буквы в акафисте, который мы читали каждую пятницу, и первой фразой, которую он прочёл, было его название: «Акафист Страстем Христовым».

В 1943 году Алику исполнилось восемь лет. Он к этому времени уже хорошо читал. Помню, с каким восторгом он говорил мне о том, как прекрасна «Песнь о Гайавате». Я записала детей в библиотеку и брала им интересные детские книжки, которые Алик читал Павлику вслух. Это помогало им не думать о пище.

В субботу, в воскресенье и в праздники мы с Верочкой и детьми ходили в церковь. Сначала мы все ходили к Иоанну Воину, а в дальнейшем дети одни ходили в церкви, которые им больше нравились. Павлик после второй смены, с ранцем за плечами, чаще всего ходил к Скорбящей Божией Матери. Алик ходил в разные церкви. Изредка ездили в Загорск, примерно раз в месяц приобщались. К нам приходили наши друзья, и мы старались приучать детей к церковному богослужению и вообще к жизни в Церкви. Мы все как бы погрузились в церковную жизнь, и это нам давало огромную радость. Детей я с раннего возраста приучала к праздничным песнопениям, они быстро выучили тропари всех двенадцатых праздников и рождественские ирмосы знали наизусть. Алик был очень устремлён к духовной жизни и с любой темы мог перейти на духовные темы. Павлик не отставал от него. Евангелие я читала им ежедневно.

У нас в семье рассказывали, каким дядя Александр был в детстве. Однажды, когда Алик был маленьким и у него был день рождения, ему подарили игрушечного слонёнка. Через какое-то время пришёл ещё один гость и вручил ему точно такого же слоника. Маленький Алик, получив на день рождения две одинаковые игрушки, и не подумал сказать что-то вроде «у меня уже есть такой». Он с радостью сказал: *«Вот и второй слоник пришёл!»*

Отцу Александру не впервые было удивлять больничный персонал. Однажды в детстве его положили в больницу с воспалением. Время было послевоенное, иммунитет ослаб. Его горло было завязано повязкой. Моя бабушка Лена (мать Александра и моего отца) отправилась проведать его. Приходит в больницу, идёт по коридору, видит: нет никого, тишина. Ни персонала не видно, ни пациентов. Странно, куда все подевались? Заходит в палату Алика и видит картину: полно народу, весь персонал с пациентами набились в эту палату. Сам Алик стоит на своей кровати, театрально завернувшись в больничную простыню. С завязанным горлом, в простыне, он что-то вдохновенно рассказывает и представляет своим слушателям, иллюстрируя не то Понтия Пилата, не то какого-то героя Античности, а «публика», позабыв обо всём, внимает его речам не дыша!

Он с детства умел очень интересно рассказывать. Всё, что он прочитал в книжках, он увлекательно рассказывал другим. И всю жизнь потом люди будут слушать его так, как тогда, в больничной палате.

Павел Мень

Мои первые яркие детские воспоминания: деревня, вечер, замёрзшее заснеженное озеро, оно мне кажется огромным, мы с Аликом, старшим братом, следим за воздушным боем: на фоне пылающего заката видно, как перестреливаются два маленьких самолётка. Наверное, не так высоко, потому что видно на одном из них, на крыльях, красные звёздочки, на другом – чёрная свастика. Мы видим – самолёты стреляют, мы болеем за звёздочки. Вдруг хвост у немецкого задымился, и он колом начинает падать. Мы, счастливые, бежим рассказать маме, что наш победил.

Мы уже переехали в маленький домик в Загорске. Мама ушла на рынок обменять что-то из нашей одежды или обуви на еду. Дело к вечеру, а её нет. Алик в тревоге, я хнычу. Тогда он решил сходить к знакомым, которые жили недалеко. Может быть, мама зашла к ним и задержалась. Но тогда Алик должен был оставить меня одного... А мне страшно, как я закрою наружную дверь изнутри, в сенях темно, как я закрою!

И тогда Алик говорит: *«Не бойся, просто молись по дороге!»* И я возвращаюсь с молитвой и с чувством полной безопасности – страх исчез, задвинул щеколду, прошёл через холодные тёмные сени в нашу комнату, где светила под потолком тусклая лампочка. Это был первый урок молитвы, который я тогда, конечно же, не осознал. Но зёрнышко упало...

Нас, детей, в семье было двое. Верующей была только мама, Елена Семёновна. Ещё девятилетней девочкой она прочла Евангелие и уверовала. Только в двадцать восемь лет мама крестилась. Её вера была необыкновенной, живой. Наше окружение с детства – это люди каткомбной православной церкви, многие из которых прошли лагеря, ссылки. Мама, конечно, повлияла на Александра. Она учила, что «если к тебе кто-то приходит и просит что-то, знай, что это просит Христос».

Мы жили в трёхэтажном дореволюционном доме на Серпуховке, 38. Дом был из красного кирпича. Мы жили на втором этаже в четырёхкомнатной квартире, занимали комнату в двадцать квадратных метров. Папа как будто гордился, что у нас такая большая комната. В

квартире жили ещё три семьи. За стенкой справа жил одинокий пожилой мужчина из бывшего купеческого сословия – Иван Иванович Кудин. До революции была известна его мануфактура – «Кудинские платки».

Однажды – я был ещё маленький – ему похвастал: «Я родился 1 декабря, в день смерти Кирова. А брат мой родился 22 января, на следующий день после смерти Ленина, как будто ему на смену...» Старик, по-волжски налегая на «о», мне ответил: «Довольно одного».

В 43-м году с продуктами было очень плохо. И мама, поскольку она работала и одновременно училась, оставляла нам еду, ну, естественно, поровну, и я быстро съедал своё, а потом жаловался, что я голодный, начинал ныть. Александр говорил: «*Ну ладно, съешь мою порцию*». Я съедал, мало думая об этом. А он всё время читал книги и, если видел, что я не могу найти себе какое-то занятие, читал мне вслух и со мной занимался. Сызмальства у нас были очень тёплые отношения, которые мы сохранили до самого конца. У нас не было никогда никаких конфликтов.

Папа не был практикующим иудеем, но старался соблюдать традиции. Мама рассказывала, когда родился Алик, на восьмой день, по еврейскому обычаю, мальчик должен быть посвящён в Завет Израиля с Богом через обрезание крайней плоти. По этому случаю из Киева приехал отец папы, наш дедушка Герш-Лейб. И однажды папа ему пожаловался: «Ты знаешь, Лена увлекается христианством». «Христианством? – ответил благочестивый иудей. – Надо бы почитать Евангелие. Я никогда не читал». И отец дал ему почитать Евангелие. Почитав, дедушка сказал буквально следующее: «Не волнуйся, сын. Иисус был настоящим евреем».

Уже в детстве мы были полностью воцерковлены. В девять лет я уже сам ездил в Загорск. Ходили мы и в московские храмы, которые Сталин после войны частично открыл.

В доме собирались мамины друзья из мечёвцев⁹ и из общины отца Серафима. Мы с Аликом и другими детьми ходили домой к Борису Васильеву (он был тайным священником), и его жена Татьяна Ивановна замечательно проводила с нами занятия по формам и смыслам православного богослужения. Её уроки для нас были настоящей воскресной школой.

По благословению схиигуменьи Марии Алик начал прислуживать в алтаре храма Рождества св. Иоанна Предтечи на Пресне. Настоятель храма отец Димитрий Делекторский знал отца Серафима. А после того как брата перевели учиться в Иркутск, матушка благословила меня прислуживать вместо него.

Мария Тепнина

Алику было около четырёх лет, когда он написал мне: «*Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром*». По этому можно судить, какая была обстановка дома, если маленький ребёнок мог воспроизвести полностью слова апостола Павла, осознать их значение и повторить. Такую атмосферу создавала Елена Семёновна у себя в доме, таким образом она его воспитывала.

Нина Трапани

С Леной Мень я познакомилась, когда её сыну Алику было полтора года. Это был миниатюрный мальчик, общительный и довольно разговорчивый.

Вскоре они приехали на Лосинку, где мы жили. Первый, на кого Алик обратил внимание, был белый котёнок, который по собственному почину водворился в мансарде. Алик ахнул

⁹ Община, созданная в храме святителя Николая в Клённиках настоятелем храма протоиереем Алексеем Алексеевичем Мечёвым (1859–1923).

и, указывая на котёнка, воскликнул: *«Рыжий телёнок!»* Не знаю, где он видел это существо, только всё живое ассоциировалось у него с этим телёнком. Все рассмеялись.

На следующее лето Лена с семьёй поселилась на Лосинке. Хозяева сдали им, собственно, единственную комнату с выходом на террасу, а сами поселились на кухне. Дом стал оживлённым, что было очень кстати. Присутствие о. Иеракса (Бочарова) как-то скрадывалось в общем оживлении. Дочь Ивана Алексеевича, хозяина дома, Марьяна подружилась с Аликом. Она только начала говорить, но, когда Алик обрушил на неё целый каскад слов, сразу онемела и перестала говорить совсем. Это не мешало их играм, и постепенно Марьяна разговорилась. Странные возгласы раздавались подчас: «Ой, батюшки, что у тебя вышло?» «Ох, Господи помилуй!»

Летом Лена ждала второго ребёнка. Своё положение она переносила очень тяжело. Ей необходимо было выехать из Москвы, подышать свежим воздухом. Решили поселиться в Малом Ярославце: Лена с сыном и Вера, через некоторое время к ним присоединился о. Иеракс – для него сняли комнату в доме напротив. Я тоже провела там свой отпуск.

Окружающая природа очаровала нас. Местность была холмистая, перелески, открытые поляны, наши среднерусские, милые сердцу картины. Погода стояла хорошая, и мы целые дни проводили под открытым небом. Столовались все вместе. Алик сразу сообщил мне, что он *«вовсе не Алик, а “чёрная пантера”»*.

– *А ты кем хочешь быть?* – спросил он меня.

У меня не хватило фантазии, и тогда он предложил:

– *Ты хочешь быть цветочком? Нежный человек...*

Как-то вечером мы с Верочкой прогуливались под тёмным шатром звёздного неба и негромко разговаривали. Алика она держала на руках, и вдруг он недовольно заявил:

– *Тише, Гуллиенька, не шуми...*

– Я не шумлю, – растерялась Вера.

– *Не говори ничего. Ты видишь, какие маленькие звёздочки. Им хочется спать.*

Так тонко этот мальчик воспринимал окружающий его мир. После этого я даже посвятила ему стихи:

Позднею ночью нам светит луна,
Сказочным светом природа полна.
Тише, о, тише... Не надо кричать:
Звёздочкам маленьким хочется спать.
Тихо деревья листочки повесили,
Словно вуалью тропинки завесили,
Ветер их нежно и сладко баюкает.
Дятел большой уже носом не стучает... —

и прочие, основанные на его высказываниях.

О. Иеракс захватил с собой богослужебные книги и, облюбовав одну светлую безлюдную полянку, совершал там доступные в этих условиях богослужения.

Мы брали с собой термос, кое-какую закуску и устраивали завтрак. Алик забирался ко мне на колени и свёртывался клубочком, как котёнок.

– Алик, ты мне делаешь больно, – взмолилась я.

– *Ты потерпи немножко,* – возразил он. – *Мне так хорошо, как в гнёздышке.* – И наконец изрёк: – *Я сам не знаю, почему я так в тебя влюбился...*

Подошёл праздник Успения Божией Матери. Мы все собрались на излюбленной полянке. Прочитали дивный канон «Да провождают невестественнии чиновне небошественное в Сион Божественное тело Твое...»

О. Иеракс начал читать акафист. Молоденькие берёзки стояли вокруг, как свечи, лёгкий ветерок колыхал травинки. Вдруг на одном из деревьев зашелестела крона, и из кудрявой листвы высунулась любопытная мордочка рыженькой белочки и некоторое время рассматривала нас, потом она быстро спустилась на землю и застыла под деревом, как бы прислушиваясь к словам песнопения. Она довольно долго пребывала в таком положении, и мы затихли, боясь спугнуть доверчивого зверька. Потом снова взбежала на дерево и долго ещё качалась на ветвях.

Говорили, что после нашего отъезда, когда приехал отец Верочки, дядя Яша, как называли его, Алик безошибочно привёл его на нашу полянку и сказал: *«Вот здесь мы все сидели, и нам было очень хорошо. Как жаль, что тебя не было с нами...»* Алик очень любил дядю Яшу. Когда были назначены выборы в Верховный Совет и по их округу кандидатом выдвинули профессора Бурденко, он сказал матери: *«Ну и голосуй за Бурденку, а я буду голосовать за дядю Яшу»*. Но он знал, что есть вещи, о которых и с дядей Яшей говорить нельзя.^[7]

Отрочество

*Если я видел дальние других, то потому, что
стоял на плечах гигантов.*

Исаак Ньютон

Священник Александр Борисов

У отца Александра с детства всегда было горячее желание поделиться тем, что он знает, с другими. В той форме, которая им доступна. Помню, на вопрос: «Алик, что это ты там читаешь?» – он отвечал: *«Ну, ребят, вам некогда будет эту книжку читать – я вам сейчас про неё расскажу»*. Это мог быть какой-то американский или английский автор, или даже «Война и мир». Он кратко рассказывал, в чём основная идея, чтобы нас заинтересовать, а не чтобы заменить собой книгу. Он приготовил для нашего учителя ботаники и зоологии Сергея Фёдоровича целый реферат о животных по Брэму. Уже где-то с шестого-седьмого класса он начал писать книгу «О чём нам говорит Библия?», которая переросла, собственно, в последующие книги.

Решение стать священником он принял в двенадцать лет, в 1947 году, когда во время празднования 800-летия Москвы увидел в небе освещённый прожекторами портрет Сталина. Мальчик рано понял, что владычество одного человека, виновного в смерти миллионов людей, эта страшная власть всегда ведут к жестокости и деспотизму. И этому противопоставить можно только обращение людей ко Христу. Необходимо дать людям иной идеал, чтобы они шли не за тов. Сталиным, а за Тем, Кто создал этот мир и даровал человечеству закон любви.

Я довольно часто бывал дома в семье Меней. Помню, у них было много интересных книг. В частности, Библия с замечательными иллюстрациями Гюстава Доре. Кстати, это было моим первым тогда знакомством со Священным Писанием. Икон в их доме тоже было много, правда, они хранились в специальном ящичке, который был почти всегда закрыт на случай, если зайдут соседи. Это была очень интеллигентная и благочестивая семья: отец работал инженером на текстильной фабрике, мама имела филологическое образование, но работала чертёжником.

Я часто гостил у них на даче, особенно летом. У них была дача, которую начали строить до войны и заканчивали ещё в течение десяти лет после Великой Победы. По современным меркам она может показаться очень скромной и даже бедной. Но тогда её несомненным достоинством было замечательное место расположения – станция Отдых. Там мы катались на велосипедах, гуляли и просто общались.

Монахиня Досифея (Елена Вержбловская)

Однажды – Алику было тогда двенадцать лет – матушка (схиигуменья Мария. – Ю.П.) прислала его к нам на дачу пожить. Он прожил у нас недолго: недели две, может быть, три. Помню, что это был мальчик, который всё время сидел с книжкой, хорошо рисовал, был очень покладистым и тихим. Сначала, когда он приехал, я приняла его с внутренним неудовольствием – у меня была масса обязанностей, и я подумала: «Ну вот, ещё и с мальчишкой возиться...» Но он был очень тактичен и даже незаметен, и, если я его иногда спрашивала: «Алик, ты хочешь то-то или то-то?» – он быстро скороговоркой отвечал: *«Как хотите, я молчу»*. Как будто уже тогда он сознательно вводил в свою жизнь слова Христа «откажись от себя». Он очень много писал, и это было уже началом его работы над книгой «Сын Человеческий».

Мы жили тогда на Правде, и я повезла Алика на станцию 43 км, куда мы впоследствии переселились, знакомить его с детьми наших друзей. Они приняли его, но не совсем – считали его немного «воображалой». А он был просто другим: он был, с одной стороны, совсем ребёнком, а с другой – совсем взрослым, глубоким, наблюдающим и всё понимающим человеком.

В моей памяти остался один эпизод, который я не могу забыть до сих пор. Неожиданно для всех нас приехала наша «казначей» Лида, человек очень быстрый и несколько резковатый. Она вошла в калитку и крикнула: «Алька, собирайся домой!» Я не помню, чем он в это время занимался. Я была в саду и перебирала овощи. И вдруг он бросился ко мне, уткнулся головой в колени, совсем как маленький ребёнок, и – зарыдал. Я положила руку ему на голову и почувствовала странную тревогу. Во мне возникла молитва, которая была направлена прямо к Богу: «Господи! Что за душа у этого ребёнка? Господи, сохрани её... что за душа у этого ребёнка?..» Его рыдания продолжались, может быть, несколько секунд. Потом он поднял голову, сразу овладел собой, спокойно попрощался с нами и – уехал.

Когда я, спустя многие годы, встретила с ним как со священником, я хотела ему напомнить об этом эпизоде. Он всегда говорил, когда рассказывал о своей жизни, что абсолютно всё помнит; что он всё замечал и всё понимал; понимал даже все сложности и трудности моей жизни. Мне часто хотелось у него спросить, помнит ли он, как он заплакал, а потом сразу всё оборвал и спокойно пошёл. Но я почему-то всё откладывала и так и не спросила. Заплакал как маленький ребёнок, а ушёл как взрослый и всё понимающий человек. Совсем взрослый и всё понимающий.

Моя молитва – она унеслась с быстротой птицы, я это чувствовала, потом вернулась через много лет подобно бумерангу. Я часто вспоминала этот эпизод, когда Алик, уже отец Александр, клал руку мне на голову и этим жестом успокаивал и снимал с меня все мои болезни и физические, и душевные. И я думала, что вот та молитва, с которой я от всего сердца обратилась к Богу, она вернулась ко мне через его руки. Когда-то я гладила его голову, и вот сейчас он кладёт свою руку как священник мне на голову, отпускает мои грехи и помогает мне в моих немощах. Какая удивительная жизнь всё-таки! Какое это таинство – священство...

Анна Корнилова

Алик и Павлик начали прислуживать в церкви Иоанна Предтечи на Красной Пресне. Их детские фигурки в длинных стихарях, большие зажжённые свечи в руках и торжественное шествие от Царских врат на середину храма, куда выносили Евангелие, производили сильное впечатление. Духовная устремлённость мальчиков, благоговейное отношение к церковному служению уже тогда позволяли заглядывать в их будущее.

Хотя во всём остальном это были обычные мальчики. Они любили играть, кататься с гор на санках, ходить в лес. Однажды Алик приезжал к нам в Лесной посёлок копать поле под картошку. Ему было тогда лет двенадцать-тринадцать, и это было связано с периодом, когда после ареста Маруси (Марии Витальевны Тепниной. – Ю.П.), чтобы как-нибудь прокормиться, мы выхлопотали участок для посадки, а дедушка с бабушкой уже были слишком стары и слабы, чтобы вскопать его. Правда, и Алик был не Геркулес...

Во время наших занятий – а теперь мы стали заниматься с Варенькой Фудель (Варвара Сергеевна Фудель – младшая дочь С.И. Фуделя¹⁰. – Ю.П.) – в комнате тёти Верочки часто появлялся Алик. Всегда стремительный, оживлённый, вдохновенно серьёзный, он охотно общался и с теми, кто был младше его, – а в том возрасте разница в шесть лет почти непреодолима. Стоило обратиться к нему, как лицо его озаряла приветливая улыбка; казалось, он рад видеть и

¹⁰ Сергей Иосифович Фудель (1900–1977) – православный богослов, философ, литературовед, неоднократно репрессированный.

слышать именно тебя и готов всё для тебя сделать. Его «налёты» в комнату тётки Верочки были всегда неожиданны и молниеносны. Тогда наши занятия прерывались, дверцы шкафа распахивались. Он брал оттуда нужные ему книги и удалялся так же стремительно, как приходил. «Вот видите, – говорила тётка Верочка, – Алик читает не одну книгу, как мы, а сразу пять». Действительно, и на даче в Отдыхе он раскладывал на садовом столике несколько книг и занимался так, как мы тогда ещё не умели. В то время как мы читали детские книжки, Алик уже познакомился с трудами лучших представителей русской религиозно-философской мысли.^[8]

Анатолий Краснов-Левитин

Алик был исключительный ребёнок. Очень красивый (лицом он удивительно похож на мать), он соединял живой сангвинический темперамент с разнородными способностями. Если меня спросят, какая именно черта у Алика наиболее поразительна, то я должен буду ответить – его исключительная гармоничность. О нём можно было сказать словами Золя про папу Льва XIII: «превосходный человеческий тип». Первый ученик, любимец товарищей, поразительно умелый и сообразительный, он в то же время в детстве читал массу книг, шутя выучил иностранные языки, увлекался биологией и историей. Мать сумела передать ему свою глубокую религиозность: уже в детстве он прислуживает в алтаре, знает службу наизусть, является своим человеком в церковных кругах. В двенадцать лет он приходит в Богословский институт к Анатолию Васильевичу Ведерникову, который был тогда субинспектором (с этого времени начинается их знакомство), и заявляет о своём желании стать студентом-заочником. Анатолий Васильевич, разумеется, вынужден был отклонить это предложение (советские законы категорически воспрещали религиозное обучение несовершеннолетних), однако хорошо запомнил смышлёного мальчугана (это знакомство впоследствии очень пригодилось Алику). В школе его товарищем оказался парень из интеллигентной семьи, близкий к церкви, – Кирилл Вахромеев (ныне – митрополит Минский Филарет). В храме Алик знакомится с верующей молодёжью. С детства Алик был не только верующим, но и церковным человеком.

Павел Мень

Наш папа считал себя подлинным евреем, разумеется, без националистического апломба. И своих детей тоже. И когда Алику исполнилось двенадцать лет, возраст совершеннолетия, отец решил с ним откровенно поговорить. «Ты знаешь, христианство и всё, что связано с ним, это – не наше». На что начитанный подросток мягко возразил: «А я докажу, что – наше».

София Рукова

Сам отец Александр как-то рассказал следующее. Школьником он очень любил службы в храме и почти всё свободное время проводил там. Однажды, будучи учеником уже девятого или десятого класса, он один стоял на всенощной в любимом им храме Иоанна Воина, что на Большой Якиманке. Был поздний час 31 декабря, когда все люди заняты приготовлениями к встрече Нового года. А он просто забыл об этом!

Неожиданно он почувствовал на себе руку служившего священника и услышал его тихий голос: «Это хорошо, что ты любишь Бога, храм и богослужение. Но никогда ты не станешь настоящим пастырем, если радости и скорби тех, кто живёт в мире, будут тебе чужды...» Внезапно мир словно заново раскрылся перед ним. Он ещё постоял немного, а затем вышел, полный невыразимой радости, словно Кто-то позвал его... С того дня он как бы заново родился: для людей страдающих, озабоченных, умирающих, лишённых веры, надежды и любви, и – для радующихся.^[9]

Олег Степурко

Однажды батюшка рассказал историю о том, как после войны в Загорске хулиганы забавлялись тем, что раскачивали толпу в Успенском соборе, и старушки, зажатые, как сельди в бочке, всю службу раскачивались взад-вперёд. *«И вот я, – говорил отец Александр, – четырнадцатилетний подросток, останавливал эти волны. Я изо всех сил упирался и нажимал в противоположную сторону».*

Юность

Юность – время отваги.
Стендаль

Валентина Бибикова

Началась эпидемия сочинения своих гимнов и песен. Алик оказался незаменимым: он отлично играл на семиструнной гитаре, у него был могучий голос и, самое главное, он сочинял хорошие стихи. Появились песни: «Биолого-охотоведческая» («Нам ли бояться холода...») и «Неолитическая» («Помнишь первобытную культуру?»). Слова «хобот мамонта вместе сжуём...» и «ты была уже не обезьяна, но, увы, ещё не человек...» быстро вошли в наш обиход. Песню эту поют до сих пор – и не только охотоведы. Так вот, эту песню в 1953 году сочинил Александр Мень:

*Помнишь первобытную культуру?
У костра сидели мы с тобой,
Ты мою изодранную шкуру
Зашивала каменной иглой.
Я сидел, нечёсанный, небритый,
Нечленораздельно бормотал.
В этот день топор из неолита
Я на хобот мамонта сменял.*

*Есть захочешь – приди,
У костра посиди,
Хобот мамонта вместе сжуём.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Эту ночь у костра проведём.*

*Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня мохнатых век:
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, ещё не человек.
И с тех пор я часто вспоминаю
Холодок базальтовой скалы,
Тронутые розовым загаром
Руки волосатые твои.*

*Есть захочешь – приди,
У костра посиди,
Хобот мамонта вместе сжуём.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Эту ночь у огня проведём.*

Жизнь была замечательная. Все слегка одичали. Алик Мень вместе со всеми отрастил бороду. В телогрейке, с полевой сумкой и при бороде он был весьма импозантен. От всей

этой оравы парней (я была там единственной девчонкой) он отличался лишь тем, что если не работал на «закрома» и не спал, то читал и писал. Он ухитрялся читать и писать даже во время работы. Как-то раз я обнаружила его в картофелехранилище, где он отгребал картошку от люка. В промежутках между подъезжающими машинами он что-то писал, положив сумку на колено.^[10]

Священник Александр Борисов

Помню, когда я ещё учился в Плехановском институте, то состоял в редакции институтской многотиражки, а отец Александр тогда рисовал карикатуры для неё. Там, конечно, не знали, кто именно их делал. Я просто приносил и говорил: «Это рисунки моего знакомого». Запомнился один забавный стишок с его шутовой иллюстрацией. Представьте: столовая, много народа, все проталкиваются, пытаюсь взять себе еду, а тут человек лезет по головам с пирожком. И внизу моя подпись: «Если сила, парень, есть – приходи в буфет поесть!»

Когда Александр Мень учился в Московском пушно-меховом институте, он также всегда принимал самое активное участие именно как карикатурист и оформитель во всех институтских стенгазетах. Сохранились и фотографии его карикатур.

Наталья Габриэлян

Весной 1951 года мне довелось участвовать в конференции юных вооповцев (ВООП – Всесоюзное общество охраны природы) и членов КЮБЗа (Клуб юных биологов зоопарка). Был яркий весенний день. Впервые я шла на серьёзное мероприятие, на первую в моей жизни научную конференцию. Там было много новых для меня лиц, – почти все места были заняты, но меня окликнули, и я увидела двух знакомых мне по занятиям в Дарвиновском музее вооповцев – Даню Бермана и Алёшу Северцева. Началась конференция. Один за другим выходили юные докладчики, я старалась внимательно слушать и была просто сражена серьёзностью работ. Особое впечатление оставил доклад о жизни ночных птиц, наблюдать за которыми очень нелегко. В перерыве между заседаниями мы вышли из зала и уселись на скамейку, весело обсуждая доклады и докладчиков. Вот тогда-то к нам и подошёл Алик с младшим братишкой Пашей. Оба темноволосые, кудрявые, с большими чёрными глазами и оба улыбающиеся. У толстенького братишки был такой вид, что он вот-вот расхохочется. Нас познакомили, и я сказала, что училась раньше в одном классе с Леной Сёминой, их соседкой по даче в Отдыхе. «С Леной? Вот здорово, мир-то как тесен!» Я пояснила, что теперь учусь уже в другой школе и Лену вижу гораздо реже, к сожалению. Алик явно заметил моих приколотых к свитеру цыплят и, улыбаясь, сказал: «Мне кажется, у меня есть книжка, которая вам будет интересна!» «О цыплятах?» – спросила я со смехом. «Не совсем, но близко!»

По сей день в моём письменном столе лежит эта книжка, оказавшаяся журналом из серии «Знание для всех» № 12 за 1914 год. На обложке чуть ниже названия журнала написано: «Забота о потомстве в царстве животных» и приклеена цветная фотография с надписью «Птенцы кукушки в гнезде садовой горихвостки». Журнал этот он принёс мне осенью того же года. После конца заседаний мы ещё побродили по зоопарку, постояли у площадки молодняка, где работали наши знакомые из КЮБЗа, и, попрощавшись, разъехались по домам. В те годы мы все жили недалеко друг от друга, нас ещё не разбросали по хрущобам окраин. Вот так мы и познакомились в этот весенний, ласковый майский день 1951 года.

Алик был одним из самых образованных и ярких учеников П.П.С. (Пётр Петрович Смолин – руководитель юношеской секции Всероссийского общества охраны природы. – Ю.П.), но главной его особенностью была необыкновенная доброжелательность и общительность, он не кичился своими знаниями, а хотел ими поделиться и делал это весело и незаметно.

Память моя сохранила ещё две встречи с ним в тот ранний период нашего знакомства. По тем временам мы жили в «роскошных» условиях. У нас была отдельная двухкомнатная квартира в надстройке пятиэтажного дома на улице Горького, окна квартиры выходили на 2-ю Тверскую-Ямскую, где поселил свою героиню Катю Татаринovu писатель Вениамин Каверин. Моё поколение зачитывалось тогда его «Двумя капитанами». Именно в эту осень отец купил мне в букинистическом магазине «Жизнь животных» Брэма в трёх томах с прекрасными иллюстрациями. Я заранее радовалась, что смогу показать гостю Брэма и, может быть, не буду казаться уж такой незнайкой.

Дом у нас был гостеприимный, мама моя преподавала в старших классах русский язык и литературу. У нас часто бывали её ученики. Вечером за круглым столом в большой комнате всегда кто-то сидел из забежавших на огонёк по московской старинной привычке. В этот вечер за столом сидели мама и её подруга, наша соседка, которую мы по детской ещё привычке называли уменьшительным ласковым именем Габочка (Габриэль Максимовна). По профессии она тоже была преподавателем. В те годы умели дружить, трудно даже назвать мою маму Нину Петровну Унанянц и Габриэль Максимовну Кан подругами – они были сёстрами, духовными сёстрами: их взаимная привязанность была проверена и спаяна 37-м и 41-м; мы – их дети (Юра и я) – росли вместе. Наверное, наше поколение – детей войны – не выжило бы, если бы наши родители не научились в тяжёлые годы так самозабвенно поддерживать друг друга.

Вот такие замечательные люди сидели за нашим круглым столом под довоенным оранжевым абажуром, когда в тот далёкий ноябрьский вечер пришёл к нам Алик Василевский (Алик Мень – Ю.П.). Мама встретила его словами: «Много слышала хорошего о вас и о вашем легендарном П.П.С. Садитесь с нами чай пить!» Но мы сначала зашли ко мне в комнату, и Алик положил на мой столик журнал «Знание для всех». *«Читайте, здесь всё написано очень просто, но очень интересно и познавательно!»* Я тоже решила показать Брэма. И мы листали книги, когда мама позвала нас к столу. Удивительно, как легко и непринуждённо держал себя наш юный гость. Зашла речь о Третьяковской галерее, мама любила водить туда старшеклассников, и именно тогда начиналась её многолетняя дружба с Е. Лебединской, одним из самых талантливых экскурсоводов. Алик живо откликнулся на затронутую мамой тему: *«Я, Нина Петровна, вам сейчас расскажу, как я на днях водил по Третьяковке своих кузин, приехавших в Москву на каникулы. Вот это была задача!»* И дальше последовал рассказ о том, что, обнаружив весьма слабые познания сестёр в области русской живописи, да ещё имея мало времени, он решил применить свой любимый, тогда, возможно, ещё не осознанный приём сведения к «простому». Он спрашивал сестёр: *«Вы любите конфеты “Мишка косолапый”? Любите! Ну, тогда пошли смотреть картину Шишкина – это с неё картинку на обёртку сделали».* *«Ну а папиросы “Три богатыря” видели? Пошли смотреть, это художник Васнецов нарисовал».* Затем по этому же принципу они смотрели «Садко – весёлого гостя», «Алёнушку», «Боярыню Морозову» и т. д.

Мы смеялись до слёз, так как рассказчик дополнял свою речь живой мимикой – перед нами возникали удивлённые физиономии кузин, с немым восторгом взиравших на ожившие и оказавшиеся огромными «картинки с обёрток конфет и папирос». Мама сквозь смех только успела спросить: «Алик, сколько же картин ты успел показать?» *«Много, потом уже без аналогий гладко пошло!»* Уже прощаясь в прихожей, они с мамой обсуждали её любимые литературные темы, а когда мы вернулись к столу после его ухода, она сказала: «Какой блестящий ум! Перед ним может открыться большое будущее!» Это сказала моя мама совершенно убеждённо, а она не была сентиментальным и восторженным человеком и никогда не захваливала своих учеников.

Много лет спустя, когда я наконец решила поехать к отцу Александру, я спросила его в самом начале нашего долгого разговора на скамье возле церкви, помнит ли он мою мать? Он улыбнулся и сказал: *«Ещё бы! Её нельзя забыть!»*^[11]

Наталья Григоренко-Мень

Отец Александр любил немножко почудить, как говорится. Он ходил в сапогах, любил носить галифе, какой-то китель у него был, в шляпе обязательно ходил, потом бороду стал отпускать. У него сумка была такая, полевая на ремешке, и его даже прозвали в институте – «Мень сумчатый». А он в этой сумке всё время Библию носил и никому её не показывал.

В институте мы учились на разных факультетах: я на товароведческом, а он на охотоведческом. И у них были одни мальчики, а у нас почти одни девочки. Институт был в Балашихе, и прямо за зданием института шла дорога на Москву. Можно было пройти через лесок на станцию и доехать до Москвы на электричке, но мы обычно выходили на дорогу и голосовали: тогда было принято ездить автостопом. Нас довозили до метро, так было и быстрее, и веселее.

И вот как-то мы, девочки с товароведческого, стояли кучкой, а мальчишки другой кучкой неподалёку. Остановилась машина, мы влезли в крытый кузов, и за нами мальчишки попрыгали туда же. Ну и будущий отец Александр, а тогда Алик, подошёл к нам с подругой и говорит: «Девочки, вот вам билеты, у нас будет вечер охотоведческий, приходите!» Так мы и познакомились.

Монахиня Досифея (Елена Вержбловская)

Вспоминается мне один эпизод. Алику было тогда лет восемнадцать. В тот день (это был день Марии Магдалины – 4 августа) мы праздновали именины дочери одной из наших друзей. Собралась компания молодых верующих людей. И они отправились гулять. Подошли к станции, и тут они встретились с небольшой кучкой каких-то хулиганов, которые стали к ним приставать. В общем, завязалась драка. Каждый из компании наших ребят вёл себя так, как ему было свойственно. Самому маленькому – Саше – было, по-моему, лет восемь. Он в ужасе спрятался в кусты и горячо молился Богу. Другой – его звали Колей, – вёл себя как «непротивленец злу», и, когда его начали бить, он покорно лёг на землю и даже не сопротивлялся. Ещё один, кажется, ввязался в драку, и на нём разорвали рубашку и наставили ему синяков. Алик выступил с проповедью... Может быть, это была одна из его первых проповедей, где он спокойно и убедительно объяснял этим подвыпившим и разгулявшимся парням, что нужно разойтись по-доброму. Такая увещательная проповедь, как это ни странно, подействовала, и все разошлись... Так вот, я иногда вспоминаю и думаю: вот она – сила слова.

Александр Зорин

Учился Алик посредственно. На школу смотрел как на казарму, окончанию – 1953 год – радовался как избавлению. В школе на уроках – читал. Прodelал дырочку в крышке парты – и читал. Фаррара¹¹, например. Сидел, между прочим, не на последних партах, учитель вряд ли мог не заметить его отсутствующего присутствия, однако как бы не замечал. Учителя были, конечно, разные... Математик считал его безнадежным двоечником и любил выговаривать вслух: «Садись, Мень, ты – дурочкин...»

В день смерти Сталина, утром, Александр пришёл к своей знакомой, дочери критика Альтмана, за которой ухаживал. Она жила в Лаврушинском переулке. Открыли дверь чекисты с наганами. В доме проводился обыск по всей устрашающей форме. На звонок вышла дочь, и вместе с Александром, не задерживаясь и, главное, не будучи задержаны, они выскочили на улицу. Небывалый случай. Выпустить из квартиры, где идет обыск, кого-нибудь, да ещё

¹¹ Фредерик Вильям Фаррар (1831–1903) – англиканский богослов, писатель, экзегет. Автор широко известной книги «Жизнь Иисуса Христа».

не задержать пришедшего в эту квартиру... Возможно, чекисты были потрясены событием, только-только объявленным по радио.

Юноша и девушка шли по траурному городу. Она плакала – не могла сдержать слёз. Он пошутил: *«Наверное, прохожие думают, что ты оплакиваешь смерть воздя»*. В шутке была ирония в адрес умершего, которую мало кто мог позволить себе в тот день.

Анатолий Четвериков

На четвёртом курсе на Иркутскую пушно-меховую базу приехала группа студенток-практиканток товароведческого факультета бывшего МПМИ. Конечно, с большей охотой ехали те, у кого в Москве была любовь с охотоведами. Приехала к Алику и Наташа Григоренко. Вскоре они обвенчались, и Наташа стала преданной женой на всю оставшуюся жизнь, готовой в трудную минуту подставить своё хрупкое плечо. Это была удивительно красивая пара.

В конце пятого курса у Мене́й родилась дочь. Наташа жила у родителей под Москвой, в Семхозе. Алик был на практике. Прощёл он её хорошо и написал отличный отчёт. Но у Наташи неожиданно пропало молоко, и Алик на три дня «опоздал с практики в институт». Многие опоздали и на больший срок. Но объяснительную потребовали только с Алика.

Последней каплей в «деле Меня» была роковая случайность. Вот как её описывает Валентина Бибикова:

«Как-то вызвал меня декан и спросил, почему Меня второй день нет на занятиях? Я тут же лихо соврала, что Алик болен: температура тридцать восемь, озноб – кошмар! Свиридов улыбнулся: оказывается, Алик улетел на два дня в Москву по каким-то церковным делам (на самом деле заболела дочка). И надо же такому случиться: в самолёте с ним летела проректор института (люто ненавидевшая охотоведов) и видела его... И вот тогда-то и была вытащена на свет его объяснительная записка об опоздании с практики. Появилась докладная декана, на которую ректор наложил резолюцию: “Считаю невозможным дальнейшее пребывание т. Меня в числе студентов института”. Алика исключили. Мы скандалили, доказывали, что делать этого нельзя, что он талантливый биолог, и уже напрямую говорили, что если его исключат, он уйдёт служить в Церковь, а сдаст госэкзамены – пойдёт работать охотоведом. Мы говорили, что партийные руководители, борясь с влиянием Церкви, должны уводить от неё, а не толкать туда. Всё впустую. Нас не слушали. Теперь, умудрённые долгой жизнью, мы понимаем, что декан и ректор отнюдь не были кровожадны. Скорее всего, не было у них желания любыми средствами сжить со свету юношу-пятикурсника. Им приказали – они нашли способ. Время было такое: послушаться было нельзя».

Провожала Алика в Москву большая толпа: обняли, расцеловали, похлопали по спине, и он уехал навстречу своей богоугодной деятельности. Мы стали взрослыми, и расправлялись с нами уже по-взрослому.

Органы не могли оставить Алика без внимания и пытались воздействовать на преподавателей, уговаривая их завалить его на экзаменах. Преподаватели охотфака отказались. Попытку выполнить указание органов предприняла кафедра исторического материализма, но и она не увенчалась успехом. Алик спокойно, толково и полностью ответил на экзаменационный билет. И тут ему задали провокационный вопрос о его убеждениях. На билет Алик отвечал пять минут. Свою точку зрения на философию он излагал полтора часа. С ним пытались спорить. Но выстоять против его доводов не смогли и всё же поставили «тройку». Алик спросил:

– Три за знания или убеждения?

– За убеждения, за них вам следует поставить двойку!

– А я думал, это экзамен знаний!

Всё это вызвало негодование охотоведов, которые пошли скандалить в ректорат и требовать переэкзаменовки для Александра Меня. Ректорат вынужден был уступить. На экзамен

явилась целая комиссия, включая представителей райкома. «Валили» всем дружным коллективом, но ничего не вышло. Мень знал больше, чем все они, вместе взятые. Он знал первоисточники, изучив, в отличие от них, не только Маркса, Энгельса, Ленина, но и Гегеля, Мальтуса, Вольтера, Соболева, Вейсмана и многих других. Члены комиссии выглядели полными дураками. И тем не менее Алику поставили «три». К государственным экзаменам он допускался. Завкафедрой военного дела категорически отказался исполнять указания органов. Я случайно столкнулся с ними во время беседы и услышал, как полковник сказал: «Получит то, что заслуживает!» И этот экзамен Алик сдал хорошо.

Реакция студентов была единодушной. Валентина Бибикина вспоминает: «Это его дело, а мы его всё равно любили. Пожалуй, к нему стали относиться даже теплее. И не потому, что верующий, а потому, что умнее и целеустремлённее. К тому же появилось желание прикрыть его от опасности – к этому времени мы стали особенно дружны. Он никогда не проповедовал среди нас религию, но перестал скрывать, что верит. Мы так и остались атеистами, хотя кое-кто из журналистов и утверждает, что весь охотфак вместе с преподавателями стройными рядами пошёл за Менем в церковь. В церковь с охотфака пошёл только Глеб Якунин». Вообще «прижать» Александра на чём-либо было трудно. Учился он хорошо, прогуливал меньше других, религиозную пропаганду среди студентов не вёл, видимых учеников-последователей не имел. «Прижать» его не терпелось, но удалось это лишь на пятом курсе.

Алик Мень, прибыв в Москву, посетил патриарха Алексия I, который хорошо его знал и уважительно относился к нему. Вскоре, 1 июня 1958 года, Александр был рукоположен в дьяконы и направлен в церковь Покрова в селе Акулово. Для нас же он на всю жизнь остался Аликом Менем – родным человеком, добрым, весёлым, верным другом. Мы закончили обучение в институте, приобрели специальность и разъехались по стране.^[12]

Штрихи к портрету

Как великолепен человек, если это человек настоящий!

Менандр

Светлана Александрова

Много лет назад, когда отец был ещё молодым человеком, я сказала ему:

– Отец, вы похожи на Иосифа Прекрасного.

– *Совсем нет*, – быстро ответил он, – *это совсем другой сюжет: я не ссорился с братьями, и меня не продавали в рабство в другую страну.*

– Да, это так, но я имею в виду не сюжет, а духовную, внутреннюю суть Иосифа: он был несметно богат духовно в то время, когда все вокруг были бедны и голодны. И вы несметно духовно богаты, когда почти все мы духовно голодны.

В природе отца всегда было что-то быстрое, мгновенно-быстрое, львиное, рыкающее, проявлявшееся, когда он обращался к высшему миру. В обращении же с людьми он был почти всегда мягок, милостив и бесконечно терпелив (за исключением случаев чрезвычайных). Так вот, в последние два года можно было зримо различать какую-то золотую гриву вокруг его физического тела – милостивый лев с золотой гривой. Отец Александр – лев рыкающий; на какие-то мгновения его глаза особенно широко открываются, и он ими зыркает. Да, зыркает. Я не знаю другого глагола, могущего передать то, что происходило. Конечно, слово «зыркать» содержит в современном языке по преимуществу снижающее разговорное значение. Но отец именно зыркал – в каком-то высшем и тайном смысле. Он был зрячим и переводил свой зрак с Высшей реальности на нас, как бы получая поручение прямо Оттуда. Он говорил проповедь, в которой каждый находил ответ на вопрос, с которым сегодня пришёл в храм. Все были едины – и Христос стоял посреди нас.^[13]

Светлана Домбровская

Ошеломляющая гармония его облика ещё не осознавалась мной, когда я заморожено, не поворачивая головы, одними глазами, следила за ним, почти подглядывая. А не смотреть на него не было никакой возможности: он был таким разным, и его было так «много»... Но обо всём этом я подумала позже, возвращаясь в Москву и дома. А сидя здесь, на скамейке у храма, только бездумно и неотступно следила за каждым передвижением отца Александра. Двигался он не быстро, а стремительно и легко, и все движения его при этом не были ни резкими, ни суетливыми, а напротив – чёткими, твёрдыми и плавными. Ощущение невидимого упругого парения усиливалось ещё и благодаря развевающейся рясе и тем, как отец поддерживал-поддёргивал её рукой, будто подгоняя за собой. И ещё я заметила, что и сидящие на скамейках, и те, кто как-то свободно, вольно ходил по дворику, и стоящие небольшими стайками – все поворачивались в сторону отца Александра, даже если он только что отошёл от них. И вообще, когда он передвигался от одного к другому по дворику или шёл с кем-то под руку вокруг храма – было ощущение, что всё устремляется следом за ним: у ног его вихрилась мягкая тёплая пыль, ветки отцветшей сирени над скамейками вдруг начинали шумно раскачиваться и словно бормотать о чём-то, а гибкие, низко клонящиеся ветви берёз тянулись за только что мелькнувшей белой рясой...

Михаил Завалов

Отец Александр говорил мне: *«Человек может почти месяц не есть и даже достаточно долго не пить, но когда не высыпается – перестаёт быть собой... В молодости я в любой*

компании, что бы интересное там ни происходило, в какой-то момент говорил: “Ну, я пошёл”. Иногда я казался из-за этого монстром. Но только благодаря этому мог многое совершить. Впрочем, был и у меня один день в неделю – для лирики, когда я ложился во сколько угодно. Это когда я ухаживал за своей будущей женой».

Однажды отец Александр, поглядев на лес, сказал: «А знаете, о чём я сейчас мечтаю? Вот лес – так пойти бы в него и идти-идти. И я мог бы идти не один день. Но – невозможно, дела...»

Александр Зорин

Мы едем из Пушкино с отцом Александром на дачу. Заходим на минуту к нему домой – оставить портфель. И вместе с Натальей Фёдоровной скорей к нам, здорово опаздываем. На берегу озера – скособоченная железная раздевалка, в нескольких местах крупно продырявленная. «Здесь поработал топор каменного века», – шутит батюшка. Вдруг узнаю, что он совсем не спал в минувшую ночь... «Не беспокойтесь, – гасит он мои угрызения совести, – я после литургии как огурчик. Вернусь от вас, ещё поработаю, надо статью дописать».

Владимир Илюшенко

Теперь, глядя ретроспективно, могу сказать, что отец Александр открывался мне постепенно. Вначале я оценил чисто внешнюю его красоту: лепку лба, благородство облика, живые, сияющие, внимательные глаза. Одновременно я ощутил совершенно потрясающую его энергетику и непреодолимое обаяние, затем – естественность, простоту и отсутствие какой-либо позы. Я увидел, что это лёгкий и радостный человек, обладающий какой-то внутренней стремительностью. То, что он умён, было ясно с первого взгляда. Но довольно быстро я понял, что это больше, чем ум. Потом я увидел, что это человек огромных познаний, и это была не механическая эрудиция, не традиционный энциклопедизм, а универсальное, целостное знание.

Как-то у нас дома зашёл разговор о приметах. Он сказал, что следование им – вещь чисто языческая, от маловерия. Заметил, что и сам в юности верил в приметы, но переборол себя: всегда шёл вперёд, если кошка перебежала дорогу, спокойно возвращался домой, если забыл что-то, и т. п.

Он говорил не на репрессивном, ритуализованном и скособоченном советском новоязе, а на полнокровном и выразительном русском языке. Его язык – живой, насыщенный образами и блистательным юмором. Было бы полезно провести исследование поэтической речи отца. Сколько в ней изящества, вкуса, тонких художественных приёмов! Само мышление его – чисто поэтическое. Мысль его была необычайно богатой, гибкой, многомерной. Любой поворот разговора рождал поток ассоциаций. Он молниеносно переключался с одной темы на другую. Мгновенно изменялось и выражение его глаз, фиксируя переход от иронии к грусти, от грусти к патетике, от патетики к глубокому лиризму. Он был похож на сейсмограф, чутко улавливающий любые колебания беседы. Но над всем господствовала жизнеутверждающая, ликующая нота, рождённая верой во Христа.

Елена Кочеткова-Гейт

В облике отца Александра, в его речи, самой манере разговора, поведении не было абсолютно никакой стилизации под древнее Православие, что считалось модным в то время среди неофитов, да и в наши дни, к сожалению, широко распространено в «младостарческой» среде. Отец Александр никогда не изображал из себя ни «старца», ни «угодника», не было в нём ничего нарочито «иконного», «житийственного», не складывал он особым образом ручки, не возводил очи горё, не склонял долу скорбное чело, не пугал людей испепеляющим взглядом

грозного «пророка», не повергал в замешательство высоким витийствованием на церковно-славянском – хоть и священном, но непонятном простому человеку языке. Но каждого: и простодушного ребёнка, и робкую девушку, и сомневающегося студента, и замученную заботами мать семейства, и учёного мужа, и неграмотную старушку мог утешить, вдохновить, поддержать, разбудить сердце для духовного делания своим ясным, мудрым и точным словом, одарить лучезарной улыбкой, согреть сердечным теплом.

Юрий Кублановский

Внешность отца Александра теперь растиражирована на бесчисленных фото, но, в основном, поздних, уже перестроечных, когда стало «можно». Тогда же – ещё без седины, с блестящими маслинами глаз, порывистый, напористый, но не авторитарный – он был со мной одновременно и прост, и безусловно хотел завоевать и понравиться. Да и куда было от него деться, к кому идти? Сразу почувствовал: это мой духовник. Имея дело, в частности, с литературной и художественной богемой, отец Александр сводил до минимума духовное утеснение, пас отнюдь не жезлом железным, меру подчинения нередко определял сам «пасомый». Но при этом подобающая дистанция между твёрдой праведностью отца (как мы его называли) и греховной ослабленностью – не размывалась.

Как и большинство людей выдающихся, отец Александр умел сразу задать разговору высокий тонус, из Новой Деревни каждый уезжал с частичкой его энергии, которая потом ещё не один день сберегалась. Сохранялась и приходившая при общении с пастырем кристаллизация мысли и настроения.

Владимир Леви

Казалось, в музыке этой жизни нет никакого самоусилия, никакого преодоления. Но однажды признался: *«Не жаворонок я, доктор. Сова, как и ты. Даже филин. (Взглядом из-под очков жутко похоже изобразил птицу филина. Великолепный актёр. Много искушений было заподозрить, что даже и лицедей, а вот чего не было, того не было.) Вечером спать не хочется, мозг бурлит, завод на всю ночь. А утром...»*

А ранним утром ему каждый день нужно было идти на службу в свой храм – по той самой дорожке, где утром последним, роковым утром, удар убийцы украл его кровь...

«Хребет расписания должен быть крепким, а тело бытия гибким». Это высказывание Александра я не кавычу, передаю не буквально. Его жизнь вполне этой формуле соответствовала: церковная служба была становым хребтом, позвоночником, остальное – «телом».

Зинаида Миркина

У меня на столе книжка «Смертию смерть поправ». На обложке портрет Александра Владимировича. Одна улыбка. Во всё лицо. Во всю душу. Любопытно, что большинство людей, увидев этот портрет, удивлены. Не узнают. А для меня нет портрета, запечатлевшего Александра Владимировича лучше. Посмотришь – и толчок в сердце: боль, радость, любовь – вместе. Это улыбка совершенно живого человека. Отважившегося быть живым в любой обстановке – в лапах Кощея или когда вокруг так смердит, что и дышать, кажется, нечем. Улыбка эта как свидетельство, что есть что-то большее, чем все Кощеи, что над всем этим самодовольством тьмы можно так полно рассмеяться. Есть такие духовные просторы, куда всей тяжести земной вход заказан. Она кончается, исчерпывается, а они – просторы эти – бесконечны. Отсвет бесконечности – вот что в этой улыбке...

«Есть три чуда о брате нашем Иисусе, ещё не записанные в Писании, – сказал великий ливанский поэт-мистик Халиль Джебран. – Во-первых, Он был таким же человеком, как ты

и я; во-вторых, у Него было чувство юмора; в-третьих, Он, побеждённый, знал, что вышел победителем».

Это неуловимое знание своей победы внутри поражения, это ощущение света, который и во тьме светит, – вот это и есть улыбка Александра Меня.

Владимир Ойвин

Последний раз я виделся с отцом Александром в Новой Деревне за двадцать дней до его убийства. Он позвал туда меня специально для того, чтобы пригласить в редколлегию журнала «Мир Библии», хотя прекрасно знал, что я баптист.

Я сидел на крыльце домика в Новой Деревне, ждал окончания службы. Служба закончилась – и вот он вышел на крыльцо храма. Внизу стояла толпа прихожан, местных и приезжих, и вот, он что-то говорил, простёр руку – и у него был совершенно библейский вид. Отец Александр был евреем по происхождению, у него была семитская внешность, он был очень красив, он был очень величественен, и я подумал: Господи, вот таким я представлял себе Моисея!

Священник Вячеслав Перевезенцев

Иногда люди, которые десять лет у меня не были, приезжают, и я помню имя. Конечно, они удивляются и радуются. Кстати, для меня это тоже было важно, когда я приходил в церковь в Новой Деревне. Понятно, что к отцу Александру Меню приезжали сотни, тысячи людей. Они и в храм не помещались. Кто-то приезжал редко, кто-то часто. Я пришёл в 1987 году, уже была Перестройка, люди повалили толпой. Я понимал, что отец Александр не может меня узнавать – столько у него известных, талантливых и разных людей, а я – просто молодой человек. И когда он однажды назвал меня по имени – это было Встречей.

Григорий Померанц

За какой-нибудь год отец Александр благодаря телевидению стал первым проповедником страны. Режиссёры, привлекавшие его, не сознавали, какую бурю зависти, раздражения и ненависти – до скрежета зубовного – они вызвали. Раздражал самый облик отца Александра, благородные черты его библейского лица, открывшегося десяткам миллионов с экрана телевизора. Всем своим обликом Александр Мень разгонял мрачные призраки, созданные черносотенным воображением. И это не могло пройти даром.

Евгений Рашковский

«Я всего лишь популяризатор. Популяризирую из жалости к людям», – так часто говорил о самом себе отец Александр, в котором было столько смирения и самоиронии. Но для меня как философа и историка гуманитарных знаний эта замешенная на сострадании «популяризация» дорогого стоит.

Андрей Тавров (Суздальцев)

В чём-то его вера была фундаментальней веры самих фундаменталистов. Отличался от них он, в первую очередь, тем, что для него источником всего был Христос, причём не как принцип или нравственная установка, и даже не как церковный канонический образ, а как Тот, с Кем он находился в постоянном общении, настолько захватывающем и глубоком, что когда он произносил: *«Христос»*, – голос его становился другим: нежным, глубоким и проникновенным – так говорят о лучшем друге, который сделал для тебя всё, что мог и даже ещё больше.

Похожая предельная тональность проскользнула у него, когда однажды мы отправились на кладбище, где была похоронена его мама, судя по всему женщина удивительная. Там он совершил небольшую службу. *«Это мама»*, – сказал он, и та же узнаваемая вибрация нежности и глубины окрасила тембр его голоса.

Наталья Трауберг

Не стоит считать отца Александра таким разудалым шестидесятником. В известной мере Церковь – всегда диссидентство, мы всё равно граждане другого Града. В советской системе, как и в Риме, существовала империя, а у нас – свой мир, параллельный. Политику вообще не нужно приплетать, не нужно лезть на рожон. Отец Александр так и полагал. Строго говоря, никого из нас он не предостерегал и от диссидентства не отговаривал. Он твёрдо разграничивал: вот это относится к деятельности Церкви, а это заменяет её и, скорее, не нужно. Но он никогда не говорил так прямо, что не нужно, и исключительно мудро давал возможность выбирать. Боялся он того, что борьба подпитывает злобу, а иногда и суету.^[14]

Людмила Улицкая

Христианство, проповедуемое отцом Александром Менем, было христианством от Христа. Оно предполагало живую и личную связь каждого человека со Христом, с Его личностью, и именно Христос, а не философские построения даже самых выдающихся религиозных мыслителей вдохновлял отца Александра. И не было никакого зазора между его словами и его жизнью – очень скромной, полной труда и молитв, жизнью одновременно аскетической и радостной. Думаю, что в его жизни было много мучительных вопросов и трудных выборов, ему приходилось решать сложнейшие головоломки человеческих отношений, и, кроме своих собственных духовных и житейских проблем, на него возлагали свои проблемы многие люди из его паствы, из его окружения. Он нёс свой крест твёрдо, без тени жалости к себе, даже с каким-то изумляющим оттенком благодарности.

У христианства есть великое множество оттенков, и каждый христианин находит свой способ веры, выстраивает свои отношения с Богом. Христианство отца Александра было радостным. Он был православным, но его православие отличалось обращённостью к первоисточнику, ко Христу непосредственно. Отец Александр прекрасно знал церковную историю и, что удивительно, две тысячи лет исторического христианства, полные борьбы с ересями, расколами разного рода, инквизицией, крестовых походов, позорной внутриконфессиональной борьбы не за истину, а за утверждение амбиций и за власть, – всё это не было для него препятствием. Ни обрядоверие, ни косность российского Православия образца XX века не мешали ему быть тем, кем он был: проводником на тот берег, где горел костерок, жарилась рыба, и Воскресший сидел у огня, ожидая Своих учеников.

Александр Юликов

Я познакомился с отцом Александром в августе 1962 года в Алабине. Мы приехали туда с Женей Барабановым¹² с Николиной Горы, где его родители снимали дачу. Мы там переночевали, а утром какими-то окольными путями, на двух автобусах, поехали в Алабино. Там недалеко усадьба Петровское, развалины дворца и церковь, построенная Казаковым. В ограде церкви – парк, сад; там стояла беседка, в которой мы и встретились с отцом Александром. Ему было тогда двадцать семь лет. Отец Александр был в рубаше-расписухе (они тогда были в моде), похожей на картину Джексона Поллока, залитую кляксами, что, конечно, совершенно не соответствовало привычному облику священника.

Владимир Юликов

¹² Евгений Викторович Барабанов (р. 1943) – российский искусствовед, историк русской философии и литературы, теолог, почётный доктор теологии Тюбингенского университета.

Отец Александр мне говорит: *«Представляете, Володя, – мать двоих детей, муж, прекрасная семья. Наши прихожане (конечно, никаких имён, фамилий не называется). Влюбилась в восемнадцатилетнего юношу»*. Да, это его потрясло. Мы не обсуждали – я видел, что он просто... – и он чувствовал, что я это вижу, и как-то вот задумчиво так это сказал (это было в кабинете).

Я готовлю что-то там на кухне, сейчас будем обедать, он заходит. Я переживаю, потому что, во-первых, вижу, как он это переживает, во-вторых, мои бесконечные семейные неурядицы, и всех друзей, и кто только не развёлся, и везде какие-то проблемы! И я говорю: «Батюшка, а вот как вы общаетесь с женщинами такими, молодыми, внешне привлекательными, которые вам рассказывают о себе... И вы должны погрузиться в их ситуацию... как-то это не мешает?» Он удивился: *«Что мешает?»* – «Ну как же, это же такая интимная тема, к тому же с вашей способностью излучать любовь. Тут не может, мне кажется, не возникнуть взаимоприятие мужчины и женщины».

Он мгновенно ответил: *«Я занят другим»*. Я ему говорю: «А я должен себя контролировать, потому что всё время лезут ненужные мысли, ненужные чувства». Батюшка ответил: *«У меня это совсем не так. У меня никогда этого не было»*. Как-то он одной фразой сказал, сразу, как отрезал. Вот он с детства такой.

Встреча

*Со всеми Вы умели говорить языком встречи, от лица к лицу,
усваивая их язык и на нём объясняя им Бога неведомого...*

Владимир Зелинский

Священник Михаил Аксёнов-Меерсон

Я очень близко знал отца Александра Меня, более того, считаю себя его духовным сыном. Помню, как в 1963 году мой друг Евгений Барабанов впервые взял меня познакомиться с «очень интересным человеком». Я удивился, что он привёз меня к священнику – это была моя первая встреча с православным священником. И отец Александр поразил меня своей лёгкостью и естественностью обращения, и самое главное – я тогда учился на историческом факультете – он поразил меня огромным, намного превосходящим моё знание предмета. Он говорил со мной об истории, о которой, как я тогда понял, я имел очень приблизительное представление. А в 1965 году я обратился и открыл для себя реальность православной церковной общины. Это было ещё в Тарасовке, а потом его перевели в Новую Деревню, и вся наша духовная жизнь проходила там.

Здесь неожиданно открылась для меня моя линия служения: я стал подпольным религиозным издателем. Естественно, в те годы возможности у нас были маленькими: ксерокс был нашей большой мечтой, в основном были пишущие машинки. Я стал издателем, прежде всего, чтобы помочь ему, потому что Александр писал свои книги, теперь уже всемирно известные, а издавать их было нигде. Сначала я помог ему «издать» парочку томов, а потом мои интересы расширились, и мы стали издавать произведения русской религиозной философии.

Алексей Бодров

Как-то в Историко-архивном институте я случайно увидел объявление о лекции по русской философии, которую прочитает протоиерей Александр Мень. Меня это заинтересовало, я пришёл – и всё! Это было как взрыв! Я ходил потом и на все его лекции, и на другие лекции по теме христианства. Летом 1990 года я поехал на Алтай в отпуск, там хотел причаститься, а священник меня шуганул, не разрешил (у меня была рубашка с короткими рукавами). Я расстроился, но решил, как только прилечу в Москву, поехать в первое же воскресенье к отцу Александру, исповедоваться и причаститься.

И вот 8 сентября я был на его лекции на тему «Христианство», спросил у него после лекции, может ли он уделить мне на следующий день, в воскресенье, время для серьёзного разговора. Он пригласил приехать (меня он уже знал, я много вопросов ему задавал)...

9 сентября я был в Новой Деревне, но отца Александра не дождался. Его в этот день убили. Первый наш серьёзный разговор, к которому я готовился, не состоялся. Но отец Александр, несомненно, очень сильно повлиял на меня. Если бы не он, не знаю, как бы моя судьба сложилась.

Анна Борзенко

Серёжа и Аля Рузеры позвали меня в Новую Деревню, но я не решалась – хотела изменить образ жизни и подготовиться. Образ жизни я меняла два года, в это время ходила к Серёже в группу и занималась там ивритом. Это были прекрасные занятия и очень глубокое общение. К 1975 году я решилась. Я поехала в Новую Деревню в одну из сред. Храм был почти пустой, отец Александр своим видом, голосом – всем – произвёл на меня такое сильное впечатление, что я испугалась и позорно бежала. В воскресенье я приехала снова. Храм был полон, все разговаривали (помню, что меня это очень расстроило – как же можно болтать, когда тут небо на

землю спустилось?). После службы отец Александр как-то сам на меня вышел и спросил: *«Как же так, стояла-стояла, а потом, как свечка, растаяла?»* Вот так состоялось наше знакомство. Потом была исповедь за всю жизнь.

Пастор Алексей Бычков

В 1968 году я познакомился со священником Александром Менем. Произошло это в Московской церкви евангельских христиан-баптистов, членом которой я был с 1953 года. На одном из богослужений я увидел на балконе очень заметного, благообразного молодого человека. Он внимательно наблюдал за ходом богослужения. «Наверное, студент Московской духовной семинарии, – подумал я. – Надо познакомиться». После собрания я подошёл к нему и представился.

«Да, я иногда посещаю вашу церковь, – сказал Александр Мень. – Мне нравится христocентричность проповедей, молитвы верующих. Сам я священник Русской православной церкви в небольшом подмосковном приходе; бываю у прихожан в Москве в их семьях, пишу на богословские темы, свидетельствую о Христе. – И с юмором добавил: – Учитывая нынешнюю ситуацию, имею неприятности от мирских властей, да и церковных». О, как я благодарен Господу за эту встречу! Мы сразу же почувствовали, что между нами – Бог. Я рассказал ему о себе.

С каждой встречей с братом Александром Менем мне всё больше и больше раскрывалась душа этого великого пророка Божия. Энциклопедические познания во всех сферах человеческого бытия – истории церкви, богословии, в мире искусства, мировой истории – он соединил с великой любовью ко Христу как единственной надеждой всего мира.

Александр Вадимов (Цветков)

В один из зимних дней 1983 года трое молодых людей, в том числе автор этих строк, стояли около московского храма святого Феодора Стратилата и беседовали с приезжим монахом, насельником Псково-Печерского Успенского монастыря. Внезапно наше непринуждённое общение было «скорректировано» вышедшим из церкви служителем: «Братья, вы бы зашли на паперть или хоть в ограду, а то неровён час – скажет кто-нибудь, что нарушаете закон об отделении Церкви от государства...» Время было позднее, переулок пустынный, и вряд ли стоило опасаться бдительных идеологов, но мы послушались. Только один из собеседников заметил: «А вот с отцом Александром Менем мы в Калуге прямо по улицам ходили и разговаривали». В тоне, которым это было сказано, не звучало осуждение в адрес слишком осторожных, но слышалась гордость за то, что есть и бесстрашные. <...> Впервые услышанное имя запомнилось. Тогда же кто-то дал мне прочитать «Сына Человеческого». Меня особенно удивило и восхитило, что автор живёт в нашей стране.^[15]

Марианна Вехова

У меня была бестолковая, нелепая жизнь. Была жажда любви, страх одиночества. Но как *его* найти? Спросить стыдно. Через какое-то время моя племянница и её муж (Ксения и Лев Покровские. – Ю.П.) стали верующими, она даже иконописцем. У них четверо детей. Мне так захотелось с ними встретиться! А тётушки не хотели дать адрес, они говорили: «Ещё тебе не хватало общаться с мракобесами такими!» Я говорю: «Ну пусть они мракобесы, зато у них четверо детей, а я одинокая, бездетная. Вдруг я им буду полезна?» Тогда мне дали адрес. Я туда пришла, позвонила в дверь. Ксения открыла и спрашивает: «Кто вы?» А я говорю: «Здравствуйте, я ваша тётя». Она мне стала показывать семейный альбом, и вдруг я вижу фотографию человека, которого видела в кино. Я закричала: «Кто это?» Ксения отвечает: «Это мой духовный отец». И она меня к нему повезла, я только из больницы вышла на костылях. Я прикостыляла в храм, и он на меня посмотрел, как орёл.

В певческом доме было огромное количество народа к нему на приём, прямо как к психотерапевту. Там был накрыт длинный стол, висела икона Серафима Саровского, и люди ели за этим столом, кто что с собой принёс. Я тоже села, заняла очередь. Тот, чья очередь подходила, пересаживался на стул около двери кабинета отца Александра и сидел сгорбившись, повесив голову. Потом он исчезал за дверью, а затем появлялся совсем другой человек – нос кверху, плечи расправлены.

Подошла моя очередь. Я рассказала, как я крестилась в другом храме. Отец Александр спросил: *«Исповедь за всю жизнь была? Когда взрослый человек крестится, нужна исповедь»*. Я сказала: «Не было». Он говорит: *«Ну, тогда приступим»*. Я встала перед иконой, начала заунывным голосом излагать всю свою историю, начиная с детства. Он послушал, послушал и говорит: *«Нет, так не годится. Давайте садитесь. Вот вам чай и давайте просто разговаривайте со мной, рассказывайте мне как знакомому, как старому другу. Вы мне о себе расскажете, я вам о себе. Так мы и подружмся, это нам заменит долгое знакомство»*. И я так два года ездила раз в две недели. Я ему рассказывала, он прерывал в каких-то местах: *«А я в это время...»* И получалась действительно взаимная исповедь.

Ирина Выпеславская

Наши знаменитые кухни, бесконечная говорильня. И вот там-то, среди этих споров, теорий, выяснения отношений, у меня возникло чувство, что я не могу сказать и услышать что-то самое главное, сокровенное. Я поделилась этим ощущением с одним из моих московских приятелей. И он неожиданно ответил: *«У меня есть человек, который тебе поможет. Когда приедешь в Москву – позвони»*. Это было летом. А зимой в Москве я позвонила из холодной телефонной будки моему приятелю и напредила: *«Ты обещал мне помочь»*. А он сказал: *«Будь завтра в семь утра на Ярославском вокзале»*. Я решила не расспрашивать. Так даже интереснее.

И вот мы в ранней электричке. В вагоне дремлют, а я смотрю в окно и думаю: *«Куда же мы едем?»* Мы приехали в Пушкино. И тут же побежали на площадь к автобусам. Доехали до какой-то развилки. Мы вышли на шоссе и пошли пешком. На указателе была надпись: *«Новая Деревня»*. Минут через десять показалась маленькая деревянная церквушка, и, к моему удивлению, мы свернули к ней по плотно утопанной тропинке между сугробами.

– Так мы идём в церковь?

– Увидишь, увидишь.

В церкви стоял полумрак, шла служба. Людей было довольно много, особенно для такой Богом забытой окраины. Когда глаза привыкли к темноте, я стала различать лица прихожан. Среди простых деревенских лиц и богомольных бабушек было много лиц, типичных для московской интеллигенции тех лет.

У батюшки, который вёл службу, лицо очень красивое, прямо иконописное. Был он плотного сложения, среднего роста. Когда началась проповедь, я сразу поняла, что попала в место необыкновенное. Батюшка говорил такими словами, которых, мне казалось, я ждала всю жизнь. Он так истолковал библейскую притчу, что не оставалось никакого сомнения в том, что она обращена непосредственно к нам, через все века, через все расстояния.

Когда служба закончилась, мы вышли на крыльцо и стали ждать батюшку. Там и состоялось наше знакомство. Это был отец Александр Мень. Он пригласил меня в домик рядом с церковью. В большой комнате пили чай с баранками. Почти все присутствовавшие ждали разговора с отцом Александром.

Когда я вошла к нему в кабинет, тут же почувствовала, что это очень важный момент в моей жизни. В комнате стоял письменный стол, узкая кровать, было много книг и икон. Настоящая келья.

Первое, что спросил меня отец Александр: *«Почему вы решили прийти к священнику?»* Я сказала, что так получилось, я не знала, что иду к священнику. Но я очень рада, что меня

привели в церковь. В тот день мы говорили коротко, мне мешало смущение и то, что в соседней комнате ждут своей очереди многие люди. Но это было только начало наших долгих разговоров. Мне посчастливилось провести в этом кабинете ещё много времени.

Наталья Григоренко-Мень

Когда отец Александр первый раз выступил по телевизору, потом ко мне в электричке подходили люди, кто, конечно, знал или догадывался, что я его жена. Одна женщина подошла и сказала, что у неё муж – полковник, и такой неверующий, такой богоборец, но когда он посмотрел по телевизору выступление отца Александра, то сказал: «Вот за ним я бы пошёл в церковь».

Священник Йозеф Гунчага

Начиналась перестройка, шёл 1986 год. Как-то в субботу я и мой духовный наставник, брат Сильвестр, поехали к отцу Александру в его храм в Новой Деревне. Шла литургия. Народу было много, и я увидел, что это не просто случайные люди, а искренне верующие прихожане. Я очень хорошо запомнил его проповедь. Он размышлял об Александре и Руфе, сыновьях Симона Кириинеянина, которые снискали благодать за заслуги своего отца и впоследствии стали активными христианами.

После литургии мы терпеливо ждали, пока отец Александр освободится. Многие хотели с ним поговорить. Спустя какое-то время он нас принял. Помню, что почти целый час мы беседовали о Боге, Церкви, общехристианских проблемах. Больше говорил отец Александр. Он был убеждён в том, что Церковь на самом деле одна, просто на Западе она называется католической, а на Востоке – православной. И поэтому переходить из одной конфессии в другую нет смысла. Отец Александр произвёл на нас впечатление заботливого пастыря, верного Христу и уважающего не только свою веру, но и веру других.

В 1990 году я уже служил викарным священником в Москве, в храме Святого Людовика, и хотел ещё раз встретиться с отцом Александром, но, погрузившись с головой в работу, так и не смог. Когда я услышал о его смерти, то очень пожалел, что не успел осуществить задуманное. Отец Александр Мень был великим человеком, который не только сам шёл за Христом, но и вёл других. Его личность стала для нас, католиков, примером апостольства и плодотворной пастырской деятельности.

Светлана Долгополова

Зимой 1966 года я остановилась на даче у Ксении Михайловны Покровской в Перове. Там мне дали прочитать одну из книг отца Александра Меня. Читая, я увидела тот живой свет, который спасает мир.

В августе того же года Евгений Барабанов отвёз Ксению и меня в Тарасовку, где в храме Покрова Божьей Матери служил отец Александр. Ему шёл тридцать второй год. Вокруг него было несколько прихожан из старой интеллигенции и группа молодых художников и учёных: физиков, биологов, математиков, историков и философов. А потом уже пошли тысячи современников, искалеченных социализмом.

Меня всегда изумляло, что отец Александр не уставал наполнять благодатью наши «дырявые сосуды». Как-то он сказал моей подруге Элле Лаевской: *«Думаешь, наконец-то – друг, нет, оказывается, опять – пациент».*

Тамара Жирмунская

Шёл 1981 год. Зашли в новодеревенскую церковь, купили свечу. Незнакомый священник прошёл мимо. И мать Нины Родиной проводила его недоверчивым взглядом: «Никак наш батюшка еврей?»

И вот неделю спустя мы с Ниной сидим у этого нетипичного батюшки. Какое совпадение! Отец Александр не удивлён: *«Всё это закономерно! Если закономерна молекула, закономерна снежинка, то тем более не может быть случайной человеческая судьба. Это всё-таки не снежинка...»*

Евгения Завадская

Саша появился в моём доме в середине шестидесятых годов. В зимний воскресный вечер его привёл после совместной лыжной прогулки мой друг Г.С. Померанц. Саша был раскрасневшийся от мороза, бодрый, в вязаном, ручной работы, с оленями на груди, большом уютном свитере, с удовольствием пил горячий чай и был удивительно прост и естественен. Я всё твержу, вспоминая тот далёкий зимний вечер, блоковскую строчку: «Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...» – именно таким светлым и бодрым вошёл в круг моих друзей отец Александр.

Фазиль Искандер

Впервые мы встретились с отцом Александром за городом, в доме наших общих знакомых. Я увидел человека редкой физической красоты и духовного обаяния. Знакомясь с личностью значительной, обычно некоторое время испытываешь отчуждение, трудность в нащупывании общих точек соприкосновения, пока не выйдешь на разговор близкий и дорогой обоим. В этом случае ничего подобного не происходило. Казалось, я встретился с человеком, давно знакомым. С первой же секунды полился интересный разговор, казалось, давно начатый и случайно прерванный. Выяснилось, что я с отцом Александром действительно был знаком, только заочно: читал несколько его прекрасных богословских книг, изданных на Западе под разными псевдонимами.

Майя Каганская

Надежда Яковлевна Мандельштам до того тщательно начертала план, что даже место моего назначения вывела крупными печатными буквами: Пушкино. Понимала, с кем имеет дело... И план действительно своё дело сделал – окончательно меня запутал, и я бессмысленно долго кружу между станционным буфетом и какими-то невнятными, сбегаящими от перрона тропками.

Выручила буфетчица, не без удовольствия наблюдавшая мои стыдливые метания:
– Что? Небось жидовского батюшку ищешь?

Я утвердительно сглотнула: да, мол, ищу, именно батюшку, именно жидовского...

Сажу на завалинке, на сквозняке двух потоков речи: один – из окна, за которым отец Александр вразумляет какого-то нервного неопита, другой поток заливают уши первостатейным матом: рядом со мной на церковном подворье строительные рабочие обсуждают качество кирпича, досок, оплату, заказчика...

Новообращённый в смятении: можно ли совместить Евангелие и карнавал? А что, если даже и М.М. Бахтин, до сих пор до дрожи почитаемый, не кто иной, как роковой обольститель, ловец неокрепших душ?

Мат сильно мешает, но по отдельным просочившимся словам и интонациям понимаю: страдальцу грехи отпущены, а попутно и Бахтину с карнавалом, как учит нас М.М., католическая церковь карнавал не осуждала, и негоже нам, православным, быть святее папы Римского.

...В начале семидесятых торговая сеть страны зияет чёрными дырами, в которые косяками безвозвратно уплывают предметы любой необходимости. Поэтому моя авоська под завязку напичкана жестянками с «Бычками в томате», «Шпротами в масле», «Сельдью бланшированной» и даже всенародными любимцами – «Сайрой» и «Печенью трески». Это Н.Я. (Надежда Яковлевна Мандельштам – Ю.П.) прислала отцу Александру «кошерный» гостинец

по случаю Великого поста и велела кланяться. Поручение нравственно безупречно именно заурядной обыденностью повода: ведь не для того я мёрзла в нечистой, ещё не оттаявшей от зимы электричке, чтобы всемогущий отец Александр и меня приобщил к свету истинной веры! На это Н.Я. не только что не рассчитывала, но и не хотела даже самой укромной клеточкой своего со- и подсознания. В этом я абсолютно уверена.

Для горенки слишком низко, для светёлки – темновато, для кельи – воздух не тот, не келейный, библиотечный воздух от пыльных скопищ книг по углам. Какая-то демонстративная, почти театрализованная бедность, как будто взятая напрокат из сочувственных рассказов Чехова о бытовых ужасах жизни деревенского клира. Только две роскоши нездешним светом озаряли поистине чухонскую убогость приюта: это преогромная, шикарнейшей бумаги, едва ли не штабная карта на стене и – хозяин дома за столом из нестроганных досок на кирпичиках. Карта Ближнего Востока, весело и густо расцвеченная свежесрезанными флажками, – они продолжают отслеживать передвижение израильской армии в уже закончившейся войне Судного дня.

По какой-то фасеточной ассоциации отец Александр напоминает мне мандельштамовского «Декабриста»: и не халат на нём, а ряса, и ни чубуком, ни трубкой не пахнет, и губы у него не ядовитые, а напротив, самые что ни на есть располагающие, и непонятно, что на что он променял: сон на сруб или сруб на сон, но та же в нём красноречивая «декабристская» нездешность (нет более ничего чуждого русскому декабрю, чем декабрист, – оттого, быть может, и восстание не удалось), вопиюще не пара он всему окружающему, как пришелец из другой страны. Только там бывают такие лица несошедшего загара из какого-то вечного лета, переизбыток пигмента в чёрных волосах, глазах, бровях, как хлорофилла – в южной зелени, врождённая властность холёных рук... Чудо как хорош...

Поговорили. Посетовал: *искренне верующих в Бога, что христиан, что иудеев, так мало, что, даже собранные вместе, еле заселили бы хрущёвку*. Усомнился в том, что сионизм моего образца (т. е. светский или, как он выразился, «профанный») имеет шансы на выживание. *Разве что вы (я то есть) протолкнёте его в будущее*. Комплимент. Шутка. Неприлично часто перевожу взгляд с него на карту, словно выискиваю там для него подходящее место, и он, заметив, подтверждает: *да, так и есть, война войной, но и без войны мечтал осесть на Святой земле. Но в Израиле миссионерство запрещено законом, а я не могу жить, не проповедуя Слово Спасителя. Кому ж мне его там проповедовать? Арабам?* (Подходит к окну, распахивает, разводит руками). *Так арабов у меня и здесь хватает...* Размер рук так широк, что в это объятие втягивается весь окоём – от двора с дровосеками и низко зависшим небом до чахлого ельника и верхушек дальних сосен, застилающих горизонт, весь этот печальный апрель, так и не решивший, то ли ему до конца дотаять снег, то ли ошпарить заморозками, – всё это безвременье, растворённое в природе. И всё это – «арабы».

...На буфетчицу Н.Я. зло усмехнулась: «Антисемитизм дворни. Сколько я такого насмотрелась, когда жила в провинции!» А про «арабов» я исполнила на «бис», дважды подряд. Очень понравилось.

Николай Каретников

Впервые я увидел отца Александра Меня на экране. В 65-м году режиссёр Инна Туманян, с которой я тогда дружил, снимала для фильма М. Калика документальные эпизоды. Она сказала, что у неё есть замечательный материал, который я должен обязательно увидеть. Мне показали две заснятые ею проповеди совсем ещё молодого отца Александра. Первую проповедь «О любви и браке» отец Александр произносил перед храмом в Тарасовке, а не в Новой Деревне, куда его перевели позже, вторую – «О добре и зле» – в храме. Проповеди потрясли меня, каждое слово на вес золота, и я сразу попросил Инну меня к нему отвести. С первой встречи я отдал ему своё сердце, и наши отношения, отношения пастыря и пасомого, продол-

жались до дня его трагической гибели. Для меня в знакомстве с отцом Александром был Божий промысел.

Монахиня Клер (Латур)

Я приехала в Москву, в семью Ива Амана. Я знала его по изостудии, где училась. Он пригласил меня к себе, сидеть с его детьми. Он работал в Москве, в посольстве Франции. Тогда было невозможно говорить с людьми, потому что для них это было опасно. Я говорила только с некоторыми бабушками, которые гуляли с детьми у дома, где я тоже гуляла с детьми Ива Амана. О Боге не говорила. Я ходила в церковь, молилась и работала – и всё. И не надо думать, что у меня будут друзья, потому что это невозможно. Я уже согласилась с этим, смирилась перед Богом. А месяца через два эти люди, у которых я жила, попросили меня, чтобы я поехала в Новую Деревню отвезти молоко одной семье, где родился маленький ребёнок. И я поехала в Новую Деревню, и точно в этот же день приехал отец Александр, чтобы благословить этот дом. Это было чудо. Чудо! И он пригласил меня вечером на экуменическое собрание. И он познакомил меня с молодыми людьми, которые там были.

Ольга Корф

В 1986 году мы с детьми, которым было тогда четыре и три года, жили на знаменитых детгизовских дачах в Заветах Ильича. Лето было жаркое, так что каждый день ездили купаться на озёра-бочаги около Новой Деревни. Ну вот, слово и сказано. Возвращаемся однажды после купания, идём мимо церкви, и сын тянет меня за руку, чтобы мы подошли поближе к ней. А по дорожке навстречу нам идёт большой красивый человек в чёрном – отец Александр, которого я, естественно, сразу узнала. Остановился рядом с нами, улыбнулся одними глазами, глядя на меня, и положил руки, ни слова не говоря, на белобрысы головки моих детей. А они замерли и тоже не проронили ни слова. Так прошло несколько долгих секунд. А когда он пошёл дальше, сын развернул всю нашу компанию и потопал за ним. Потом дочка отвлекла нас чем-то – камешек, что ли, в тапок попал, не помню уже, и мы отца Александра уже не догнали. Вот, собственно, и всё. Одна встреча, а помню всю жизнь, потому что помню свет и теплоту его взгляда. И всегда, хотя никому об этом не говорила, он словно был рядом со мной. И остаётся. Недавно спросила у детей об этой встрече, а получилось, что заново о ней рассказала, потому что они всё-таки были очень маленькие. Надеюсь, что потом вспомнили, потому что вспомнили и поездки в Новую Деревню, и церковь... Но важнее, что в сердцах осталось это особенное благословение.

Елена Кочеткова-Гейт

Случилось это в 1975 году, в Новую Деревню нас с Сандром Ригой привезла французская монахиня Клер. И я познакомилась со священником, который стал вскоре моим духовным наставником. Звали его отец Александр Мень.

Отец Александр оказался совсем не таким, каким я представляла себе моего духовного отца. Он был гораздо лучше, чем все мои глуповатые и романтические мечты. Как я убеждалась уже не раз, Господь в Своей милости всегда щедрее и неожиданнее, чем самые смелые человеческие представления. Вся моя жизнь отныне делится на «до» встречи с отцом Александром и «после». Когда апостол Павел говорит: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием», – это про отца Александра тоже, это отец Александр родил нас, своих духовных детей, во Христе Иисусе своей любовью, проповедью, пастырским попечением, всей своей жизнью пророка, праведника и святого.

Людмила Крупская

Меня в Новую Деревню привезли друзья. Я знала уже, что есть такой замечательный священник, отец Александр Мень. И когда я пришла в храм, то была крайне удивлена, что бабушек там было мало, там было много интеллигенции, молодых людей, и все они друг друга знают! Меня это поразило. И когда я увидела отца Александра, я не всё понимала, что он говорит, но я видела, как он говорит! Я видела, что этот человек «горит!» Для меня это было как шок. Первое впечатление было очень сильным.

Андрей Мановцев

«Смерть – это главное событие в жизни человека», – услышал я от отца Александра Меня весной 1981 года, при первом знакомстве, в очень важном для меня разговоре. В ноябре 1980 года умерла моя мама, после чего я пережил обращение в веру, крестился. Я почти ничего не знал, не понял даже, что меня причастили после крещения; сейчас мне кажется, что я о причастии вообще услышал только от отца Александра. Мне необходим был разговор со священником о некоторых моментах, связанных с маминой смертью. В дружеском семействе меня взялись познакомить с отцом Александром. И те слова, с которых он начал, как раз и стоило мне услышать. Помню, однако, что при всём их значении для меня показались эти слова как бы слишком яркими. Но нетрудно представить, как часто я вспоминал их после смерти отца Александра и как лишь горестно дивился тому, сколь подходящими оказались они для него самого.

Ольга Милованова

Это было в 1981 году. Я ехала в электричке в Пушкино, где училась в музыкальном училище. В вагоне напротив меня сидел священник, красивый, с умными глазами. Он разговаривал со своими попутчиками, а потом взглянул на меня. Взгляд его был удивительно подерживающим, что никак не вязалось с моими тогдашними представлениями о священниках. Помимо моей воли во мне стала происходить какая-то странная работа: вся моя жизнь прошла перед моим мысленным взором. И это продолжалось, как мне показалось, очень долго.

Когда мы стали подъезжать к станции Пушкино, священник, увидев, что я собираюсь выходить, позвал меня. Я медлила. Женщина, которая ехала вместе с ним, громко сказала мне: «Да подойдите же к нему, батюшка хочет вам подарить книгу». Она спросила, как меня зовут, а священник подписал какую-то книгу. Но я смутилась, сочла это просто недоразумением, на протянутую мне книгу удивлённо отреагировала: «Это мне? Зачем? Мне не нужно!» В общем, я его огорчила. Я это понимала, но сделать с собой ничего не могла, я спешила к выходу. Но священник стал приглашать меня в храм, в какую-то «новую деревню», сказал, что его зовут отец Александр Мень. Он рассказал, как доехать в его храм от Пушкино на автобусе. *«Приходите, – сказал он, а потом добавил: – Если хотите, конечно».*

Я закивала головой, но уже пора было выходить, и мне было очень жаль, что я толком и не поняла, в каком храме и в какой деревне он служит. Я выскочила из электрички в полном недоумении. Но весь день я ощущала какой-то необыкновенный прилив сил.

С тех пор мне стали сниться сны, что я еду в электричке и должна где-то сойти, но не знаю точно – где, и что там меня ждёт кто-то необыкновенный. Так в Новую Деревню я к нему и не пришла, а он меня очень ждал, как мне кажется.

Уже после смерти отца Александра ко мне стали приходить его книги, сначала из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни», «Сын Человеческий», потом другие. У меня было такое ощущение, что эти книги я ждала всю жизнь. Я была совершенно поражена, читая их, от каждого слова словно горела. Я начала молиться отцу Александру – это стало моей потребностью. И снова мне приснился сон, что я еду в электричке, и на этот раз выхожу в нужном месте и вижу дерево, удивительно знакомое и бесконечно родное. Размеры этого дерева и размах ветвей было совершенно невозможно определить, как невозможно определить размеры гор. Я

долго-долго бегу к этому дереву и наконец падаю на мягкий слой опавших листьев, поджимаю ноги, смотрю вверх, чтобы увидеть, вся ли я нахожусь под сенью этого могучего дерева. Вижу себя под его ветвями и успокаиваюсь – добежала. Проснулась я с чувством огромной радости, а внутри у меня звучало слово «ОТЕЧЕСТВО».

Марина Михайлова

Я познакомилась с отцом Александром Менем благодаря Льву Большакову. Сейчас он священник, служит в Карельской епархии, в городе Кондопога. Тогда он ещё не был рукоположен, работал в Институте археологии, а жена его, Юлия Большакова, была уже довольно известным иконописцем. Они были духовными детьми отца Александра, и у них дома собиралась молитвенная группа, что по тем временам было не просто нетипично, но и наказуемо. Так случилось, что я познакомилась с Большаковыми, благодаря им прошла катехизацию (они тогда катехизировали людей тайно, на квартирах), потом стала к ним ходить на евангельские чтения. Однажды я пришла к ним чуть пораньше и увидела на кухне отца Александра, который пил кофе и беседовал с Львом и Юлей о «Мастере и Маргарите» Булгакова. К тому времени я уже прочла некоторые батюшкины книги, и меня поразило его живое слово о Христе. Увидеть человека, написавшего эти удивительные вещи, для меня было счастьем и радостью. В последние два года жизни отца Александра (мы познакомились в 1988-м году, а в 1990-м его убили) я приезжала к нему на исповедь в Москву – не очень часто, раз в месяц, раз в два месяца, но всё-таки смогла с ним немного побыть. Это, конечно, одна из лучших встреч в моей жизни.

Лада Негруль

Моя подруга Маша Тёмина звала меня поехать с ней в Новую Деревню, но я не понимала поначалу, зачем нужно ехать так далеко от Москвы, чтобы причаститься и исповедоваться. И только прибыв на место, всё поняла...

Потом я слышала, как отец Александр, говоря на своих лекциях о Христе, подчёркивал, что было что-то такое в Его внешности, что поражало людей сразу, ведь в Евангелии сказано, что апостолы «тотчас» оставляли все свои дела и следовали за Ним. Это верно и по отношению к самому отцу Александру. Он был не только внешне очень красив, но эта внешность была пронизана внутренним огнём, пламенным духом, которым горели его глаза. В общем, увидев его в храме в Новой Деревне (он говорил слово перед исповедью), я остолбенела. Просто прикипела к деревянному полу и стояла как громом поражённая.

Маша мне говорит: «Сейчас я пойду на исповедь и после неё поговорю о тебе, а ты встань за мной и подойдешь следом». Так мы и сделали. Но дело в том, что перед этим я ходила в Москве к священнику, который очень плохо относился к отцу Александру и был по духу ему совершенно чужд. И Маша, честно рассказав батюшке об этом, невольно таким образом дала мне очень скверную «рекомендацию». Поэтому когда я подошла к отцу вслед за Машей, он даже не взглянул на меня, а быстро проговорил, что у него в приходе уже очень много народу и что он после службы напишет мне рекомендательное письмо к своему знакомому священнику, чтоб я смогла ездить к нему. Я чуть не заплакала от обиды. Вышла из храма, села, смотрю на купола и думаю: «Если я сейчас отсюда уйду, то вся моя жизнь пройдёт мимо». И дальше произошло внутри меня что-то невероятное, никогда ни до, ни после со мной такого не было. Откуда набралась я такой наглости?! Каждый, кто видел отца Александра вблизи, может подтвердить, что вокруг него было такое мощное «биополе», что к нему не так просто было близко подойти. Но меня подняла какая-то волна и понесла в храм. Я решительно подошла к отцу, взяла его за рукав и сказала: «Отец Александр, можно вас на минуту?» Он развернулся ко мне, и вот тут он на меня посмотрел, и скорее не на меня, а сквозь, куда-то в самую глубину моих глаз, настолько пронизательно, словно прожёл взглядом! И тут я, набравшись смелости, выпалила: «Вы мне можете не писать никаких рекомендательных писем, потому что я от вас

никуда не уйду!» Отец Александр засмеялся: «Ну, я всё же сейчас напишу...» «Нет, не надо! Если у вас нет времени, вы можете меня ничему не учить, я сама буду у вас учиться», – сказала я, повернулась и пошла.

Когда я приехала к нему через две недели на исповедь, он принял меня так, как будто я всегда была в его общине. Вот такое чудо. Маша потом смеялась, вспоминая мой «прорыв»: «Да-а... воистину Царствие небесное силой берётся!»

Юрий Пастернак

На встречу отец Александр пришёл не один. Рядом с ним была верная его помощница Зоя Афанасьевна Масленикова. Мы все расселись кружком, и начался разговор. Отец Александр живо и с интересом расспрашивал нас: кто мы, что мы, чем занимаемся, каковы наши увлечения и интересы, как мы дошли до жизни такой, дачной. Мы, понятное дело, важничали, кочевряжились и всячески выказывали свою эрудицию. Гриша Крылов, как самый начитанный из всех, задавал священнику сложные вопросы. Мелькали имена Джордано Бруно, Оригена, Дионисия Ареопагита.

Когда дошла очередь до меня, я заявил, что сейчас читаю книгу Бхагавана Шри Раджниша «Горчичное зерно» и лучшей книги об Иисусе я ещё не встречал. Священник улыбнулся: «На самом деле о Нём есть и другие хорошие книги, – и переглянулся со своей спутницей: – Смотрите, Раджниш уже и сюда добрался!» Олег Поляков спросил его, как он относится к восточным путям к просветлению, на что священник ответил, что «предпочёл бы оставаться последним грешником, но со Христом, чем быть величайшим просветлённым, но без Христа».

Отец Александр отвечал так, как только он мог это делать. Кратко, образно, ярко и с мягким юмором.

Говорил он приблизительно так: «Отличие христианства от всех вероисповеданий мира в том, что христианство – не религия, а кризис всех религий. Целью всех дохристианских религий было достигнуть неба, задать Богу вопросы. Христос – есть ответ Бога на вопросы людей, рука, протянутая людям сверху».

Ещё отец Александр говорил о том, что «все великие учителя человечества: Будда, Конфуций, Магомет, Лао-цзы и другие считали себя грешными людьми и со страхом взирали на верховное Божество. Иисус никогда не говорил, что Он грешник. Он говорил о Себе: “Я и Отец – одно... Никто не приходит к Отцу, кроме, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его”. И заметьте, – продолжал отец Александр, – Иисус говорит о Себе, что Он есть Путь, Истина и Жизнь. Он прямо заявляет о Себе как о Боге. Этим Он радикально отличается от всех религиозных гениев человечества».

Для меня, слушающего этого необыкновенного, невероятно обаятельного человека с весёлым улыбающимся лицом, сверкающими глазами, всё то, что он говорил, было как гром среди ясного неба. Я был шокирован. Всю свою жизнь я ждал этих слов! И я сразу же принял услышанное и слагал это в своём сердце, хотя ещё утром придерживался других убеждений.

Как ему удалось обратить меня в течение нескольких минут? Что это было? Сила убеждения? Яркая уверенная вдохновенная и вдохновляющая речь? Обаяние личности? Всё это так. Но было что-то ещё, что отличало этого человека от всех, кого я встречал до сих пор. Позднее, спустя годы, я понял, что подкупило меня в нём: он смотрел на меня так, как никто и никогда. Он смотрел на меня с неподдельным интересом и даже некоторым восхищением или, точнее сказать, предвосхищением, словно это я, а не он был необыкновенным человеком. В его глазах я читал свою жизнь, и она казалось мне прекрасной, особенной; в его взгляде я необъяснимым образом смутно различал своё будущее, свою судьбу, избранность, новую жизнь, что ожидает меня за поворотом. В его смеющемся взгляде я видел ласковое одобрение, он принимал меня таким, какой я есть, целиком, без изъятия, он словно говорил, ободряя меня: «У вас всё получится, всё хорошо, и будет ещё лучше!»

В ближайшее воскресенье я уже стоял на литургии в новодеревенском храме. Так началась моя новая жизнь во Христе с отцом Александром Менем.

Священник Вячеслав Перевезенцев

Я познакомился с отцом Александром летом 1987 года, а предшествовал этому долгий путь поиска смысла жизни и ответов на вечные вопросы «русских мальчиков», главный из которых – есть ли Бог? Путь, которым тогда прошли многие из моих ровесников. Искали мы ответы на свои вопросы главным образом в русской литературе: у Достоевского, Толстого, Пушкина. Но мне повезло – так получилось, что я познакомился с человеком, у которого в домашней библиотеке были не только книги русских классиков, но и книги русских религиозных мыслителей. Это был С.С. Хоружий, физик, математик, философ, человек широчайшей гуманитарной эрудиции и к тому же православный христианин. Так я стал читать труды В. Соловьёва, Н. Бердяева, С. Булгакова.

И вот тогда я поставил перед С.С. вопрос, для меня просто наиважнейший: как мне окунуться в эту стихию Православия, как получить опыт церковной жизни? Ведь не идти же в любой храм? Я не раз там бывал, но ни с какой новой жизнью, жизнью в Духе там не встречался. С.С. был очень рад моим вопросам и сказал, что он знает, куда идти, и дал мне почитать книгу некоего А. Боголюбова «Сын Человеческий», а после того, как я её прочитал, сказал, что может меня познакомить с её автором, который некогда крестил его самого. Так я познакомился с отцом Александром, который стал для меня олицетворением Православия.

Лилия Ратнер

Моя первая встреча с отцом Александром Менем состоялась у Карины и Андрея Черняков в их квартире в Петроверигском переулке. Необходимо сказать о том, что я десять лет была духовной дочерью священника, который настраивал меня враждебно по отношению к отцу Александру. Крестившись в 1979 году, я попала в круг священников, отрицавших искусство. Они считали искусство «духовной деятельностью душевного человека» и признавали в искусстве только его церковную форму. Они утверждали, что всё земное – не для христиан, что мы должны все силы отдавать Церкви, а зарабатывать на жизнь самым простым трудом. Понять и принять этого я не могла и боролась за право заниматься искусством. Всё это погружало меня в настоящую депрессию. Я стала задыхаться в этом кругу, где христианство было основано на запретах, законе, домострое, на всём жёстком и нетворческом. Мне казалось, что я напрасно вошла в церковь, в это сообщество мракобесов и обскурантистов.

К счастью, Господь привёл меня в одну замечательную армянскую христианскую общину, они познакомили меня с Черняками, и я стала ходить в их молитвенную группу. Однажды состоялась встреча на тему «Христианство и творчество». Я сидела напротив отца Александра Меня и решила прочесть стихотворение М.Ю. Лермонтова «Молитва», где есть такие строки:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С её страстями я люблю...

<...>

За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен

Я, Боже, не Тебе молюсь.

Это стихотворение, как мне казалось, подтверждало правоту моего первого духовного отца. Мне хотелось услышать мнение отца Александра. Он выслушал меня и сказал, что эта тема требует отдельного обсуждения.

После этого случая я долго боялась ехать в Новую Деревню, считая, что сорвала вечер. Наконец решилась. Отец Александр встретил меня, как он встречал всех: радушно. Я не помню, какими словами отец Александр изменил моё представление об отношении христиан к миру земному, но он дал мне понять, что этот мир благословлён Богом, что Христос, воплотившись, одухотворил его и поручил нам, людям, возделывать, украшать и заботиться о нём. Он даровал нам для этого способности, и зарывать их в землю – большой грех.

Этот толчок, это изменение вектора пути я получила от отца Александра. Но прорастало это во мне постепенно. Я была больна и начала выздоравливать. Слишком долго из меня вытравили радость бытия Божьего. Я снова стала рисовать.

Мария Романушко

10 ноября 1973 года. Первый приезд в Новую Деревню. С моей крёстной – поэтессой Людмилой Фёдоровной Окназовой.

Маленькая церквушка с голубой каплей купола. Вокруг небольшой погост, потемневшие кресты и остатки рваной листвы на ветвях старых клёнов... Слева, у ограды, небольшой домик.

Зашли в храм. Он оказался неожиданно полон. Маленькое пространство было битком забито людьми. Храм был необычный: вместо высокого купола здесь был довольно низкий потолок, и от этого церковь казалась какой-то домашней и очень уютной. Пел нестройный хор старушек с дребезжащими голосами... молодой служака читал псалтирь... Всё было просто, скромно, неярко. И тут из боковой дверцы алтаря вышел священник! Он вышел – как яркое пламенное солнце выходит из облака. И всё озарилось ярким, очень ярким светом! Всё пространство церкви наполнилось светом, и лица людей повернулись в его сторону, как листья к солнцу...

Он был молод, да, наверное, он был молод... хотя о его возрасте, глядя на него, совершенно не думалось. Потому что он был велик и огромен. И скорее хотелось сказать, что вышел пророк, или великий старец, живущий от сотворения мира... не подвластный времени и старости. Это был такой могучий заряд космической энергии в человеческом облике!.. Он был красив настоящей библейской красотой: волна чёрных волос над прекрасным светлым лбом, окладистая чёрная волнистая борода, но главное – глаза! Из них струились потоки горячей любви, и в храме от этого стало жарко!.. и радостно!.. и по-настоящему празднично!..

А после службы все москвичи пошли в прицерковный домик пить чай. Мы с Людмилой Фёдоровной тоже.

В трапезной хлопотала маленькая пожилая женщина, которую все называли просто Марусей (Мария Витальевна Тепнина. – Ю.П.). Она заваривала чай,ставляла на длинный стол чашки, а гости выкладывали на тарелки баранки, пряники, конфеты...

Рядом с трапезной находилась комната, где отец Александр принимал всех, желающих побеседовать с ним. Он прошёл туда быстрым шагом. И за ним шлейфом пронёсся горячий ветер...

Некоторые из присутствующих, то один, то другой, стали скрываться за этой дверью. А через какое-то время выходили оттуда с одинаковыми блаженными улыбками на лицах, в первую минуту ничего не видя перед собой и, видимо, всё ещё пребывая мысленно там – за этой таинственной дверью, куда я даже не мечтала попасть.

Пошла к отцу Александру и Людмила Фёдоровна. И вышла с такой же блаженной, блуждающей улыбкой на лице...

– Ой, Машуня, какой человечиче!.. – прошептала она. – Иди, он ждёт тебя.

– Меня?!

– Да, тебя.

Я чуть в обморок не упала от неожиданности. Я не была готова. Я не знала, что скажу этому необыкновенному человеку.

Но я вошла – и все страхи остались за порогом.

Крошечная комната, похожая на келью: топчан у двери, стол у окна, иконы и полки с книгами. Лампадка, мерцающая в углу... Он сидел у стола, осенний зыбкий свет из окошка слабо освещал Вечную Книгу на столе... Но в комнате было светло, светло от его лица, от жаркого света его глаз...

Я села на стул напротив него.

– Ну, здравствуй, Маша! – сказал он. Сказал так тепло и просто, как будто мы сто лет знакомы, как будто он давно ждал меня и рад, что я наконец пришла. И я поняла в ту минуту, что пришла к своему духовному отцу... И, сама от себя не ожидая, стала рассказывать ему – о том, как трудно дома, как тяжело с отчимом, как непросто в институте... А ещё рассказала ему о Моём Клоуне – о Леониде Енгибарове...

Отец Александр слушал очень внимательно. А потом сказал:

– *То, что в институте к тебе такие придирки, относись к этому философски. Дар писать тебе дан Богом, а люди, пусть даже и твой творческий руководитель, не имеют права тебе диктовать, что писать и как писать. Прислушивайся только к своему внутреннему голосу, к своей интуиции, она тебя не обманет... То, что дома такие испытания, – это часто так бывает, когда человек приходит к вере. Сказано ведь: враги человеку домашние его... А ещё сказано: нет пророка в своём отечестве. Дай Бог тебе сил и терпения. Главное – не озлобиться в этой ситуации. А насчёт твоей сильной привязанности к ушедшему человеку... Ты тоскуешь – и его душе тяжело от этого, ты его тянешь к земле, откуда он уже ушёл. Он ушёл – значит, ему было пора уйти. Если мы веруем, мы веруем и в то, что ни один волос не упадёт с нашей головы без Божьего соизволения на то. Он ушёл. А ты не даёшь ему двигаться дальше. И ты должна это понять.*

– Что же мне делать, отец Александр?

– *Отпусти его... Я понимаю: это – нелегко. И всё-таки необходимо. Тем более если ты любишь его и желаешь ему добра. Отпусти его, Маша...*

«Отпусти его...» – ещё долго звучал во мне его голос, полный тепла и сострадания. «Отпусти его, Маша...»

София Рукова

Величественным и удивительно *большим* увидела я отца Александра впервые в мае 1977 года. На самом деле он был невысок, но когда появился на крыльце сторожки в белой (как всегда после Пасхи) рясе, моё сердце странно ёкнуло, словно сказала кому-то «да», и замерло на миг: пространство, которое он занимал собою, мне показалось значительно большим его самого. Казалось, оно охватывало и его, и того, кто стоял рядом, и храм, и церковный дворик с его строениями. Оно простиралось выше куполов деревянной церквушки и уходило куда-то за пределы ограды. Я и позднее не раз испытывала это ощущение его присутствия на гораздо большем пространстве, уже там, где Новая Деревня только начиналась, – от пересечения двух дорог.^[16]

Сергей Ряховский

Я познакомился с отцом Александром в начале семидесятых, когда мне было около шестнадцати лет. Помню эту электричку до Загорска, Ярославский вокзал, я ехал к бабушке. Я был учащимся техникума и всегда возил в своём портфеле Библию, которую мне подарил мой отец,

узник за Христа, трижды репрессированный. Я всегда открывал Библию, клал её на портфель и как бы показывал соседям: «Посмотрите, что я читаю!» – для меня важна была реакция людей. В тот вечер я так же разложил Библию, читаю и вдруг ловлю на себе взгляд человека, сидящего напротив. Он смотрел то на Библию, то на меня и вдруг спросил: «*Юноша, разумеете, что читаете?*» Я родился в христианской семье и уже был молодым проповедником, и я ответил: «Конечно, разумею!» Он говорит: «*Давайте познакомимся, я – отец Александр Мень*». И тут во мне всё рухнуло, потому что для нас это была легенда, это был человек, который открывал людям Христа. Я зачитывался его книгой «Сын Человеческий».

Андрей Смирнов

Я, бывший пионер и комсомолец, с трудом прибрёл к порогу храма, но стать на колени, положить земной поклон психологически нашему брату, бывшему комсомольцу, очень трудно. И, к счастью, умные люди мне помогли, в частности, замечательный писатель Марк Поповский, перу которого принадлежит первая книга об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком), великом хирурге и священнике. Марк мне помог встретиться с отцом Александром Менем. И встреча с ним, конечно же, несказанно облегчила мне вхождение в церковь, потому что отец Александр был настоящим воином Христовым, он был действительно влюблён в Христа, он воевал за Него, он был счастлив и искренне рад любому дураку, переступившему порог храма. И одним из этих дураков был я.

Андрей Тавров (Суздальцев)

В 1982 году я сильно болел – мучительная слабость, бессонница, депрессия. До этого я много пил, ел транквилизаторы горстями, пытался открыть для себя наркотики. Несколько раз приходил к заключению, что с меня хватит... На улицу я выходил всё реже – не было сил. Недуг поселился во мне и набирал силы. Я был в отчаянии. Мне было тридцать пять лет, и я не верил, что такое могло случиться именно со мной. И это после ослепительной юности и великих надежд. Месяцами я спал по два часа в сутки. Я боялся сойти с ума. Помню, как однажды ночью вышел на кухню попить воды и в отчаянии лёг на грязный рваный линолеум. Уставившись в потолок, я забормотал, неизвестно к кому обращаясь: «Если Ты есть, помоги! Сделай хоть что-нибудь!» Я до сих пор вижу эту штукатурку с жёлтыми разводами на потолке и ночное глубокое окно, похожее на колодец.

В один из периодов улучшения я оказался в церкви в Братовщине, по Ярославской дороге, где настоятелем был архимандрит Иосиф, с которым мама познакомилась в Боткинской больнице. Я засыпал священника вопросами, на которые у него не было ответа. И тогда он сказал: я дам вам рекомендательное письмо к одному человеку, тоже священнику, который всё вам расскажет и сделает это более компетентно, чем я. И он написал письмо. Помню, я отметил торжественность минуты – мне ещё ни разу не давали рекомендательных писем, а тем более к священнику. Зачем такое письмо понадобилось, я понял позже. В общем, оно удостоверяло, что я не засланный органами, а самый обычный человек.

Через три дня я добрался до Новой Деревни. Утро было солнечным, начало лета, пели птицы. Я вошёл в храм, подошёл к «ящичку» и попросил передать своё рекомендательное письмо священнику, отцу Александру. Пока шла служба, я вглядывался в священника, и изда- лека он показался мне какого-то купеческого, кустодиевского вида – плотный, бородатый. Потом служба закончилась, и народ стал расходиться. Я стоял у двери и когда в очередной раз поднял глаза, увидел, что отец Александр идёт ко мне. Он больше не был похож на купца. Более того, он смотрел на меня с такой радостью и любовью, словно встретил старого друга после долгой-долгой разлуки. Ситуация явно была искусственной – я понял, что здесь что-то не то, что это не мне, что он действительно кому-то очень рад, и что, вероятно, тот, кому он так радуется, стоит у меня за спиной. Я обернулся. Там никого не было. Его любовь и его улыбка

предназначались именно мне, человеку, которого он видел в первый раз в жизни. Помню, что меня это тогда сильно поразило.

Людмила Улицкая

Познакомилась я с отцом Александром Менем в 1968 году после окончания университета, когда поступила на работу в генетическую лабораторию. Там собралась замечательная компания молодых учёных, среди которых был Саша Борисов. Вот с него-то всё и началось. Он был ближайшим другом и одноклассником младшего брата отца Александра – Павла. В некотором смысле я ощущала, что готова к встрече с отцом Александром: это были времена большой тоски и убитости, и именно желание найти какую-то вертикаль в жизни толкало тогда многих молодых людей к разного рода поискам, которые можно назвать духовными.

С отцом Александром я познакомилась в доме Павла, скорее всего, на дне рождения, но встречались мы в разных домах. Можно сказать, что это была довольно большая компания, которая постоянно собиралась около него. Был он человеком необычайно привлекательным в общении – доброжелательным, весёлым, остроумным. Светским, я бы сказала. В любом застолье держался очень свободно, создавал особую атмосферу весёлой доброжелательности. Мелкие и бытовые разговоры в его присутствии как-то увядали, естественным образом люди поднимались на предлагаемый им высокий уровень общения. Так происходило само собой. Я не хочу сказать, что дураки умнели в его присутствии, но, скажем, немного затихали.

Я не то чтобы много с ним лично общалась – больше наблюдала за тем, как он общается с другими людьми, разного образовательного и интеллектуального уровня. Это было потрясающе интересно. Среди прочих его дарований, о которых можно вести отдельный разговор, у него был огромный педагогический дар.

Однажды я спросила у него довольно резко, почему он на один и тот же вопрос разным людям отвечает по-разному. Мне казалось это каким-то умышленным педагогизмом, я исходила из того, что каждому человеку нужно всё, до последней точки. Он засмеялся и сказал, что я не права и каждому надо давать столько, сколько он может взять.

Екатерина Хмельницкая

Я встретила отца Александра у Карины и Андрея Черняков в Петроверигском. Мне было пятнадцать, и я впервые видела священника вблизи. Митрополит Антоний Блум сказал: «Чтобы поверить, надо увидеть Бога в глазах другого человека». Это не лирика и не религиозное красноречие. Потому что я совершенно точно помню, как подумала тогда (а я была совсем неверующей): «Если такой человек верит в Бога, значит, этот Бог, наверное, всё-таки есть». Позже я ещё думала: каков же тогда Христос? До того момента я никогда не видела таких целокупно красивых людей. Не видела и после.

Год спустя он пришёл к нам в школу. 67-я была первой советской школой, рискнувшей пустить на порог священника. Нашему директору обрывали телефон из самых надлежащих органов, но он выстоял. А люди выстояли лекцию, потому что яблоку упасть было негде. Потом я набралась духу, влезла на сцену и договорилась с отцом Александром о встрече в Новой Деревне. Потом я простудилась. Потом был зачёт. Потом я тянула. Потом его убили. И вот теперь, когда так стыдно и мерзость запустения, я думаю: но он же пришёл в *эту* Церковь, которая его гнала и позволила убить. И не ушёл. И я не уйду. А когда меня спрашивают, как я могу там оставаться, отвечаю, что цепную реакцию доверия предпочитаю цепной реакции зла.

Алексей Цвелик

Я познакомился с отцом Александром то ли в 83-м, то ли в 84-м году. Демонизм советской власти и человеконенавистническая сущность её идеологии были мучительно очевидны для меня. Христианство, философские аспекты которого были для меня весьма привлека-

тельны, представлялось мне тогда, как и сейчас, единственным не половинчатым, а радикальным ответом этому кошмару. В то же время как учёного меня мучил вопрос о совместимости рационализма науки и, как мне тогда казалось, иррационализма веры. Делу совсем не помогало знакомство с женой одного моего друга, ставшей истово верующей. Слушая её, я погружался в какой-то мрак, где я под угрозой вечных мук должен был постоянно насиловать свой разум. Неужели вот это, этот мрак, и есть реальное христианство, думал я. Перспектива обменять одну форму демонизма на другую меня совсем не привлекала. Я поделился своими печальми с моим другом Сашей Орловым (сыном великого Юрия Фёдоровича¹³), и он посоветовал мне поехать в Новую Деревню к отцу Александру Меню.

Я встретил вдохновенного, весёлого и бесстрашного человека, в котором не было никакого мрака и уныния. Не было в нём и мечтательности, он имел весьма трезвый взгляд на вещи и хорошо знал людей. При этом он был открыт людям и радовался общению с ними. Как сейчас помню первую минуту нашего знакомства. Был солнечный июльский день, и отец Александр поливал цветы около храма. Я сразу начал с самого главного: «Я учёный и сомневаюсь, можно ли совместить науку с верой в Бога». *«А я вот испытываю не меньшее благоговение, когда смотрю в микроскоп, чем когда молюсь в этом храме»*, – ответил мне отец Александр (он был по образованию биолог). На меня эти слова и непринуждённая манера, с которой они были сказаны, произвели неизгладимое впечатление. Я стал прихожанином отца Александра и оставался им до 1989 года, года своего отъезда.

Регина Чертова

Первый раз я увидела отца Александра в 1980 году на встрече группы общения, проходившей на квартире у Заваловых. Моя дочь Наташа в это время училась на втором курсе МИФИ. Физику там преподавал Владимир Николаевич Лихачёв, он организовал эту группу, куда вошла и Наташа. Вопросы религии интересовали дочь, когда она училась в школе. Несколько раз она посещала приход отца Димитрия Дудко, про которого было известно, что он не слишком лояльно относится к власти, поэтому поездки к нему представлялись мне опасными. Я очень тревожилась за Наташу и была против этих посещений. Владимир Николаевич и Наташа пригласили меня на встречу молитвенной группы, чтобы я убедилась в том, что вопросы политики там не обсуждаются, и, следовательно, у меня нет оснований для беспокойства.

В этот раз на встрече присутствовал отец Александр. В то время я очень мало знала о нём. Помню, первое впечатление о нём было как о красивом и приятном человеке, прекрасном рассказчике. Он вёл себя настолько просто, приветливо и дружелюбно, что я даже не почувствовала, какого громадного масштаба личность передо мной, а если бы поняла, то, наверное, побоялась бы вступить с ним в полемику и показать свою полную невежественность в вопросах религии. Помню, я тогда с жаром доказывала, что не обязательно верить в Бога, чтобы быть праведным человеком, и, наоборот, часто верующие совершают неблагоприятные поступки. В качестве примера я приводила поведение своей бывшей соседки по коммунальной квартире тёти Зины, которая в годы войны, чтобы прокормить своих двух малолетних детей, работала в вагоне-ресторане поезда дальнего следования. В то время продукты в стране были в огромном дефиците, и задача тети Зины состояла в том, чтобы как можно больше еды урвать для себя, обманывая посетителей ресторана. Перед каждой поездкой она молилась сама и обучила свою маленькую дочь молитве о том, чтобы Бог помог как можно больше еды привезти домой. Мне казалось недопустимым просить у Бога помощи, по существу, в воровстве, и я возмущалась поведением тёти Зины.

¹³ Юрий Фёдорович Орлов (р. 1924) – физик, участник диссидентского движения. Основатель и первый руководитель Московской Хельсинкской группы – старейшей из ныне существующих в России правозащитных организаций.

Вспоминая этот разговор сейчас, я испытываю стыд за то, что посмела с отцом Александром обо всём этом говорить, но тогда он настолько терпеливо и дружелюбно со мной беседовал, что я не почувствовала никакого стеснения. Сама встреча группы показалась мне интересной, люди симпатичными, атмосфера – тёплой и приятной, и волноваться за Наташу я перестала.

Людмила Чиркова

Первая моя встреча с отцом Александром Менем состоялась в мае 1989 года. Я тогда приехала в Москву для обследования в клинике Фёдорова. Но была у моей поездки и вторая цель, вероятно, более важная для меня – встреча с отцом Александром.

Через несколько дней после моего прибытия в столицу, по предварительной договорённости, мои друзья Сергей и Лена (Бессарабские. – *Ю.П.*) забирают меня и везут на своей машине к какому-то Дому культуры, где батюшка выступает с лекцией. Его день был расписан по минутам, и свободного времени, которое он мог бы выделить на беседу со мной, практически не оставалось. Вот мои друзья и придумали, что они забирают отца Александра с лекции и везут на своей машине в Новую Деревню к вечерней службе. И за то время, пока туда едем, мы сможем поговорить.

Подъехали мы к этому клубу к окончанию лекции. Стоим, ждём. Вот начали выходить люди из здания. Сейчас должен выйти отец Александр. Но его всё нет и нет... Мои друзья начинают волноваться: «Мы можем не успеть к вечерней службе...» Лена не выдержала, пошла сама в ДК искать батюшку. А Сергей говорит: «Это его задерживают слушатели своими вопросами».

Наконец выходит Лена, с ней – Мария Витальевна (Тепнина. – *Ю.П.*). И далеко позади них еле-еле продвигается в нашу сторону батюшка, окружённый толпой вопрошающих... А он старается ответить каждому и пытается при этом идти к машине, где уже сидит Мария Витальевна и я, а возле открытых дверей стоят, как часовые, Сергей и Лена. Наконец отец Александр произносит в толпу: «*Прошу прощения, но меня ждут*». И уже не обращая внимания на вопрошающих, садится в машину.

До этой встречи с отцом Александром я никогда не видела его и представляла себе внушительного роста священника с каким-то строгим выражением лица. А тут увидела пожилого (как мне тогда казалось), невысокого и очень простого батюшку, который с самого первого мгновения так располагал к себе, будто мы давным-давно с ним знакомы. Такая теплота и доброжелательность были в его глазах, что возникало ощущение, что это именно ко мне он так спешил, только меня хочет слушать сейчас, что ему действительно интересно и важно всё, что я хочу ему сказать. Его обращённый ко мне взгляд излучал такое внимание и участие, такую любовь, каких я не видела ни до того, ни после.

О чём мы тогда беседовали по дороге в Новую Деревню, я уже сейчас вспоминаю только приблизительно. Конечно, сначала отец Александр попросил меня рассказать о себе. И в процессе моего рассказа он вставлял краткие реплики. Помню, я тогда смущённо поведала, что работаю в райкоме комсомола секретарём-машинисткой, и мне претит эта обязанность печатать их откровенно лживые документы и рапорты. Но отец Александр сказал: «*Это ничего. Главное, честно делать своё дело*». И потом ещё что-то я сбивчиво говорила, и несколько раз получалось так, что он своим комментарием или даже вопросом как бы уже отвечал на ещё не заданный мною вопрос...

Подъехав к Новой Деревне, мы, конечно же, не успели закончить беседу (очень многое мне хотелось рассказать и спросить у него...) И тогда отец Александр пригласил меня в свою комнату при храме: «*Пока я буду облачаться к службе, мы с вами ещё побеседуем*». Так я оказалась в гостях у отца Александра. Но тут заглянула Мария Витальевна: «Батюшка, к началу

службы звонят». И он ушёл на службу, сказав мне на прощание: *«А вы мне напишите. Я вам обязательно отвечу. Адрес? Вам дадут мой адрес Сергей с Леной».*

Потом мы с Сергеем и Леной стояли в храме на вечерне, где я проплакала всю службу. Слезы лились сами собой, и я не могла их удержать. Как начала на Шестопсалмий плакать, так до конца службы не могла остановиться. Теперь я понимаю, что это начался мой катарсис.

А после службы Сергей и Лена предложили подвезти отца Александра до дома, но он доехал с нами только до электрички, ещё раз повторив мне на прощание: *«А вы мне пишите».*

Владимир Шнейдер

Впервые я увидел отца Александра в 1981 году, в Москве, в довольно необычном обществе «босоногих». Это была странная компания последователей Порфирия Иванова, которого они называли «учителем» и который учил, что нужно ходить босиком, чтобы питаться соками земли. Почему-то они ходили босиком и в квартире, – по-моему, мы с отцом Александром были единственными в ботинках. Я попал туда случайно и об отце Александре никогда раньше не слышал. Он был в светской одежде и показывал слайд-фильм о Христе, сопровождая его комментариями. Всё это было для меня настолько непривычно, странно... Помню, после фильма у отца Александра спросили, как он относится к «учителю». Отец Александр уклонился от прямого ответа, процитировав то место из Евангелия, где сказано: *«А вы не называйтесь учителями...»* – и стал говорить о Христе, но было заметно, что атмосфера была не очень доброжелательная. Вскоре он ушёл – его ждали в другом доме, и я очень удивился, узнав, что это был православный священник. То, как он выглядел и что делал, было непривычно и неожиданно для православного священника.

Сергей Юрский

Я смотрю на этот портрет, на эту улыбку. И если спросить: *«А как выглядит торжество Православия?»* По-моему, вот так и выглядит, как смотрит на нас отец Александр Мень с этого портрета. Я хотел бы рассказать о нашем знакомстве с отцом Александром. Мы – ровесники. Это важно, наше поколение очень плодовитое и творческое. Он – светоч нашего поколения.

В шестидесятые годы, в оттепель, была очень деятельная жизнь. Я в очередной раз приехал в Москву сниматься в кино и пришёл к моему близкому другу. Он мне сказал: *«Заходи, заходи! У меня сидит мой товарищ».* Там сидел Александр Мень. Мы пили чай и разговаривали. Я впервые говорил со священником, но сам этот разговор был про всякие дела: про кино, про театр, меньше всего про религию, потому что мы тогда с моим другом Симоном были людьми далёкими от религии. Отец Александр говорил о делах светских, но говорил каким-то странным образом: всё освещалось новым светом. Я не мог понять, что за свет от него исходит. Но такими высокими словами я не мог с ним говорить, поедая оладьи и закусывая чай селёдкой. Я сказал: *«Как интересно, что мы с вами познакомились!»* Он говорит: *«А хотите, продолжим наше знакомство?»* — *«Да, да! Очень интересно!»* Он: *«Сегодня Рождество».* А я удивился: *«Как Рождество? Ведь Рождество ещё через две недели!»* А было 25 декабря. Он говорит: *«Сегодня Рождество у католиков и протестантов. Хотите пойти со мной в протестантский молебный дом?»* Никогда в жизни я не ходил в церковь, вообще ни в какую, хотя был внуком священника, о чём узнал очень поздно – мой отец не только не упоминал этого, но старался забыть, потому что это было опасно. Но с этим человеком! Я сказал: *«Хочу! А что там будет?»* – *«Что будет? Рождество будет».*

Мы вошли в помещение, где сидело человек не менее пятисот, а может, и больше. И я впервые услышал слова Евангелия по-русски. И когда прорывались вдруг знакомые слова о Рождестве, о том, как это было там, в Вифлееме, и слова, которые просто обжигали сердце: *«...не было им места в гостинице»*, я подумал: *«Боже мой, как же я до сих пор этого не читал и в первый раз слышу: “...не было им места в гостинице!”* Ай, как это близко, как это понятно!

Как это всё по-человечески! И я спросил отца Александра: «Вы ведь православный священник?» – «Да, православный». – «А мы сейчас в какой церкви?» – «В протестантской. Я – православный, но люди празднуют Рождество Христово, и я хочу их поздравить, они пригласили меня, а я вот ещё вас привёл. А когда в ночь с 6 на 7 января будет у нас великий праздник, они придут и нас поздравят, и так должно быть».

Так я впервые услышал то, что потом долгие годы моей жизни помнил, как смысл отношения к другим конфессиям, к другим людям, к другому человеку, и как православный священник может открывать своё сердце. Мы сидели плечом к плечу в этом громадном зале, среди множества людей, которые праздновали Рождество Того же самого Господа нашего Иисуса Христа. Вот это был удар! И он сохранился на всю жизнь.

Крестился я через четверть века после этой встречи. Это была другая эпоха, другой я, всё менялось. Но во время обряда крещения я не мог не вспомнить и мысленно не помолиться за отца Александра, потому что у меня с него всё началось, с одной строчки, услышанной там, с его комментария – появилось чувство христианства как религии, не разделяющей людей, а соединяющей, не принуждающей, а дающей людям новую дорогу.

Потом мы несколько раз говорили по телефону по разным поводам, а потом случилось страшное. Чудовищное и незабываемое! Вся жизнь отца Александра была, конечно, подвигом – служением людям, служением Христу, Церкви и Слову. И когда через много лет мне предложили сделать запись, пластинку его книги «Спаситель», я взял книжку и подумал, что это мой долг. И когда был сделан диск, я понял силу его писательского дара. Это не проповедь, это литература, это введение во храм. Скольких людей из моих знакомых он либо крестил, либо ввёл в храм, либо, как меня в тот вечер, захватил с собой, и мы опознаём друг друга как люди, которые не должны терять друг друга из вида. Память о нём неизгладима, она всегда со мной и с теми, кто хоть раз общался с ним или читал его книги. Имя отца Александра вдохновляющее, это имя, дающее силы.

В храме

*Он предстоял Святым Дарам с таким же трепетом
и благоговением, как Моисей – Неопалимой Купине.*

Георгий Чистяков

Наталья Габриэлян

В конце июля я пошла в церковь Сретенья Господня рано утром вместе со своей соседкой Александрой Дмитриевной. Церковь была пронизана лучами солнца, народу было не очень много, и я стояла впереди, слева у алтаря. Отец Александр пел вместе с хором. Когда он начал петь «Отче наш», подхватила вся церковь. Как он пел! Какое вдохновенное у него было лицо, как сияли его глаза! Люди пели самозабвенно. Я подумала: вот это, наверное, и есть «ангели поют на небесах»! Мне не забыть его лица в те мгновения. Я видела его лицо ещё не раз. Видела его задумчивым и радостным, видела его лицо, когда он отвечал на вопросы, иногда непростые – оно становилось строгим и напряжённым. Но такого лица, вернее – лика, как тогда в храме, когда он со всеми вместе пел «Отче наш», я больше не видела никогда.^[17]

Андрей Ерёмин

Отец Александр служил величественно и трепетно одновременно. В его действиях, движениях не было поспешности, но не было и стилизации. Он не затягивал и без того длинные православные службы. Но с большой болью относился ко всякому неблагоговейному поведению в храме. *«Только любовь, вера и благоговение, – говорил он, – угодны Богу, всё остальное – на втором месте. Поэтому молящиеся должны беречь своё сердце, чтобы не оскорбить святыню».*^[18]

Особым чувством было исполнено его служение литургии. Вот где был источник сил для крестоношения – для всех тех огромных нагрузок, что он нёс в своей жизни!^[19]

Однажды он сказал, что каждый раз переживает Евхаристию как личную Пятидесятницу. Поэтому такой болью отзывались в его сердце театральность, статичность, магический характер некоторых моментов православного богослужения – всё то, что привнесено традицией обрядоверия. Как-то он сказал: *«Я прихожу в храм на великие страдания и знаю, что не идти – нельзя».*^[20]

Непонятно, откуда у него брались силы. Как-то раз на моё предложение помочь ему поднимать детей он ответил, что когда держит ребёнка на руках, то думает: *«Вот таким младенцем был наш Господь на руках Своей Матери».* Это давало ему силы совершать таинство Крещения детей неформально, с благоговением, несмотря на усталость.^[21]

Когда к нему однажды приступили с претензией, что он провожает в последний путь людей, возможно, никогда не ходивших в Церковь, батюшка ответил, что *«каждый священник во время похорон, во время отпевания по-разному чувствует сердцем судьбу умершего человека. И иногда, действительно, бывает до того тяжёлое мучительное ощущение, что, казалось бы, остановился и не стал совершать погребение. Однако, – говорил он, – для священников в сегодняшней России отпевание – это особый вид миссионерства».*^[22]

Священник Михаил Залесский

Обстоятельства не позволили мне часто бывать в Новой Деревне. За шесть лет я приезжал туда раза два-три, не больше. Запомнилась одна проповедь, тема которой была – кровь, её мистический смысл. Говоря о том, что люди иногда падают в обморок при виде крови, отец Александр подчёркивал: *«Это не нервы, не малодушие, это реакция души на мистичность крови, одна из форм проявления страха Божия»*. В память врезались его слова о том, что кровь греет и питает человека, что стоит человеку потерять большую часть крови, и он умирает. Кто тогда мог знать, что то же самое произойдёт с ним самим?.. Проповедь эту я не нашёл ни в одном из вышедших сборников. Жаль, если она нигде не зафиксирована. Это было лучшее из того, что я когда-либо слышал с амвона.^[23]

Григорий Зобин

Мы отправились в Новую Деревню. С нами в одном вагоне оказалось ещё несколько духовных детей батюшки. Эти утренние воскресные поезда на Загорск, Александров и Пушкино всегда были местом радостных встреч. По дороге мы разговорились с одним из батюшкиных прихожан. Он спросил, в первый ли раз мы едем в Деревню, и, получив утвердительный ответ, сказал: «Тот, кто в нашу церковь приходит, обычно остаётся в ней насовсем».

Мы вошли в храм. И тут я впервые в жизни, не на фотографии, увидел батюшку, его прекрасное лицо, глаза, излучающие доброту. Он был в белой рясе и выглядел в ней просто и царственно. «Какой красивый!» – шепнула мне мама. Впоследствии я узнал, что многие люди впервые приезжали к батюшке, пылая на него гневом за «совращённых» родственников, а он одной своей улыбкой мгновенно обезоруживал их... Придел, где должна была проходить исповедь, постепенно наполнялся людьми. Во всей атмосфере церкви чувствовался дух одной большой семьи. Наконец вошёл батюшка. И тут я впервые увидел, что означает на деле «духовный воин». С каким гневом, истинно христианским, праведным батюшка обличал грехи: лень, повседневную духовную расхлябанность, косность! В этот миг его устами говорил Божий гнев. И всё явственнее из его слов передо мной вставал мой собственный портрет.

Елена Кочеткова-Гейт

1975 год... Первая в моей жизни православная Пасха в Новой Деревне. Я приехала вместе с друзьями. Несколько молодых и уже пьяноватых милиционеров топтались около храма, но нас никто не остановил. Бабушки в белых платочках с куличами, крашеными яйцами, свечками. В церковном дворике толпилось много молодёжи, пожилые, не поместившиеся в маленькой церквушке, сидели на лавочках во дворе. Стоя возле открытых дверей храма и слушая возгласы священников, я пыталась узнать голос отца Александра. Спросила у всех рядом стоящих: «Это сейчас отец Александр говорил?» Темноволосый, краснощёкий юноша с живыми глазами (Олег Степурко) возмутился: «Какой же это отец Александр? У отца Александра интонации совсем другие, он – как труба в джазе, мёртвого разбудит, а этот пищит еле-еле, видно, болящий!» Всё здесь было не так, как у баптистов: меня смущали непонятный язык, иконы, непривычное пение, мерцание свечей и облачения священников (как в опере – подумала я), беспорядочное хождение людей туда-сюда, но всё это искупала атмосфера праздника, чувствовалась большая радость. Разговлялись мы в электричке, как оказалось, большинство пассажиров – прихожане.

Юрий Кублановский

Вот приезжаешь в Новую Деревню (в самом названии символический какой-то оттенок) в сочельник – после электрички и трёх километров сюда от станции изрядно прозябшим, – в церкви тепло, цветные лампы, словно огоньки на реке; икона Рождества перед солеёй под кисейным пологом; отец Александр служит смиренно, почти келейно. И вся суетня московская, страх новой повестки из КГБ, вечная запутанность житейских отношений, наконец, душу

вытягивающая нищета, неустройство – всё это почти улетучивается. Мнится, что отец Александр в этом храме – всегда, что здесь ты – дома, что служение его непрерывно. И что он обережён и для властей предержащих недосягаем. В течение многих лет – вплоть до эмиграции – я только и чувствовал себя в безопасности почему-то: в дороге, в тряском вагоне, никогда внутренне не спеша добраться до цели, и вот здесь – в Сретенском храме у отца Александра. Зимой – всегда хорошо, и чем морознее, чем больше снега, тем лучше; но хорошо – и на Пасху. Приехать часа за полтора до полуночи, когда читают Часы, с крестным ходом следовать за отцом Александром; к трём ночи в духоте испытывать малодушно тяжесть; но когда уже совсем под утро, наконец, подходишь к кресту, когда энергичный, праздничный, вовсе не утомлённый отец Александр прохладную медь его придавливает к твоим губам – усталость словно рукой снимает. Или на Троицу: в храме по щиколотку свежего зелёного сена; чуть подвяленные берёзки; зелёные ризы с парчовыми стихарями.

Отец Александр непринуждённо умел соблюсти пропорцию между дорогой православному сердцу традиционной обрядностью и высокой духовностью, не дающей обрядности вырождаться в обскурантизм и букву.

Андрей Мановцев

Это вообще в нём было главное: не яркость, а тепло. Он был православным тёплым батюшкой. И когда говорил о себе, что он деревенский священник, то, конечно, преувеличивал, но в этом не было и тени кокетства. Надо было видеть, как он выслушивает простых деревенских бабушек, как разговаривает с ними, как они расположены к нему. Надо было видеть, как он служит. О подобных впечатлениях говорить очень трудно. Священник предстоит перед Богом, и когда ты видишь его во время богослужения, то порою многое чувствуется – да как же об этом расскажешь? Выразительно всё: и спина, и осанка, и жест. И всё – перед Богом. Почему-то мне особенно помнится, как стою я там, в новодеревенском храме Сретения, в закуточке, где канун, народу немного, будний зимний день, я смотрю на сутуловатую спину отца Александра в чёрном подряснике, он служит панихиду. Ничего особенного, он привычно негромко басовито поёт: *«Покой, Спа-асе наш...»* И такое чувство: всё правильно! И чистый день за окном, и свечи, и мирное, хорошее отношение к смерти. В самой обыденности недолгой красивой службы – такая спокойная, крепкая вера, как бывают отношения в крепкой семье, без лишних слов.

Юрий Пастернак

Из дневника (28 апреля 1985 года)

Отец Александр проповедовал вдохновенно. Голос его гремел, как колокол, рассыпаясь обертонами маленьких колокольчиков, заставляя отзываться слабым гудением железные болванки наших голов и вибрировать наши каменные застывшие сердца. Его руки властно вонзались в воздух и рассекали пространство. Затем они мягко собирали пространство, восстанавливали, выстраивали, потом снова разрушали. Сила, исходящая от него, заполняла весь храм и перекачивалась волнами, расшевеливая и двигая камешки наших сердец. Такой окрылённости и вдохновения у отца Александра я ещё никогда не видел.

Из дневника (25 октября 1987 года)

Новая Деревня. Особая, углублённая, ясная и строгая атмосфера службы. Всё это исходит от отца Александра и передаётся прихожанам. Когда батюшка вынес Чашу для причастия и на словах «со страхом Божиим и верою приступите» воздел руки с Чашей над головой, я понял, может быть, впервые, что вот здесь, сейчас совершается нечто великое, не вмещаемое сознанием, нечто воистину таинственное, мистериальное. А когда причастники потянулись один за другим к Чаше, я всем своим существом (о, бедные слова!) с удивлением открыл, почувствовал, узрел, что Чаша есть реальное средоточие Силы и Могуущества, центр всех энергетических

и биоэнергетических линий и полей в этом храме. Я увидел, что все люди, как металлические опилки к магниту, устремлены к Чаше, от которой расходятся круги силового поля, как пара лёгких или два ангельских крыла. Меня охватило чувство духовной полноты, силы и покоя.

У креста на вопрос отца Александра я ответил, что чувствую себя хорошо, как, пожалуй, никогда. Он обрадовался, сжал мне руку и, не отпуская, сказал: *«Приезжайте в храм чаше, так мне легче о вас молиться»*.

Сергей Пестов

В 1980 году в новодеревенский храм забрались воры, и среди похищенного была выносная икона Петра и Павла. Времена были «дософринские», вовремя достать конкретную икону было трудно, и на празднование дня святых первоверховных апостолов Петра и Павла отец Александр взял бумажную репродукцию Эль Греко, наклеил её на доску, освятил и положил в центре храма. Люди подходили и прикладывались к репродукции, как к иконе.

Ксения Покровская

Мы венчались в 1967 году, в Тарасовке. А на венчании отец Александр всегда говорил очень важные и новые вещи. Я обратила внимание на это сейчас, когда венчался Петя Ермаков, сын Наташи Ермаковой, и через пару месяцев моя дочка.

Пете с Женей отец построил свою речь на том, что Петя всю жизнь провёл в этом храме, что он в этом храме крестился, в этом храме рос и в этом же храме он их венчает. А Ане с мужем он говорил о том, что надо в страдании находить радость, – «радость и страдание – одно». А нам с Лёвой на венчании он говорил на тему претворения воды в вино в Кане Галилейской. Каждый раз он брал совершенно новый ракурс. Нам он говорил, что наша жизнь будет таким трудом, прозой, которые могут претвориться в вино только каким-то духовным усилием. А Ане он говорил о том, что она должна быть готова к страданиям, должна учиться находить в них радость.

К проповедям отец Александр, бывало, и готовился. Не всегда, но готовился: что-то просматривал – Лосского посмотрит, или Златоуста, или Бердяева. А на венчаниях и на отпеваниях он говорил совершенно экспромтом. На венчании Ани мы его и видели в последний раз.

Ольга Полянская

Как-то раз батюшка вышел с Евангелием и серьёзно кивнул моему четырёхлетнему сыну, призывая его к вниманию. Мой сын часто во время чтений и евхаристического канона устраивался перед солеёй и следил за каждым движением священника. Однажды отец Александр торжественно нёс перед собой Евангелие, и вдруг одна из прихожанок, лет шестидесяти, всполошилась, накинулась как ястреб на ребёнка и принялась оттаскивать его от солеи. К сожалению, мой сын не отличался кротостью, и в тот же миг раздался его крик, подобный аварийной сирене. Я было кинулась к нему, но Соня Рукова, наш регент (я пела тогда на клиросе), меня остановила: «Нет, сами разберутся, ты на службе, это самое главное». Отец Александр, сразу оценив обстановку, кивнул Соне и изменил траекторию движения. С поднятым Евангелием в одной руке он подошёл к борющейся в храме паре, молча перехватил детскую руку и прижал к себе. В тот же миг сирену будто выключили. Так же молча и твёрдо отец Александр вернул ребёнка на прежнее место. Мой сын от неожиданности прошёл этот путь на коленях. Он был ловкий и передвигался как угодно быстро в любом положении. Отец Александр, перед тем как отпустить его, ещё положил ему свою руку на плечо и взглядом попросил слушать. Потом, словно не было этого эпизода, отец Александр встал перед алтарём и начал Евангельское чтение уже в абсолютной тишине.

Я верю, что когда-нибудь отец Александр с Неба возьмёт моего уже взрослого сына за руку и приведёт в храм, в общину, где звучит Слово. А тогда меня поразило его полное владе-

ние собой – ни тени гнева, возмущения, только доброта, защищающая душу ребёнка, и исходящая от него сила безусловного служения Богу.^[24]

София Рукова

И взрослые, и дети – все были предметом неустанных забот отца Александра. Дети в особенности. Впервые я почувствовала это, как ни странно, у гроба шестимесячного младенца, тоже Александра, которого он отпевал. Как утешить родителей? Какие найти слова, если они вообще уместны? А он, не скрывая тяжести горя, искренне разделяя его с родителями, сказал: *«...его жизнь, так рано оборвавшаяся здесь, на земле, не остановилась – она будет продолжаться там, в Небесах, под любящим заботливым взором божественных наставников...»* Казалось, он видел и младенца, и тех, кто принял его душу...^[25]

Ирина Рязанова

Отец Александр венчал пару, которую он в своё время познакомил. Говорил им после венчания какие-то хорошие слова. Потом помолчал и сказал: *«Ребята, не подводите!»*

Валентин Серебряков

В отце Александре все отмечают его сияющие глаза и взгляд, обращённый именно к тебе. Не стоит повторяться, но я испытал это на себе и не могу с этим не согласиться. Но меня удивило в нём и другое. Когда литургию вёл второй священник, а отец Александр исповедовал в правом притворе, то во время евхаристического канона он становился на колени позади всех молящихся. И так молился до возгласа «Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преподобней, Славней Владычице нашей Богородице...» Поражало не то, что я видел священника, молящегося на коленях, – во время специальных великопостных или строгих молитвенных служб священники молятся коленопреклоненно, – и я видел это. Но они делали это на амвоне, а встать позади всех прихожан и так соучаствовать в евхаристическом каноне, так близко воспринимать и чувствовать таинство мог только человек, глубоко соединённый со Христом.

Нина Фортунатова

Предстояла пасхальная служба. Я так волновалась, что сидела в сторожке и плакала. Весь хор в 22:30 пошёл в храм, а я всё не могла успокоиться и приводила себя в порядок: пила валокордин и валериану. Вдруг вбегает, как вихрь, мой муж Виктор и уже с порога кричит: «Скорее, скорее, а то не увидишь чуда: вокруг батюшки Божественный свет. Он стоит у Плащаницы, читает канон, а сам светится!» Все слёзы мои как рукой сняло. Захватив с собой красную папку «Пасха», где были все ноты для службы, я кинулась за Виктором. Батюшка стоял у Плащаницы и читал канон. Левый хор пел «Волною морскою». А над головой отца Александра было сияние. И сам он светился. И белые одежды его светились неземным Божественным светом. Служба прошла замечательно. Мы все были как на Небе.

Владимир Юликов

Хорошо помню: лето, будний день. Я стою в церкви слева, а справа – Николай Мирликийский, большая икона. В храме человека три. Я опоздал, приехал не к началу, не причащался. Отец Александр молится. Я стою, и вдруг из окна – солнечный луч прямо падает перед иконой Николая Мирликийского. Богослужение закончилось. И я говорю: «Батюшка! Как-то сегодня было особенно хорошо». Он отвечает: «Да, да». Я говорю: «А вы не почувствовали, что...» Он: «Почувствовал». Я говорю: «Вот, прямо перед иконой стоял кто-то. Он: «Да, вы тоже почувствовали?» Не знаю, ангел ли, Сам ли Христос – я не видел ничего, но я почувствовал чьё-то присутствие, кто-то незримый стоял во время литургии перед этой иконой. И женщина, которая чистила подсвечники – её словно что-то отвлекало, – и она раз за разом обходила под-

свечник стороной, хотя могла бы пройти прямо через это место, освещённое солнцем, занятое кем-то невидимым...

На исповеди

На исповеди, прежде всяких моих слов, отец Александр говорил то, что должен был сказать я. Это не значит, что я молчал, – просто он читал во мне как в открытой книге. Так было и с другими.

Владимир Илюшенко

Ариадна Ардашникова

Из проповеди отца Александра перед исповедью: *«Когда вы хотите, чтобы к вам пришли гости, а у вас в комнате темно – окно грязное, вы протрёте окно тряпкой, чтоб вошёл свет...»* Это и есть исповедь – протереть окно души, чтоб вошёл свет. Не самой с грехом бороться, а впустить свет Христов в душу.

Помню, как жаловалась на исповеди отцу Александру, что в храме то засыпаю, то отвлекаюсь, что едва только пять минут молюсь... Он взял меня за руку, как ведут детей за собой, и, повернувшись к алтарю, сказал: *«Господи, благодарим Тебя, что Ты даёшь нам возможность побыть с Тобой, в Твоём присутствии – пять минут!»*

Андрей Анзимилов

На моей первой исповеди в неделю св. Григория Паламы я сообщил отцу Александру, что вообще-то у меня бывают конфликты с женой, «но, – тут же оговорился я, как бы утешая отца, – это просто потому, что я такой раздражительный». Отец молчал. Я стал думать, какие же мои грехи действительно настоящие грехи, как вдруг услышал от отца Александра: *«И?»* Я удивился. Отец, видя моё удивление, произнёс: *«То, что вы раздражительный, – я не понимаю, это вы мне свой характер описываете или исповедуетесь и каетесь в этом?»* Меня как молнией пронзило. В буквальном смысле. Я почувствовал, что всё моё существо перевернулось. «Конечно, каюсь, – сказал я почти трясущимися губами. – И обещаю, что этого никогда не повторится». Отец молча возложил на меня епитрахиль. Поняв, что исповедь окончена и грех отпущен, я посмотрел на отца и увидел на его лице озорную улыбку крайне счастливого человека.

Мария Борисова

Когда исповедуешься, всегда говоришь одни и те же грехи – ну дети, какие грехи могут дети говорить? Маму не слушаюсь, с сестрой ссорюсь. А отец Александр к этому не так относился, что чего-то такое ребёнок лопочет... И я помню один раз он мне говорит: *«Ты знаешь, важно не то, что ты с сестрой ругаешься, маме грубишь, – сестра забудет, мама простит, – а важно, что от этого формируется плохой характер».*

Марианна Вехова

Отец Александр говорил, что самая прекрасная и нужная победа – это победа над собой. Над своей ленью, расхлябанностью, властолюбием, саможалением и т. п. И это – самая трудная победа. Особенно отец рекомендовал стремиться к этим победам в посты, когда усиливается давление соблазнов и сопротивление нашего внутреннего зверинца. Соблазны и нападения маскируются. Порой они кажутся совсем невинными, а результат, если прохлопаешь момент, плачевен и трудно исправим.

Услышав это, я как-то на исповеди ему призналась, что, если мне попадает хорошая фантастическая книга, я – пропала. Все дела стоят, всё идёт прахом, а я не могу оторваться от книги, пока не дочитаю. Он ко мне наклонился, сделал квадратные глаза и страшным шёпотом

сказал: *«Я тоже! Давайте дадим друг другу обещание: весь пост не прикасаться к таким книгам, даже если они сами прилетят на наш стол и рука потянется их открыть... Велеть руке остановиться!»*

Отец был под плотным наблюдением КГБ, он опасался, что эта организация не побрезгует и в храме поставить подслушивающие устройства, что нарушит тайну исповеди и даст КГБ какие-то поводы шантажировать людей. И часто исповеди произносились на дорожке вокруг храма: вот бочка с водой, вот завалинка, вот крыльцо, и опять – бочка с дождями и дождиками, выпавшими за то время, что мы не виделись... Вот в бочке плавает жёлтый лист... А вот – кружок льда... Горка снега на льду... И взгляд отца искоса-вдумчивый, слушающий. И его спокойный голос. Он объяснял мне, что *«все мы, люди, стремимся к анархии, не любим дисциплину. А без неё нельзя. Чтение правил, регулярное присутствие в храме дисциплинирует. Без дисциплины ничего не достигнешь, всё будет вечно разваливаться: и работа, и семья, не говоря уж о духовном продвижении...»*

Андрей Ерёмин

Вот главное, что должен понимать кающийся, по мнению отца Александра: исповедь нужна не для того, чтобы изгонять грехи, а чтобы стать принципиально другим человеком. *«Потому что, если косить грехи, как траву, остаются не вырванными корни и сорняки опять вырастают. Но сами мы другими не становимся – для этого нам нужна сила Божия».*^[26]

Владимир Ерохин

На исповеди признаюсь отцу Александру: «Грешен я, батюшка, билет в автобусе не беру». Отец Александр: *«А это гадит душу!»*

Михаил Завалов

Нередко грань исповеди и разговора стирается, что поначалу меня несколько смущало как нарушение чистоты жанра. Он говорил о работе, спрашивал о домашних, о планах на будущее, о психологических механизмах проблем. Позднее я понял, что его главный вопрос на исповеди ко мне был скорее: «Куда ты движешься?», а не: «Итак, что ты натворил за отчётный период?» Потому он мог говорить о разных гранях жизни, принося и ставя их перед лицом Бога, – и они обретали иную значимость и остроту. *«Когда вы входите в палату (я работал санитаром на институтской практике в летнее время), – настройте себя: вот люди, за которых умер Христос».*

Священник Михаил Залесский

Всего несколько раз я исповедовался у отца Александра, но эти исповеди оставили глубокий след в моей душе. Кажется, я не забыл ничего из того, что он говорил мне. Услышав, что я часто раздражаюсь по пустякам, он сказал: *«Вы знаете, что такое великодушие? Так вот, в отличие от малодушного человека великодушный – это человек с большой душой. А в мире духовном законы противоположны законам физического мира. Если в телесном, вещественном мире наиболее мелкие частицы и предметы проходят мимо всяких неоднородностей, то в мире духовном наоборот: маленькая душонка задевает за все мелкие шероховатости, а большая душа не замечает мелких препятствий, проходит, не задевая их. Так что старайтесь быть великодушнее, и тогда начнёте как бы подниматься. Попробуйте быть на два метра выше мелких неприятностей».*

В начале июня дочери Любе исполнилось семь лет. День её рождения пришёлся на субботу, и я повёл её к первой исповеди. Служил и исповедовал отец Александр. И в это лето

и в последующие Люба неоднократно исповедовалась у отца Александра, о его наставлениях и советах рассказывала нам. Запомнился один такой совет. В школе на уроках физкультуры у Любы из-под маечки выпадал крестик. Время было доперестроечное. Следовали замечания преподавателя, вопросы и даже издёвки одноклассников. Люба поделилась с отцом Александром. Он сказал: *«Моя мама всегда вышивала нам с братом на маечках, в которых мы занимались физкультурой, крестики красной ниточкой. Попроси свою маму – она сделает тебе так же»*.^[27]

Григорий Зобин

Моя мама пошла на исповедь. Было видно, что она сильно волнуется. Батюшка внимательно выслушал маму, а потом, взяв её за руку, начал беседовать с ней. Позже мама пересказала мне этот разговор. Она говорила тогда отцу Александру, что очень трудно жить, как на вулкане, с ощущением постоянного страха за близких, когда не знаешь, что будет завтра. Батюшка улыбнулся в ответ. *«Вспомните XIX век, – сказал он. – Чеховские персонажи – сытые, благополучные, спокойные. Ни событий, ни желаний... Но ведь вешались же они от такой жизни! Топились, стрелялись оттого, что ничего не происходило. А мы с вами очень счастливые люди. Мы живём в трудное, но такое прекрасное, такое интересное время!»* Когда мама отошла от него, я увидел её спокойной и радостной. От прежней тревоги не осталось и следа.

Вслед за мамой к батюшке подошёл я. «Батюшка, – сказал я ему, – сейчас наступают те времена, когда христианам особенно потребуется стойкость, а у меня её очень мало. Как обрести бесстрашие?» – *«Не бесстрашие – мужество, – мгновенно поправил меня батюшка. – Бесстрашен осёл. Он не видит опасности и прёт напролом, вслепую. А мужество всегда должно быть зрячим»*. «Ничто не страшно только дураку», – вспомнил я строки из Гейне. «Да, вот именно», – сказал отец. «А как обрести мужество?» – спросил я его тогда. «Только так», – ответил батюшка и показал ладонью вверх. Его жест говорил больше любых рассуждений. *«Держись за Небо»*, – часто повторял он.

Мучили меня в юные годы чувственные влечения. Батюшка дал мне тогда ряд советов, как с ними бороться, сформулировав при этом главную задачу – никогда не размениваться на случайные связи, ждать настоящей любви и брачного венца. *«Плоть надо держать на поводке. Сорвётся – искушает»*, – говорил он.

Александр Зорин

Я: «Страх перед завтрашним днём – ни работы, ни денег...»

Отец Александр: *«Это вам дано как регулятор жизни. Если бы у вас всё было благополучно, вы были бы похожи на розу из крема. Материальную неопределённость завтрашнего дня надо терпеть. У вас две проблемы: неведомое завтра и творчество. Первое нужно терпеть, за второе – бороться...»* Он вспомнил о своей маме, цитируя Евангелие: *«Не заботьтесь о завтрашнем дне...»* Ей ведь несладко жилось, нужда наступала на пятки. Бывало, скажет: *«Завтра нечего есть... Ну, Бог пошлёт чего-нибудь...»* Всегда была спокойна на этот счёт».

В воскресенье, на общей исповеди: *«Иной грешник думает, что наказание должно последовать за прегрешением, как будто он в трансформаторную будку залез и его сейчас током убьёт. На самом деле это не так. Грех оскорбляет любящего Бога и любящее существо. Греша, мы Его и кого-то обижаем»*.

Николай Каретников

Я вёз Феликса Светова в Новую Деревню к отцу Александру. Мы ехали к исповеди. Я был в каком-то ясном, ровном состоянии и казался себе безгрешным. Я сказал Феликсу:

– Сегодня плохо представляю себе, в чём каяться. Не могу вспомнить, чем грешил последние две недели!

– Но ведь так не может быть! Что-нибудь обязательно наскребёшь... – Ближе к концу пути он спросил меня, что я думаю об одном всемирно известном музыканте как человеке. Я знал эту знаменитость так, как, наверное, мало кто его знал, и не скрыл резко отрицательного к нему отношения, которое выразил даже весьма эмоционально.

– Ну вот! Теперь тебе есть в чём каяться, – обрадовался Феликс. – Ты судил ближнего!

Исповедуясь, я рассказал отцу Александру, что ехал к нему в безгрешном состоянии и буквально на пороге храма тяжко погрешил словом, осудив музыкальную знаменитость.

Отец Александр тихонько засмеялся и сказал:

– *Николай Николаевич! Ну что вам этот музыкант? Ну что вы этому музыканту? Да плюньте вы на него и не вспоминайте!*

Илья Корб

Как-то в один из приездов я взял с собой в Новую Деревню на службу одного знакомого, занимающего довольно крупный пост, и его жену. Послушав отца Александра во время исповеди, они меня спросили, не говорил ли я об их проблемах отцу Александру, так как всё, что говорилось, воспринималось как очень личное и обращённое персонально к ним. Их это потрясло. Это потрясло всех! И так каждый раз, бывая в храме, мы чувствовали не общее, а очень личное обращение, от которого все твои тревоги, сомнения, стыд о содеянном постепенно уходили из сердца, и оно наполнялось покоем и радостью.

Зоя Масленикова

Мне предстояло причащаться, а под утро приснился гнусный сон. Разбудил меня будильник. Под чарами этого сна я быстро оделась и через четверть часа была в церкви. Рассказала на исповеди сон, закончив словами:

– Ведь если верить Юнгу, это образ моей души.

– *Почему же всей души?* – живо возразил отец Александр. – *Какой-то её части. Вы за последние годы перестроили свою жизнь, свои этические установки. Но было время, когда вы жили и думали иначе, под гнётом безнадежности. И вот из вас выходят осколки вашего ранения. Вы отрубили змее голову, а она всё ещё шевелится, хочет обрести телом. Это очень хорошо, что снятся такие сны. Гной выходит наружу из каких-то закоулков подсознания. А иначе вы могли бы думать, что всё благополучно, и сложить руки.*

На Петра и Павла он служил в последний раз перед отпуском. Народу на исповедь пришло очень много, поэтому я была предельно кратка. Попросила у батюшки прощения.

– *За что?* – воскликнул он.

– За то, что столько тяжёлого идёт от меня.

– *Ну, что вы! Я переживаю всё это вместе с вами, сострадаю вам, я ведь многое так же чувствую. Sancta indifferentia* (лат. – святое равнодушие. – Ю.П.), – говорил он. – *Sancta – страсть, indifferentia – высшая самоустранённость. Где-то между ними золотая середина.*

– Этот высокий идеал не для меня. Просто я не так устроена.

– *Все высокие идеалы недостижимы, а стремиться всё-таки надо. Знаете что? Я вам разрешаю забыть всё прошлое. Начнём с самого начала, вернёмся к истокам: к вере, надежде, любви.*

Лада Негруль

Однажды на исповеди у отца Александра, слушая и глядя на него, я вдруг подумала: «А почему он так активно жестикулирует?» И тут же поняла... Так это я жестикулирую! Это я объясняю ему что-то про свои грехи и про то, откуда они взялись, активно «разговаривая» руками – эмоционально так, по-актёрски. А отец Александр просто говорит со мной на *моём* языке, чтоб я его поняла! Прямо по апостолу Павлу – «для всех я был всем...»

Как-то исповедуясь, пожаловалась на то, что мой молодой человек не хочет жениться, поскольку исповедует «свободные» отношения. Вместо того чтобы мне посочувствовать, батюшка смерил меня оценивающим взглядом с ног до головы и произнёс: «*А что, какая-то дефективная?*» Вот так, с юмором, одной фразой и одним жестом отец Александр вернул мне самоуважение и неприятие греха. Ведь сразу же подумалось: «Действительно, вроде я без особых дефектов, так почему же со мной надо так унижительно обращаться, и почему я это терплю?» Это подействовало на меня больше, чем просто сочувствие.

Юрий Пастернак

Те, кому посчастливилось исповедоваться отцу Александру, наблюдали феномен, о котором я хочу рассказать. Дорога в Новую Деревню неблизкая – я, например, ездил туда из Беляево. Автобус, метро, электричка, снова автобус – порой на дорогу уходило часа два с половиной. Это время было плодотворным по части подготовки к исповеди. Успеешь и список составить, и поразмышлять над ним, и, устыдившись, покаяться. И вот приезжаешь в Деревню, и батюшка начинает говорить подряд по твоему списку, да ещё и с деталями и частностями. И не в том дело, что «*джентльменский набор грехов невелик*, – как шутил батюшка, – *пальцев двух рук вполне хватит для их перечисления*». А в чём дело – я до сих пор не могу понять. Быть может, во время общей исповеди являлась таинственная атмосфера Божьего присутствия, где, как во время Пятидесятницы, каждый слышал отца Александра, говорящим его наречием о том, что ему было особенно важно услышать перед таинством покаяния.

Из дневника (30 декабря 1984 года)

На исповеди я рассказал отцу об искушениях: дескать, различие у меня есть, я осознаю, вижу мотив, начало движения, ситуацию тоже вижу – вот левое, вот правое, но нет сил остановить искушение, противостоять ему. Что-то находит на меня, и ситуация затемняется. На это отец Александр ответил, что «*христианство – не самовоспитание, не самоусовершенствование, не паллиатив. Необходимо возопить из глубины всего существа, нужно просить, молить о втором рождении, когда движение “влево” просто невозможно. Всё становится совершенным, абсолютно верным*».

Из дневника (7 апреля 1985 года)

Два праздника совпали в этот день: Благовещение и Вербное воскресенье. Дорога в Пушкино была мучительной и казалась очень долгой. Дождаясь своей очереди к исповеди, я лихорадочно обдумывал, о чём говорить. Главная невысказанность была надёжно припрятана на самом дне души, хотя мне казалось, что отец всё знает. Что до остального, то, обдумав, я решил оттолкнуться от его мысли об «игре с Богом». Попав в его харизматические объятия, я пролепетал своё обычное: «Добрый день, отец Александр!» Он стал что-то говорить. Я, по обыкновению, не слушая его, стал ожидать свой черёд говорить. Но после заветного: «*Как ваши дела?*» – я растерялся и лукаво посетовал, что формулировать на исповеди – это самое трудное для меня дело. На что батюшка ответил, что «*это очень важно, это требует усилий, работы. Беса нужно назвать, тогда он будет заговорён*». Я сказал о поразившей меня мысли, что с Богом не стоит «играть», а ещё о том, что я не умею готовиться к исповеди, как если бы она была последней, «как перед расстрелом» (по выражению владыки Антония Сурожского). На

что отец ответил, что *«очень важно, чтобы, как у поэта в моменты творчества, у нас были горячие дни, дни с высокой температурой»*.

Из дневника (13 июля 1985 года)

На исповеди вместо того чтобы слушать мой бред, отец Александр, взяв меня под локоть, сказал: *«Ну вот, это огромное счастье, что мы можем предстать перед Ним, поведать Ему о главном. Подобно молнии Христос сжигает наши грехи, и мы приходим к Нему, приносим весь наш мусор. Ну...»* И крепко сжав мне голову руками, он горячо помолился и отпустил мои грехи, целый воз мусора.

Из дневника (19 августа 1985 года)

На исповеди отец Александр сказал мне: *«Сегодня, в такой праздник, нужно подходить к Чаши с особенным чувством. Что-нибудь беспокоит вас?»*

– Батюшка, я хотел бы просить вашего благословения на принятие обета молчания до конца поста. Если можно, я поясню. В теперешней моей ситуации: ребёнок, тёща и т. д., происходит много бытового говорения. И я вижу, как из зёрен первых слов разрастаются сорные кусты негативных, нежелательных ситуаций.

Отец Александр: *«Я хорошо это понимаю. Бог приходит, когда мы молчим. Даже шум наших мыслей мешает нам принять Бога. Я вам обязательно дам почитать роман Гюисманса, католического писателя. Это начало века. Роман о монастыре молчальников, где говорит только один монах, остальные слушают. Так они работают в поле, живут, молятся. Майстер Экхарт¹⁴ говорил, что Бог в молчании произносит Своё Слово. Только вы не доводите до нелепости: по необходимости отвечайте односложно – “да”, “нет”, чтобы не создавать затруднений для домашних. А вообще это дело хорошее. Полезно иногда помолчать»*.

– Вы благословите меня?

– Конечно же! Да!

Из дневника (29 декабря 1985 года)

На исповеди отец Александр сказал мне следующее: *«Вот, осталась неделя поста. Во время поста мы создаём наш внутренний мир. Христос даёт нам этот мир. Вы мудры, вы добры, вы наполнены миром. Излучайте его на всех. В своей семье, со своей замечательной женой и ребёнком, со всеми. Легко разрешайте все проблемы, будьте великодушным и мирным»*. Затем, помолившись, он отпустил мне грехи, благословил и, получив от меня записку с именем Μερίτων Σάρδεων, добытом мною по его просьбе у Н.П. Аверинцевой, посетовал, что негде поискать, посмотреть, нет словарей и т. д. Сегодня трудно представить, что в 1985 году Интернета ещё не было, и при отсутствии словарей, справочников, энциклопедий по библейской тематике отец Александр совершил уникальный научный подвиг, создав практически в одиночку Библиологический словарь. Ему приходилось преодолевать огромные трудности в поисках одного лишь слова, одной даты, имени, единственной детали. В этой работе ему посильно помогали прихожане.

Из дневника (1 мая 1986 года)

На исповеди в ответ на перечисленные мною грехи батюшка сказал: *«Борьба с грехами не личное ваше дело, это наше общее дело. Существуют косные, мешающие нам, удерживающие нас силы. Надо противоборствовать, противостоять им. В этом наша эволюционная задача»*.

¹⁴ Майстер Экхарт, т. е. учитель Экхарт (1260 – ок. 1328) – средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков.

Из дневника (5 ноября 1987 года)

Отец Александр на исповеди спросил, как у меня дела. Я сказал, что старые грехи выметены, есть чувство защищённости. На это он сказал: *«Очиститься – не главное. Главное – заполнить пустое чистое пространство»*. Напомнил слова Христа о том, что дух злобы, покинувший человека, нередко возвращается и, найдя помещение выметенным, чистым, вселяется туда снова да ещё со своими приятелями.

Ольга Полянская

Почти о каждом избраннике Божиим говорят, что он примирял людей с Богом. У отца Александра, без всякого сомнения, был этот дар. Помню, примчалась к нему с ропотом: не хочу жить в мире лжи, клеветы, несправедливости, войн, предательств («повсюду ходят нечестивые, когда ничтожные из сынов человеческих возвысились». – Пс. 11:9). И я возмущённо делала упор на «не хочу». И в ответ обескураживающе спокойная, ласковая интонация: *«Правильно, ты меня радуешь, ты так и говори: “Господь, я хочу жить (с упором на “хочу жить”) в Твоём мире, по Твоим законам Любви и Божественного милосердия”»*. И в этот миг эти слова снова примирили меня с Богом. Ведь сам он, наш пастырь, всегда жил по законам Любви и Божественного милосердия, они были написаны в его сердце.^[28]

Евгений Рашковский

Однажды на исповеди я спрашивал отца Александра, не безнравственно ли отсиживаться за своим письменным столом, вместо того чтобы, подобно другим, мужественно выступить против действий властей? На что отец Александр ответил: *«На мученичество не напрашиваются, мученичества надо сподобиться»*.

Ирина Рязанова

Прихожанин спросил на исповеди:

– Как не бояться смерти?

– *Да полюбить её!*

Людмила Степурко

В этот раз исповедь длилась не больше полутора-двух минут. Но, как всегда во время евхаристического канона, отец Александр прерывает исповедь и, встав на колени, молится вместе со всеми. И в конце исповеди он мне говорит: *«Вот, когда вам станет как-то... не очень... начинайте перечислять всё то хорошее, что у вас есть... и вокруг вас»*.

Андрей Тавров (Суздальцев)

Однажды я был очевидцем ситуации почти комической. Я стоял в небольшой очереди на исповедь к отцу Александру, которая шла параллельно службе, и поневоле стал свидетелем того, как одна из прихожанок, которая ему исповедовалась, принялась отчитывать отца Александра, упрекая его в непонимании и разных грехах. Случай редкий, но не необычный. Необычным было то, что священник смиренно всё это выслушал, словно это он пришёл на исповедь к своей прихожанке, а не она к нему. Он так и стоял и слушал, не возражая ни словом, не прерывая гневную девушку ни на мгновение до тех пор, пока её обличительный пыл не начал иссякать и терять силу. Произошло это совсем не скоро, но в конце этого периода, когда всё утихло, я снова услышал его ободряющий низкий голос, а через некоторое время эта прихожанка сошла с клироса совершенно сияющая и, видимо, успокоившаяся.

Однажды, проснувшись рано утром в воскресенье, спросонья я выпил чашку кофе и уже потом спохватился, что собирался причаститься.

На исповеди перед причастием я сказал про кофе отцу Александру в надежде, что он всё равно меня допустит. Но реакция его была неожиданной: *«Аскеза – вещь хорошая, – сказал он. – Поупражняйтесь. Будет повод лишний раз сюда приехать»*, – добавил он, улыбаясь. На такой «отказ» невозможно было обижаться, потому что это вовсе и не был отказ – это была как бы форма взаимного совещания – чудесный дар, которым, к сожалению, так мало людей владеет.

Владимир Файнберг

Одна молодая женщина, попав в трудную житейскую ситуацию, долго боялась прийти на исповедь к отцу Александру. Её мотало то в Сергиеву лавру, то в Пюхтицы, то куда-то ещё, где отчитывали бесноватых. От всего этого, от своей трагедии она страшно душевно устала. Нигде не находила утешения. Отец Александр сказал ей: *«Мало вам трудностей тут? Мало вокруг сумасшедших?»* Наконец она решилась. Во время исповеди, рыдая, сообщила, что ею совершён страшный грех – и теперь она беременна, на седьмом месяце.

Отец Александр развернул её к себе, выдохнул: *«Это же прекрасно! Будет ребёнок!»* И тем спас от самоубийства.

Батюшка исповедует на левом клиросе. Ему трудно. Он один. Нет дьякона, никого, кто помогал бы вести службу.

– *Как хорошо, что вы приехали! Я ждал. Вот, между нами Христос... Скажите, что у вас на душе?* – Лицо усталое, опухшие подглазья. Месяц, как мы не виделись. Львиная грива волос и борода поседели ещё больше...

Мне совестно говорить о своих проблемах, своих душевных муках. Но, обняв за плечо, он прижимает меня к себе. Слушает. И, когда в конце исповеди я с отчаянием говорю, что, наверное, недостоин быть в церкви, чувствую себя повинным чуть не во всех грехах, он неожиданно прерывает: *«Не думайте, будто в церквях собираются одни святые. Может быть, вот сейчас мимо храма под дождём и снегом идёт никому не известный человек – чище и святее, чем все мы, вместе взятые»*.

Наталия Шеманова (Никитина)

Каждый из нашей малой группы раз в месяц ездил в Новую Деревню на исповедь к отцу Александру. Отец был настолько сильным священником, что все приезжающие старались исповедоваться только ему – к другим священникам никто не шёл. Поэтому он всегда просил идти и к другим священникам тоже. Отец Александр был удивительно широким человеком. На общих исповедях он всегда призывал к покаянию, однако когда прихожанин подходил к нему с индивидуальной исповедью, прежде всего отец старался утешить его и поддержать. Для него было главное, чтобы прихожанин не был в унынии, и он всячески поощрял любое творчество. Как сказал Саша К., у него ощущение, что он «висит над пропастью и держится за рясу отца Александра». Я думаю, в то время многие могли бы так сказать о себе.

Когда у отца Александра спрашивали, какая проблема исповеди наиболее важная, отец говорил: *«Часто люди приходят на исповедь, и первые слова, которые они говорят, – “мой муж”, “мой сын”, “мой зять”, вместо того чтобы начинать исповедь с “я”»*.

Георгий Шиловский

Стою я в очереди на исповедь. Передо мной старушка исповедуется отцу Александру: «Батюшка! Я вот оглохла! Что мне делать?» Отец Александр обнял её и говорит: *«И хорошо, что ты оглохла! Теперь меньше будешь грешить!»*

Татьяна Яковлева

Однажды на исповеди я пожаловалась отцу Александру на свою знакомую. Я говорила об одном её недостатке, который меня сильно раздражал, причём я ожидала, что он скажет что-то вроде «на себя посмотри», потому что нечто подобное было свойственно и мне. Но он мне ответил *«Всё видеть, всё понимать и всё прощать»*.

Однажды после исповеди я пришла в состоянии эйфории, прямо на крыльях лечу. Я сказала об этом отцу Александру. Он ответил: *«Сердце должно быть на небе, а ноги на земле»*.

В домике при церкви

Если бы маленький кабинет отца Александра мог поведать обо всём, что в нём происходило, была бы заполнена драгоценная страница истории духовной жизни России.

Ив Аман

Ариадна Ардашникова

В Сретенскую церковь Новой Деревни ездила моя дочь Мария. Она крестилась у отца Александра, и он был её духовным отцом. Однажды она сказала, что отец Александр хочет со мной познакомиться. Я поехала к нему.

В узком коридорчике церковного домика сидела очередь, я поняла, что свидание будет недолгим. Так оно и было. К сожалению, из разговора ничего не помню, кроме своего напряжения и смущения. Прощаясь, сказала: «Александр Владимирович, только я не хочу креститься: бабушка моя перенесла погром от православных во главе со священником, так что креститься не буду». «А я вам не предлагаю», – ответил он.

По дороге домой ощущала, что и вела себя не так, и говорила глупо. Но я начала ездить к отцу Александру и стала нуждаться во встречах с ним. В конце 80-го года сказала ему, что хочу креститься. Девять месяцев он укреплял своими отказами моё желание принять крещение, побуждая во мне движение к Таинству. Отец Александр назначил крещение на 10 июня 1981 года.

В Духов день мой муж Вадим и я приехали в Новую Деревню. Народу в церковном дворике было необычно мало, а я не поняла этого тёмного знака. Мы ещё не вошли в ворота, как худенькая женщина в платке подошла ко мне: «Вы Арина? Отец просил не входить, у него “гости”, пойдёте!» Вадим уехал в Москву на работу, а мы с ней пошли запутанными просёлочными улицами и наконец вошли в тёмную бревенчатую избу с завешенными для конспирации окнами. Посреди пустой, довольно большой и тёмной комнаты – деревянный стол. За столом несколько человек. На столе икона, распятие и старинная Библия. Зажгли свечу. Первый раз видела я общую молитву в доме. Села поодаль. Читали псалмы и в молитвах просили Господа об отце Александре, чтоб не взяли его. «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Мне тоже предложили прочесть из Библии. Я читала, но ничего не понимала из того, что читала. Молиться вслух стеснялась. Так прошли часы, прежде чем по условному стуку вошли и сказали, что «гости» ушли, отец Александр ждёт меня. В маленькой комнате отца в церковном домике светился только киот, синь за окном – на дворе были поздние сумерки. Отец встретил меня оживлённый и свежий (после долгих часов «беседы с гостями»... А может, и обыска?). Сказал весело, что, как только собирается крестить человека, сатане неймётся, чего только он не придумывает! Один раз по дороге к отцу человек даже ногу сломал! Но «мы должны бодрствовать, и – дьявол бессилён!»

Во время крещения отец Александр накрыл меня висевшим у киота белым накрахмаленным платом. Я переживала до такой степени, что слов отца Александра не слышала. Ничего больше не помню, даже миропомазания... На груди непрерывно то холодил, то обогревал меня крест на серебряной цепочке. Мы храним его дома, боясь потерять. На нём прикосновения рук нашего отца.

Мария Водинская

Однажды в Новой Деревне, после службы, в кабинете отца Александра я наливала ему чай и случайно налила его в чашку, из которой он раньше пил кофе. Отец выпил чай, ничего не сказав. Чай был полон кофейной гущи. Я обнаружила это потом, когда стала мыть чашки...^[29]

Ирина Вышеславская

Однажды, когда я приехала в очередной раз в Новую Деревню, отец Александр сказал мне, что домик закрыт по распоряжению КГБ, общение с прихожанами разрешено только на исповеди, и у многих наших общих знакомых, его духовных чад, неприятности.

Мы стояли на крыльце. Я слушала эти грустные сообщения и растерянно смотрела вокруг, не зная, что теперь делать. А отец Александр между тем говорил: *«Видите дом напротив? Оттуда сейчас смотрят на нас, возможно, фотографируют. И в Коктебеле, оказывается, чуть не за каждым кустом сидели, целый фильм сняли. Я вам советую некоторое время не ездить ко мне, но и бояться ничего не надо. В конце концов, неприятности в КГБ – это норма жизни для порядочного человека в России. Даже стыдно прожить без этого»*. И он весело рассмеялся.

Ольга Ерохина

Изредка я посещаю один дом, где отец Александр бывал часто. Там за стеклом книжного шкафа его летящим почерком записка: *«В 16:00 настойчиво постучитесь ко мне»*. Хозяйка рассказала мне историю этой записки. Она ждала разговора у его кабинета, где кто-то очень долго сидел и не выходил. Вдруг распахивается дверь, отец Александр протягивает ей эту бумажку, и дверь снова закрывается. Выждав до 16:00, она стучит в дверь, отец говорит посетителю: *«Ну вот, мне пора...»* Случай комический, но как по-иному читается сегодня его: *«...настойчиво постучитесь ко мне»*, как обнадеживающе звучит.

Марина Журинская

Ожидая очереди на разговор с отцом Александром, несколько человек коротали время, перелистывая старый церковный календарь, и позволили себе посмеяться над фотографиями епископата. К счастью, в это время батюшка проходил мимо. Завладев календарём, он стал говорить, указывая на тот или иной снимок: *«Он был крупнейшим знатоком современной музыки и состоял в личной переписке с Онеггером, а этот – при жизни его обвиняли в сотрудничестве с властями, а потом спохватились, что ни один из храмов его епархии не был закрыт»*.

Монахиня Клер (Латур)

В тот вечер была встреча с молодёжью в маленьком домике около церкви, и отец Александр меня туда пригласил. Помню, он плотно закрыл все двери в доме, где собралось человек шесть: православные, протестанты, католики. Отец Александр говорил о любви и единстве между людьми разных убеждений, мы молились вместе. Тут я познакомилась с Сандром Ригой¹⁵.

Отец Александр приглашал меня, когда это было возможно, но если чувствовал опасность, то говорил «нет». Он не хотел, чтобы я кого-нибудь скомпрометировала, и я тоже этого не хотела. Я ему полностью доверяла и была на этот счёт спокойна. Каждая встреча с ним имела для меня большое значение. Когда я ждала в комнате рядом с его кабинетом, я чувствовала себя немножко его духовной дочерью.

Зоя Масленикова

В батюшкином кабинетике я рассказала о том, как руководят в Лавре Наташей Г.

¹⁵ Сандр Рига (Александр Родберг, р. 1939) – художник, христианский деятель, основатель экуменического движения в Советском Союзе.

– Увы, сейчас стремительно развивается неомракобесие, – отвечал батюшка. – Мне всё это слишком хорошо знакомо. Это самый лёгкий путь. При этом можно прекрасно жить в миру, строить карьеру, хоть академиком стать. Важно одно: вернувшись с работы, почитать Добротолюбие и молитвенное правило подольше, ходить в церковь, поститься – и человек квит с Богом и миром. До мира и его состояния ему дела нет.

– Они говорят: спасись сам, и тогда тысячи вокруг спасутся, – вставила я.

– Как они не понимают, что это неотрывно, что ни на каком этапе нельзя ни дня, ни часа спастись одному!

Олег Степурко

Однажды в дни гонений на отца Александра «контора» подслала провокатора, который в роли неопита должен был попросить у отца Александра какую-нибудь книгу, и, если бы она оказалась «тамиздатовской», это можно было бы ему инкриминировать. Но у отца Александра везде были почитатели (в том числе и в «конторе»), и его предупредили о провокаторе. Отец Александр дал ему почитать номер ЖМП («Журнал Московской Патриархии»). Когда тот через некоторое время пришёл вернуть журнал, то чувствовал себя крайне скованным и не знал, как себя вести и что говорить. Отец Александр пришёл ему на помощь: когда тот заметил, что в домике много мух, отец Александр предложил ему их перебить и дал брошюру Белова и Шилкина «Диверсия без динамита»¹⁶. Невозможно было удержаться от смеха, когда отец Александр с таким юмором и неповторимой интонацией рассказывал, как засланный товарищ, необычайно воодушевлённый, носился с атеистической брошюрой по комнате и остервенело бил крылатых врагов.

Андрей Тавров (Суздальцев)

Как-то я зашёл в домик при церкви, где батюшка принимал посетителей. В комнатке находился молодой человек, с которым отец Александр нас познакомил. А.С. – потомок старинного рода, обладающий безупречно правильной речью и отменными манерами, собирался ехать в Оптину пустынь, которую совсем недавно передали Церкви. До этого там был то ли техникум, то ли ремонтные мастерские, сейчас не помню. Этот мальчик стоял и рассказывал отцу Александру о своём недавнем посещении какого-то монастыря и восторгался иконами, пением, архитектурой. Он говорил вдохновенно, и было видно, что он жил этим, что его особенно радовало, что все эти замечательные приметы христианского искусства продолжают жить в богослужении, что они для него имеют особый и дорогой сердцу смысл.

Отец Александр внимательно слушал, а когда А.С. закончил, подошёл к окну и показал на скромный деревянный крест на куполе новодеревенской церкви. *«Пока есть это, всё остальное приложится, – сказал он. – Если мы не утратим Крест, символ жертвенной любви Христа, мы ничего не утратим. Всё остальное будет расти и развиваться вокруг этого главного – и пение, и библиотеки, и иконы, и архитектура. Но если утратить основной смысл, то всё остальное будет ни к чему».*

Наталья Трауберг

Я помню, в 75-м году я сидела у него в комнатке и говорила: «Отец, не могу!» У меня была такая проблема, что уезжали мои близкие друзья один за другим, одна семья за другой. А я уехать не могла, потому что я понимала, что просто убью своих родных тем, что они расстанутся с внуками. И тем, что папа, который был космополитом, который всю жизнь пропахал

¹⁶ Советские публицисты А. Белов и А. Шилкин в своей книге «Диверсия без динамита» (1972) рассказывают, как, прикрываясь религией, используя некоторые церковные организации, Запад ведёт идеологическую войну, пытаясь подорвать социализм изнутри.

при советской власти и когда-то при ней даже стал не первым, но хоть каким-то полуторным учеником, а потом сверзился оттуда, – это будет для него так страшно, что он просто умрёт, не сможет жить от страха, что у него уехала дочка. И он станет изгоем, а он бы этого не вынес. Он и так им был отчасти, а так стал бы совсем изгоем.

И вот я очень страдала. Но как-то я ещё тянула, но когда уехали к 75-му уже все... <...> Я сказала отцу Александру, что не могу, что просыпаюсь в луже слёз. Правда, просыпалась и во сне плакала. Он сказал: *«Смотрите, воробей идёт какой-то, кошка, зима, что-то сверкает, блистает. Бог держит нас, сколько чудес – живите этим, сколько можете»*.^[30]

Владимир Файнберг

Однажды, когда мы остаёмся наедине в кабинетике, я осмеливаюсь:

– Отец Александр, батюшка, крестите меня. Я, кажется, созрел.

– *Это в вас говорит пионерский энтузиазм*, – отвечает вы. – *Давно читали Евангелие?*

– В своё время всю Библию одолел, – говорю я, несколько обидевшись, – в Коктебеле целую зиму читал, заставила Мария Степановна Волошина.

– *К Ветхому Завету нужен ключ. А вот Евангелие... Есть Евангелие? Спокойно, не торопясь, прочтите заново. Когда вы на самом деле дозреете, я это почувствую, сам назначу время крещения. Договорились?*

Чувствую, что вы, может быть, и правы. Но мне обидно. И я спрашиваю вас о неприятных нищих на паперти – с какой стати нужно подавать милостыню им, явным тунеядцам?

«Солнце одинаково светит всем, – отвечает вы, – как и милость Господня. С чего это вы взялись судить этих несчастных? Кто знает, что довело их до такого состояния...»

Людмила Чиркова

А с отцом Александром мы встретились уже после моей выписки из клиники. В этот раз Серёжа с Леной Бессарабские не могли поехать в Новую Деревню утром к началу службы, и прибыли мы туда уже только к самому концу. Отец Александр говорил проповедь. После проповеди он венчал молодую пару. А мы пошли ждать его в домик при храме. Там у отца Александра, который к тому времени стал настоятелем, была уже не просто комнатка, а свой кабинет с библиотекой. А рядом была комната, которая, как я понимаю, служила трапезной и одновременно «предбанником» при его кабинете. В этой комнате мы и сидели. И не только мы, но и ещё человек двадцать самого разного люда. У каждого были свои вопросы к батюшке, и каждый надеялся на его помощь, совет, поддержку.

И вот наконец открывается дверь, входит отец Александр, а с ним какой-то человек в строгом деловом костюме. Батюшка просит подать в кабинет чаю и скрывается там с этим «товарищем». Народ грустно вздыхает:

– Этот надолго.

– С чего вы взяли? Может быть, скоро уйдёт.

– Нет, такие скоро не уходят. Это депутат. Видели значок депутатский у него на лацкане?

Люди приготовились ждать. Но через небольшой промежуток времени дверь кабинета открывается, отец Александр с посетителем выходят и... направляются к выходу. При этом отец Александр объявляет всем, что он должен сейчас отлучиться и будет только часа через четыре. Народ обречённо вздыхает:

– Увёл-таки батюшку...

Через десять – пятнадцать минут все, кто ожидал беседы с отцом Александром, тоже куда-то исчезают. Лена с долей радости отмечает:

– Ну, вот мы одни остались. Дождёмся батюшку и поговорим. И ему облегчение на сегодня. А то уже замучили его все...

Но Сергей резонно замечает:

– Ты думаешь, они совсем ушли? Подожди, через четыре часа все снова соберутся.

Так и случилось. К назначенному времени комната вновь стала заполняться народом. Но так как мы никуда не отлучались, а стойко выждали всё это время, нам уступили очередь.

И опять я очутилась в комнатке отца Александра. Малюсенькая совсем комнатка: диван, столик, несколько стульев и много-много книг. А на стене большое изображение лика с Туринской плащаницы.

Беседа с отцом Александром протекала спокойно. Самая большая проблема на то время у меня была в недостатке общения с верующими, близкими по духу людьми. И тогда отец Александр предложил мне переписку с подругой его покойной мамы, одинокой старушкой, которую судьба забросила в Казахстан. Конечно же, я была рада хотя бы такому заочному общению. Но честно призналась отцу Александру, что смущаюсь первая писать пожилой женщине и навязывать своё общение. Тогда он мне ответил, что сам даст ей мой адрес и попросит, чтобы она мне написала. Так он и сделал.

Вскоре по приезде домой я получила письмо из Казахстана от Аси, где она писала, что ей прислал мой адрес отец Александр и просил вступить со мной в переписку. Я, конечно, ей ответила с радостью. И переписка наша с Асей продолжалась до самой её кончины в 1994 году.

Ну а с отцом Александром это была последняя наша встреча. Состоялась она 12 августа 1990 года. А менее чем через месяц Господь принял его в Свои обители...

Община

Мы в вечность уносим то, что здесь, взявшись за руки, собрали в своих душах...
Александр Мень

Анастасия Андреева

«Друзья мои, всё, что с нами происходит, всегда чудо. Мы не “клуб по интересам”, есть некая тайна, которая будет связывать нас и далее. “Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них”. Но надо преодолеть нашу немощь», – говорил отец Александр своим духовным детям.

Андрей Анзимилов

Отец Александр, когда его однажды спросили, что он думает о христианском общении, ответил: *«Христианское общение должно быть целенаправленным и структурированным. Совместная молитва, каноническая и свободная, доклад, обсуждение и в конце – общий чай для дополнительного обсуждения и обмена новостями. Люди должны понимать, что участвовать в христианских приходских группах значит не болтологией заниматься, а служить друг другу, Церкви и Христу. Для углубления собственной веры и помощи новоприведшим. А всякие посиделки – пустая трата времени».*

Священник Владимир Архипов

Между отцом Александром и теми, кто к нему приходил, устанавливался контакт, появлялась связь, возникали отношения. Отец Александр, видя, что кому нужно, предлагал людям определённые дела или, как можно по-монастырски сказать, послушания. Он хотел, чтобы все мы стали соделателями, сотрудниками, соратниками и ему, и Церкви, и Богу. И поскольку это был человек великого творческого потенциала, он каждому находил нужное дело. Пусть даже маленькое, но именно оно становилось важным.

Анна Борзенко

Долго мы не понимали смысла молитвенных общений. Нам нравилось наше уединение, и мы не стремились с кем-то общаться, молиться, читать Евангелие вместе. Отец называл нас *«Робинзонами»*, *«Адамом и Евой»*, нам казалось, что это очень круто. Я благодарна Ольге и Марку Вайнерам, которые приглашали нас с Володиёй, когда собирались друзья и приходил отец Александр. И всё равно что-то важное не доходило до нас, и мы продолжали почти гордиться своей отдалённостью от всех. Поняли мы, насколько важны молитвенные группы, только после гибели отца. Я тогда вообще какие-то вещи осознала как будто в первый раз. Я ехала в метро и словно в первый раз читала Евангелие. Мне сложно это объяснить, но было полное ощущение, что это происходит сейчас, со мной: Гефсиманский сад, Пётр у огня, разговор с Пилатом, крестный путь, Голгофа... Как я раньше всё это читала? Как? Как что-то, что было, но оставляет меня если не равнодушной, то какой-то отстранённой. И вдруг понимаешь: и ты там, с Ним, через отца Александра, которого за Него убили. Боль страшная ещё и оттого, что понимаешь: глаза твои были удержаны, ты не видела Его.

А потом вдруг я осознала, что отец Александр мне лично говорил некоторые вещи, которые я должна теперь сделать. Так однажды на проповеди батюшка рассказал об РДКБ – Детской республиканской клинической больнице, где лежат немосковские дети со страшными диагнозами. Отец Александр обратился ко всем нам и сказал: *«Если можете, пойдите к этим детям. Им и их мамам страшно, больно, одиноко».* Меня тогда потрясло то, что сказал батюшка. И,

подойдя к кресту, я говорю ему: «Вы же понимаете: у меня четверо маленьких детей, и я, конечно, не смогу ходить. Но я могла бы им посылать апельсины». Дело в том, что апельсины были тогда большой редкостью, и мне казалось, добывая их и посылая детям, я сделаю что-нибудь хорошее для них. Если честно, откуплюсь. А отец Александр так просто мне сказал: *«У них всё есть. Им нужна ты»*. Я отошла в недоумении и расстроенных чувствах, напомнив себе богатого юношу из евангельской притчи.

Так вот, когда убили отца Александра, я сразу пошла в эту больницу к детям.

Священник Йозеф Гунчага

Впервые я посетил СССР в 1976 году. Тогда я учился на пятом курсе медицинского университета. Мы с моими словацкими друзьями хотели познакомиться с местными верующими. Это было довольно сложно, так как большинство людей боялись даже заговорить с иностранцами.

Личность отца Александра Меня была хорошо известна нам ещё в Словакии, и мы решили встретиться с ним. В этом нам помог Сандр Рига, лидер экуменической группы. Также мы познакомились с учениками отца Александра и старались поддерживать их, видя, как под угрозой ареста они продолжали открыто исповедовать свою веру.

Однажды на одну из таких встреч пришёл отец Александр. Сразу было видно, что это человек совершенно особого духовного склада. Он без подготовки прочёл целую лекцию, почти богословский трактат на заданную тему. Я был восхищён тем, как отец Александр интересно, легко и исчерпывающе отвечал на самые сложные вопросы. Периодически он подходил к телефону, и сразу стало ясно, что передо мной очень активный священник, вокруг которого много людей, нуждающихся в нём.

Евгений Данилов

Отец Александр для меня не просто выдающийся православный миссионер, писатель, богослов, общественный деятель, но мой пастырь, человек, который очень сильно на меня повлиял в смысле духовного становления. В один из дней светлой седмицы 1984 года он меня крестил.

В конце семидесятых я познакомился с Севой Емелиным, ныне известным поэтом, и Ваней Зубковским, племянником поэта Дмитрия Бобышева. В 1983 году Иван сказал, что его с Севкой кто-то пригласил на катехизаторские беседы, которые ведёт известный киновед, сотрудник Института кино Андрей Бессмертный. Вёл он их у себя дома, в малогабаритной квартирке на Мосфильмовской улице. Народу собиралось прилично, так что порой даже мест посадочных не хватало. Слушателям давались для ознакомления книжки выдающихся русских религиозных философов, таких как Флоренский, Булгаков, Бердяев, святоотеческая литература. Андрей, не знаю, правда, как ему это удалось в те-то годы, смог собрать у себя роскошную библиотеку духовной литературы.

На одну из наших еженедельных посиделок как-то и приехал отец Александр и читал нам очень интересную лекцию по Ветхому Завету. Он-то и был инициатором создания этих катехизаторских курсов. Всё происходящее отчасти напоминало общение христиан где-нибудь в римских катакомбах.

Помню, как меня однажды попросили прочесть вслух небольшой фрагмент из Евангелия. Это было... словно выход в открытый космос. Никто не торопился друг с другом знакомиться, представляться. Все прекрасно понимали, чем эти наши общения грозят. Худшие опасения позже, к сожалению, подтвердились. Уже после того, как наша группа прошла катехизацию и все были крещены, к Андрею нагрянули сотрудники КГБ, провели обыск и завели на него дело, долго трепали нервы, не дали, кстати, защитить кандидатскую. Наверняка были внедрённые в

окружение Андрея сексоты¹⁷. Я на тот момент был уже в армии, а когда с ним встретился в 1988 году, то увидел, что у него появились седые волосы, которых раньше не было. Если б не грянувшая перестройка и послабления – может, и посадили бы.

Андрей Ерёмин

Малые группы – домашние церкви – поддерживали первых христиан, когда ещё не было монашества и старчества, когда христианство было открыто миру. В возвращении к этим формам отец Александр видел судьбу Церкви и человечества. *«Сейчас, – говорил батюшка, – дуют очень холодные ветры, и вера больше не может быть тёплым убежищем от бурного неуютного мира. И это справедливо, потому что христианам дана сила жизни и сила упования, а не ещё одно анестезирующее средство».*^[31]

Отец Александр постоянно приезжал в малые группы, устанавливал в них дух единства, разрешал конфликты, укреплял авторитет лидеров. Его приезд всегда был праздником для общины. Собрания обычно начинались с молитвы, на которой каждый мог сказать своё слово. Вслед за тем шла беседа. Обычно батюшку просили разъяснить какую-либо важную церковную тему. А после ещё долго задавали вопросы. Потом начиналось обычное весёлое общение за столом – шутки, экспромты, остроумные каламбуры батюшки. Он создавал вокруг себя необыкновенно тёплую, дружескую атмосферу. Сидел рядом с нами, пил чай из большой кружки, говорил о проблемах Церкви, о наших задачах, и жизнь в общине получала как бы новый импульс. Это были удивительно счастливые встречи, после которых хотелось начать следующий день смелым и сильным соратником Христа.^[32]

Григорий Зобин

Я начал заниматься в одной из малых групп. Эти группы молитвенного общения батюшка создавал в самые чёрные годы. Участие в них, не говоря уже об организации и ведении, могло стоить нескольких лет свободы. Мы изучали Писание и традицию Церкви. Собирались без звонков, на время занятий отключали телефон, занавешивали окна – и всё только для того, чтобы молиться и постигать основы религиозной грамотности!

Малые группы стали своего рода «религиозными университетами». В них зарождались формы будущего христианского просвещения нашей страны. Один замечательный молодой католик-англичанин как-то сказал мне: «У нас тоже есть братства мирян по изучению Писания, но они не так активны, как ваши. Мы не знаем иногда, с чего начать. Вам в какой-то мере повезло, что вы начинали в катакомбах». Да, он прав – русское религиозное просвещение XX века зарождалось в катакомбных условиях. И «с чего начать» мы знаем только благодаря нашему отцу Александру. Он поднял дело, почти немыслимое для одного человека: создал действующую систему религиозного образования. Притом в условиях, где это было почти невозможно.

Однажды Александр Иванович Зорин попросил меня помочь в уборке квартиры одной из наших прихожанок – Оле Ерохиной. Замысел этой генеральной уборки возник вот как: батюшка был в гостях у Оли, и они с Мишей, её мужем, рассказывали отцу о своих планах. Планы были и в самом деле замечательными – Миша и Оля люди очень одарённые. Выслушав их, батюшка сказал: *«Всё это прекрасно. Но сначала вам нужно привести в порядок свою квартиру».* Квартира была на редкость захламлённой. Множество никому не нужных вещей, старых журналов, детских книжек, поломанных игрушек, просто мусора... Батюшка сказал, что всё это добро надо перебрать и большую часть его безжалостно выбросить. *«Захламлённость*

¹⁷ Сексоты – от «секретные сотрудники», осведомители.

дома свидетельствует о захламлённости души», – говорил он. Эта уборка должна была стать своего рода аскетическим упражнением. В духовной жизни очень важно уметь отказаться от балласта, от лишних вещей, как бы они тебе ни были дороги, победить свою привязанность к ним...

Батюшка сразу же включился в работу. Он никому ничего не поручал, старался брать на себя самую трудную и грязную работу – стирал пыль, двигал мебель, переносил тяжёлые связки книг и журналов. Мы пытались умерить его пыл, но тщетно. Даже в этом малом он оставался верен себе. Мы с отцом Александром разбирали старые журналы и газеты, решая, что оставить, а что выбросить. За работой, как всегда, разговаривали, много шутили, смеялись. Мне попался журнал с портретом Брежнева во всех «цацках». «Ну, этого уж точно на помойку», – сказал я, показав находку отцу. *«Ольга! – громогласно воскликнул батюшка, – у тебя в доме есть какая-нибудь дырка, чтобы её этим заткнуть?»* «Батюшка, дыркой дырку не закроешь», – ответил я. Мы расхохотались.

Однажды батюшке понадобилась наша помощь. С этим связано одно из самых замечательных начинаний, зародившихся тогда в приходе. Мы организовали небольшие плотницкие бригады. Помогали друг другу. Выполняли любые хозяйственные работы. Особенно отличались здесь «рукастые», мастеровитые наши прихожане. Но и «безрукие», вроде меня, во время работы чему-то учились. Кто-то шутя спросил батюшку: «Вы что же, хотите в приходе тимуровскую команду организовать?» *«Вы зря смеётесь, – ответил отец, – тимуровская команда – дело христианское».* И первой пробой наших сил стали книжные стеллажи, которые мы сделали для батюшки.

Александр Зорин

Наша община (малая группа) стала собираться с 1978 года. Состав её складывался в основном по территориальному признаку. Нельзя не считаться с гигантскими расстояниями в Москве. И поэтому малые группы новодеревенского прихода объединяли прихожан, живших либо в одном районе, либо на одной ветке метро, словом, в досягаемой близости. И только одному человеку приходилось ездить на противоположный конец Москвы: нашему руководителю, брату отца Александра Павлу Меню. Батюшка благословил нас изучать Ветхий Завет и поставил руководителем Павла, хорошо знающего иврит и Священное Писание. К сожалению, занятия с ним продолжались недолго: всего две зимы. Но группа не распалась, хотя состав её из года в год обновлялся. Так и должно быть. Малые группы воспитывали в своей среде самостоятельных христиан, способных возглавить новую общину. Так птенцы, поднявшиеся на крыло, должны улететь, чтобы вить новые гнезда.

Лион Измайлов

После службы либо в кабинетике у отца мы общались с ним с глазу на глаз, либо у Зои Афанасьевны (Маслениковой. – Ю.П.) собирались все вместе. Зоя Афанасьевна, скульптор, снимала избу по соседству. Время было – 1981 год. И за такое собрание можно было запросто вылететь не только с работы, но и из Москвы. Андрея Черняка потом таскали и вынуждали уйти с работы. А самого отца Александра могли за такие собрания просто посадить, поскольку подобное было запрещено. И нет сомнения, что сюда просачивались стукачи. Никакого вина на этих посиделках не было. Приносили кто что мог: пироги, конфеты, сыр. Готовился чай, сидели, говорили, но в основном слушали отца Александра. Потом после общего чаепития отец разговаривал с каждым в отдельности, уединяясь в соседней комнатке. У каждого были свои личные вопросы, а он во всех этих вопросах заинтересованно и терпеливо разбирался. Как же это заманчиво – переложить все свои трудности на чужие плечи. Спросить совета, чтобы не самому потом за решение отвечать. Но были, конечно, и другие вопросы: кто-то приходил со

своей статьей, кто-то со своими стихами, кому-то нужно было понять какой-то религиозный или философский вопрос.

Отец со всеми был приветлив и, я бы даже сказал, ласков. Хмурился, думая перед тем, как решить какой-нибудь жизненно важный вопрос. Он и во время службы – я не раз замечал – вдруг нахмурился, даже, мне казалось, независимо от того, что в это время произносил.

Удивительное дело – кого я там только не встречал! Какие-то старые знакомые, которых сто лет не видел и просто забыл. А они вдруг здесь, в церкви. В то время верующие старались скрывать свою религиозность. А то вдруг на посиделках появилась девица из совсем другого, так сказать, распутного мира. Сидела, внимательно слушала, и замашки свои где-то там оставила, и говорила совсем иначе. Один дурачок вдруг туда зачастил. Нёс ахиною, как и в миру. Я-то бы давно его послал, а отец терпеливо его выслушивал и что-то серьёзно ему объяснял. И парень как-то иначе с ним разговаривал, чем обычно. Удивительное терпение – для каждого найти понятный язык, при этом оставаться самим собой и ни под кого не подлаживаться.

Владимир Илюшенко

Отец Александр, собрав нашу молитвенную группу в 1990 году, сказал: *«До сего дня существует представление о христианстве как только о храмовой религии, где человек принимает пассивное участие в службе. Тенденция психологической инерции и наши сложные общественные условия – они сомкнулись. По сути, в Церкви нет общинной жизни. Но Христос основал на Земле вовсе не ритуальную корпорацию для отправления культа – для этого не надо было совершать духовного переворота в истории человечества. Первоначальная община складывалась вокруг таинства, Божественного присутствия. Молитва, милосердие и труд – три момента, составляющие церковную жизнь. Помощь всем людям – это абстракция. Реальная помощь может быть лишь в общине, где люди знают друг друга».*

Монахиня Клер (Латур)

9 июля 1989 года, вернувшись из России, матушка Магдалена¹⁸ впервые позволила себе упомянуть на Западе о своих встречах с отцом Александром. Она сказала: «Там, в Москве, он – наш духовный отец, и мы ему доверяем во всём».

За год до того во время совместной молитвы он сказал: *«Благодарим Господа за это чудо, что мы собрались здесь вместе с сестрой Магдаленой. Благодарим Тебя, Господи, за Малых сестёр во всём мире... Этот мир, где так мало веры и любви, нуждается в них, в свидетелях, умеющих жить в молчаливой молитве в гуще народа...»*

Что отца Александра привлекало в сестре Магдалене, которую он встречал, когда она приезжала в СССР, – это её простота, стойкость, бесстрашие – *«всё, что нужно для жизни здесь»*, – говорил он. Их объединял энтузиазм общения, и отец Александр не боялся строить с ней совместные планы, даже если условия нашей жизни делали эти планы неосуществимыми. О некоторых вещах он мог говорить только с ней, например, о расширении его апостольского служения, о росте молитвенных групп, об изучении Евангелия. Смеясь, он говорил, что не только готов давать нам советы, которые дала бы матушка Магдалена, окажись она здесь, но готов их давать «с энтузиазмом». Записочки, которые мы получали от него, часто пестрели смешными рисунками. Оба они умели радоваться, как дети, от обмена подарками. Многолетняя религиозная энциклопедия, буквально по капле проникавшая в Москву, написанные им и изданные в Брюсселе книги, диапозитивы, необходимые ему для создания диафильмов, – всё это было источником радости для отца Александра, и он в свою очередь готов был вынести все сокровища из своего кабинета и поделиться с нами.

¹⁸ Монахиня Магдалена (Утен, 1898–1989) – основательница конгрегации малых сестёр Иисуса.

Можно сказать, что отец Александр любил наше Братство. Он принял в своё сердце брата Шарля ещё до знакомства с нами. Каким чудом получил он первый перевод книги брата Шарля на русский язык, изданной в Брюсселе в то время, когда границы были на замке? Он говорил о Шарле де Фуко¹⁹: *«В жизни человека, как в айсберге, главное – не то, что видишь на поверхности воды, но то, что скрыто. И нужно очень стараться укреплять эту невидимую для других жизнь, как это делал брат Шарль».*

Роза Кунина-Гевенман

От наших друзей из новодеревенского прихода мы знали, что отец Александр всегда интересуется обстоятельствами нашей жизни, и даже через посылаемые нам приветы мы ощущали: он – рядом... Его помощь в трудные периоды была необыкновенно реальной, необходимой и оказывалась поистине чудом. Так, во время подготовки к переезду в новую квартиру в 1981 году, что было связано с большими трудностями в нашем преклонном возрасте, он прислал мне открытку с припиской: *«Когда нужна будет помощь – только скажите».* И тут же появился человек, на вид худой, аскетического склада, Володя Лихачёв, вскоре ставший нашим чудесным другом. А через несколько дней с группой студентов – «лихачёвской бригадой» – Володя начал одолевать, казалось, непреодолимые трудности: перевозку стеллажей, люстры, многих тюков с книгами; и на наших глазах уже в новой квартире со сказочной быстротой установился порядок – укрепили книжные полки, стеллажи, шкафы и тому подобное...

Владимир Леви

Умение побудить к работе других: деятельное доверие. *«Я стараюсь делать только то, что кроме меня не может делать никто другой. Если находится кто-то, умеющий сделать лучше или быстрее, отдаю это ему...»* Вокруг отца Александра всегда было много добровольных сотрудников и помощников – в основном, конечно, из паствы. Команда, и не одна даже, а несколько. Удивительно: люди-то были в большинстве далеко не подарочные – тяжёлые, сложные, изломанные, часто и бестолковые – а всё слаживалось, всё крутилось. Организатор весёлый был, праздничный организатор!

Зоя Масленикова

В те времена ни о какой работе с прихожанами, кроме исповеди во время богослужения и исполнения церковных треб, речи не могло быть. Всё, что отец Александр делал, все его общения с духовными чадами выходили за рамки дозволенного властями. В лучшие времена общения проходили в домике при церкви, в худшие времена – на квартирах, по пути от церкви к дому, в электричке, по дороге в Москву и так далее. Некоторые прихожане как бы «висли» на отце Александре, связи были радиальные – все устремлялись к нему. А он всегда следил за тем, чтобы собой, своим ярким могучим образом не заслонять Христа, а быть только проводником к Нему. Но в этих условиях, когда каждый хотел поговорить с отцом Александром и нужно было ждать по многу часов своей очереди, чтобы с ним побеседовать, – он никому не отказывал. Возникла потребность в новых формах общения, чтобы опытные прихожане могли помогать начинающим, объясняя им основы церковной жизни. И тогда появилась идея организовать малые домашние группы. Обычно раз в неделю небольшой группой (семь-двенадцать человек) мы собирались у кого-то дома и вместе читали Евангелие, молились, проходили катехизацию, т. е. познавали основы веры. Через какое-то время выявилось несколько талантливых

¹⁹ Шарль Эжен де Фуко (1858–1916) – монах-траппист, отшельник, исследователь Африки. Погиб во время восстания туарегов.

катехизаторов, которые занимались подготовкой к крещению и воцерковлению тех, кто был крещён в детстве. Собираясь вместе, мы учились быть христианами.

Михаил Мень

Есть такое понятие: работать командой. У меня было полное ощущение, что в том, чем занят отец, есть команда, есть люди, расставленные по местам, и отец чётко работает в этой команде. И у него не было никаких своекорыстных интересов, кроме работы на эту команду. *«Будешь хорошо работать, – говорил он, – и всё Бог даст»*. Сейчас это кажется чем-то странным. Вот об этом в связи с отцом не говорится, а ведь это поразительный феномен – изо дня в день выполнять задание свыше... Каждый день, проживаемый как целая жизнь.

Юрий Пастернак

Весной 1986 года спрашиваю у батюшки благословение, чтобы снять дачу на лето неподалёку от Новой Деревни. *«Это очень хорошо, – отвечает батюшка, – география в нашем деле очень важна. Можно, конечно, общаться и на расстоянии. Я чувствую вас и молюсь о вас, но ничто не заменит непосредственного контакта»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.